

M2176604

84P6-4
Л 148

К. ЛАГУНОВ

СКАЗКИ

6 лет

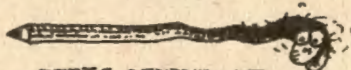
**Пятьдесят
лет
Тюменской
области**

84Р6-4
Л148

К. ЛАГУНОВ

СКАЗКИ

ХУДОЖНИК
С. АЙНУТАЙНОВ

ЕКАТЕРИНБУРГ
Средне-Уральское книжное
издательство
1994

ББК 84Р7
Л 14

м 2176609

Л 4803010201-018 5-94
М 158(03)-94

© К. Лагунов, 1994
© С. Айнутдинов, ил., 1994

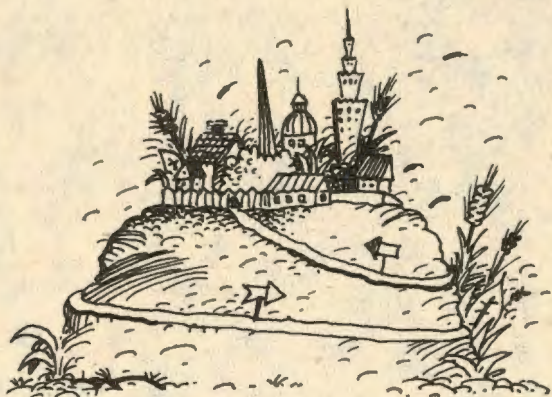
Свердловская
общественная
научная библиотека
им. В. Г. Белинского

ГОРОДОК НА БУТРЕ

1

С неба упала

На крытом току колхозники очищали кукурузу. Зерно ссыпали в кучу. Куча была высокая, до самой крыши. Прямо гора.

На вершине этой горы лежала Кукурузинка.

В невидимую щелочку на крыше пролез тоненький солнечный луч. Он подкрался к Кукурузинке и пощекотал её.

Кукурузинка сморщилась. Жёлтые ресницы затрепетали. Она шевельнулась да как чихнёт — апчхи! — и кувырком покатилась с кучи.

Только хотела встать, как её подхватила неведомая сила и подняла вверх.

Это Сорока увидела белеющее на земле зёрнышко и на лету подхватила его клювом.

Тут подлетела к ней воробьиная стая. Окружили воробьи Сороку, любопытствуют:

— Где была?

— Что видела?

— Расскажи!

А Сороке только этого и надо. Повела она по сторонам горделивым взглядом, нахохлилась и затараторила:

— Ах какая я зоркая! Какая смелая! Зовите всех сюда. Пусть слышат. Пусть видят. Что я нашла! Вот это находка! Такого зерна никто не видал. Никто не едал. Ай да зерно! Какое сочное! А душистое! Я его из-под ястребиного носа выхватила.

На Сорочью трескотню слетелось множество птиц. Они удивлённо хлопали крыльями и галдели:

— Ай да Сорока!

— Подумать только!

— Ну и храбрец!

А глупый воробышка подпорхнул к ней и пропищал:

— Покажи зерно.

— Покажи! Покажи! — подхватили и другие птицы.

— Да вы что, ослепли? — рассердилась Сорока. — Разве не видите, какое зерно торчит в моём клюве?

— В твоём клюве? — удивлённо переспросил голубь и засмеялся.

И все птицы принялись хохотать и кувыряться. А задиры воробьи давай дразнить Сороку:

— Балаболка! Пустомеля!

В клюве Сороки и в самом деле ничего не было.

— Карр-аул! Обо-кrra-ли! — всполошилась хвастливая Сорока.

Вот так и начались необыкновенные приключения Кукурузинки.

Выпала она из Сорочьего клюва и полетела прямо на железную крышу большого дома. «Теперь я погибла. Разобьюсь», — и от страха крепко зажмурилась.

Но она не разбилась. Потому что упала на спину серого мохнатого Кота, который растянулся на крыше и грелся на солнышке. Фыркнул Кот. Вскочил. Злыми зелёными глазами повёл по сторонам. Увидел Кукурузинку. Надул щёки, растопырил усы:

— Мя-ау! Это ты на меня прыгнула?

— Я не прыгнула. Я упала.

— С неба, что ли?

— Нет. Я выпала из клюва вон той птицы. Слышите, как она кричит?

— А-а! — Кот зевнул. — Это глупая Сорока. Люблю Сорочье мясо. Вкусное. Меня все птицы боятся. Я — Кот. Не слышала про меня? Удивитель-но! Придётся тебя съесть.

Кот обнюхал Кукурузинку. Презрительно сморщился:

— Ладно. Не трону. Ты невкусно пахнешь. Обиделась?

— И не подумала. А как вы сюда попали?

— Я могу залезть куда угодно. Видишь, какие у меня когти? Лучше котов никто не лазает и не прыгает. Не веришь? Смотри.

Кот выгнул спину дугой, распушил хвост,

потом присел на задние ноги и прыгнул. Да как! Кукурузинка и за час не прошла бы столько.

Стала Кукурузинка расхваливать Кота. Тот заважничал. Довольно прищурил зелёные глаза. Заходил по кругу и замурлыкал. Хвостом закрутил. Согнул его кренделем. Потом сделал восьмёркой. Потом торчмя, как палку, вскинул вверх. Остановился перед Кукурузинкой, поворачивал глазами:

— Меня все боятся. Особенно мыши. Стоит мне мяукнуть — мя-ау! — и целый полк мышей кинется наутёк. А если мышь увидит в темноте мои глаза — она каменеет от страха. Ночью мои глаза горят, как светлячки! Хожу я бесшумно. Смотри и слушай. Я втягиваю когти и иду. Вот так.

И Кот, неслышно ступая, пошёл по железной крыше. Сколько ни напрягала Кукурузинка слух, она так и не услышала кошачьих шагов.

Вдруг Кот остановился и замер. Только уши у него шевелились да ноздри жадно втягивали воздух.

— Ты слышишь? — прошептал он. — На той стороне крыши галчата делят червяка. Попробую изловить галчонка. Прощай.

И, помахав длинным пушистым хвостом, Кот убежал.

На Грозовой Туче

Долго ждала Кукурузинка возвращения Кота. Думала, он поможет ей спуститься на землю. Но Кот не вернулся.

Надо было самой выбираться отсюда. А куда идти? Кругом, насколько видит глаз, только крыша да небо.

Хорошо, что из-за облака выглянуло Красное Солнышко. Доброе, весёлое. Расстелило оно по крыше золотой луч, и Кукурузинка зашагала по нему, как по дорожке.

Откуда ни возьмись — Туча. Закрыла Солнце. Погасла золотая дорожка под ногами Кукурузинки, и она пошла наугад.

Шла, шла да и очутилась на краю крыши. Глянула вниз — ахнула. Вот так высота! Даже дух захватило. Как же быть?

Дёрнула она себя за косичку — задумалась. А что тут придумаешь? Пригорюнилась, вот-вот заплачет.

Вдруг что-то как шлёпнет по крыше — и брызги кругом полетели. Вскочила Кукурузинка — видит, рядом с ней маленькая лужица появилась. «Откуда она взялась?» А по крыше снова — шлёп, шлёп, шлёп! Это падали дождевые капли. Их становилось всё больше, и летели они всё быстрее. И скоро из маленьких капелек получились водяные ниточки.

Вцепилась Кукурузинка в ниточку и давай по ней карабкаться вверх. Ниточка качается на ветру, прогибается, того и гляди, оборвётся. Кукурузинка от страха даже дышать перестала, а сама всё лезет и лезет вверх.

— Кто посмел дёргать меня за бороду? — послышался сверху громкий сердитый голос.

Подняла голову Кукурузинка и увидела чёрное косматое чудище. Из глаз у него огонь вылетает, изо рта дым клубится.

— Кто вцепился мне в бороду? Отвечай! — снова загрохотало чудище. — Не то молнией проколю, громом оглушу. А ну!

Тут как громыхнёт над головой, будто небо пополам раскололось. И во все стороны полетели огненные стрелы.

— Это я, — еле слышно пролепетала Кукурузинка.

— Как ты сюда попала?

— Я... Я сама не знаю. Я думала...

— Мало ли что ты думала!.. — прорычало чудище. — Зачем ты сюда залезла?

— Я хочу домой, — дрожащим голосом ответила Кукурузинка и рассказала всё, что с ней приключилось.

— Это хорошо, — добродушно проворчало чудище. — Молодец! Люблю смелых. Полезай ко мне на спину. Да покрепче держись. Я тебя мигом домчу.

— А вы кто? — осмелела Кукурузинка.

— Я... Ха-ха! Неужели ты не знаешь меня?
Глупышка! Тогда слушай.

И чудище запело громовым голосом:

Я черным-черна, гремуча,
Я не облако, а Туча.
Над землёю я лечу,
Стрелы-молнии мечу.
Длинной мокрой бородой
Подметаю шар земной.
Наполняю я водой
Ручейки, озёра, реки.
Без меня бы шар земной
Неумытым был вовеки.

Поняла теперь, кто я? Я — Туча. И не простая,
а Грозовая. Вот смотри.

Сверкнула молния — и раздался такой гром,
что Кукурузинка задрожала.

— Ну-ну,— ласково пророкотала Туча,—
не трясись. Это я просто так. Пошутила. Куда
тебя отвезти?

— Я бы хотела вернуться на землю.

— Ладно. Довезу тебя до поля и спущу на
землю. Только держись покрепче.

Как огромная чёрная птица, летела косматая
Туча по небу. Ветер свистел в ушах Кукурузинки. Она посмотрела на плывущую вниз землю и не удержалась, задорно крикнула: «Эгей!»
Ей было очень хорошо. Хотелось смеяться и петь.

Мимо пролетали кудрявые лёгкие облака.
Над головой сверкало яркое Солнце. А внизу

шумел ливень, вспыхивали голубые молнии, грохотал гром.

— Эй! — донеслось до Кукурузинки. — Ты не заснула?

— Что вы!

— Погляди-ка вниз. Видишь, какой простор! Поля и леса кругом.

— Как быстро мы прилетели, — вздохнула Кукурузинка.

— Не хочется слезать?

— Нет.

— Тогда посиди ещё. Видишь внизу речку? Сейчас подолью в неё водички. А потом и тебя спущу на землю.

Туча стала снижаться. Лохматыми боками она задевала деревья, и те, покорно склоняя вершины, тревожно шумели листвою.

Вот Туча нависла над рекой, и сразу по-чернела в ней вода, засверкали белые гребешки волн. Забарабанили по воде крупные, тяжёлые капли дождя.

Но вот и река осталась позади.

— Теперь слезай, — устало пророкотала Туча, — мне пора отдохнуть.

— Спасибо вам, Грозовая Туча. Вы спасли меня...

— Пустяки, — гроыхнула Туча.

— До свиданья. Счастливого пути вам, Грозовая Туча...

Кукурузинка уцепилась за дождевую ниточ-

ку и стала спускаться вниз. Сначала она спускалась медленно, потом всё быстрее и быстрее, а потом так стремительно заскользила, что у неё потемнело в глазах.

Кто я?

Кукурузинка пришла в себя. Подняла руку — цела. Подняла другую — тоже цела. Пошевелила ногами — ноги на месте. Потрогала голову — и голова цела. Засмеялась она от радости. Вскочила. Огляделась. Никого кругом.

Вдруг что-то зашуршало, затрещало, и перед испуганной Кукурузинкой вырос целый лес зелёных травинок. Все они были как на подбор. Высокие, стройные, перепоясанные широкими ремнями. Все одеты в одинаковые рубахи, обуты в зелёные ботинки со шпорами. На головах — бирюзовые шлемы. В руках — щиты. На боку — мечи. За спиной — пики.

Они плотным кольцом окружили Кукурузинку, пики на неё направили и грозно крикнули: — Стой!

Вышел вперёд Старший Травинка. Сердито пошевелил длинными зелёными усами. Громко спросил:

— Кто ты? Откуда и куда? Отвечай!

Кукурузинка пожала плечами, беспомощно развела руками:

— Я не знаю.

— Не может быть! — зашумели травинки. — Она смеётся над нами!

— Что вы, что вы! — замахала руками Кукурузинка. — Я ни капельки не смеюсь. Откуда мне знать, кто я. Я же себя ни разу не видела.

Старший Травинка принялся закручивать усы в кольца. Это означало, что он глубоко задумался. Потом он снова распустил усы и сказал:

— Загляни в эту лужу, и ты увидишь себя.

Подбежала Кукурузинка к лужице. Заглянула в неё и увидела своё отражение. Выпуклый лоб. Пухлые щёчки. Голубые глаза. Курносый нос пуговкой. А за спиной рыжие косицы болтаются.

Подумала она и говорит:

— Всё равно не знаю, кто я.

Сердито нахмурился Старший Травинка. Засопел и стал опять свивать в кольца свои зелёные усищи. Крутил, крутил да и приказал позвать учителя Одуванчика.

Скоро, опираясь на посох, пришёл старый-престарый учитель Одуванчик. Он был весь седой. И волосы, и борода, и усы, и брови, и даже ресницы у него были седые, будто серебряные.

Достал Одуванчик большие очки. Протёр их. Надел на нос. Наморщил лоб и принялся рассматривать незнакомку.

Потом вынул из кармана толстую книгу. Полистал, полистал её и говорит:

— Это Кукурузинка.

— Спасибо,— поблагодарила она Одуванчика.— Теперь я знаю, кто я.— И Кукурузинка шагнула вперёд.

Но травинки снова окружили её, ошетинились пиками.

— Ты у нас в плену,— угрожающе зашевелил зелёными усами Старший Травинка.—

Хочешь быть на свободе — Расскажи нам весёлую сказку.

— Не знаю я ни одной сказки. Ни весёлой, никакой.

— Вот задача, — смущённо пробормотал Старший Травинка. — Она не знает ни одной сказки! Как же быть?

Все вопросительно посмотрели на белоголового учителя Одуванчика. А он сомкнул серебристые ресницы и то ли уснул, то ли задумался.

Старший Травинка подождал, подождал — не выдержал. Нетерпеливо кашлянул. Одуванчик открыл глаза и тихо сказал:

— Пускай споёт песенку.

— Пусть поёт, пусть поёт! — закричали травинки хором и уселись в круг.

Хлопнула Кукурузинка в ладоши. Топнула маленькой ножкой. И звонким, весёлым голоском запела:

Ростом мала,
Немного курноса,
Всегда весела,
Не вешаю носа,
Не плачу в беде
И не унываю.
Всегда и везде
Весёлой бываю.
Тра-ля-ля-ля,
вот она я —
Мала и кругла,

Как бусинка.
Ни с кем не дерусь,
Пою и смеюсь.
Я — Ку-ку-рузинка!

Песенка всем очень понравилась. Травинки вскочили и так оглушительно затопали ботинками, зазвенели шпорами, захлопали в ладоши, что у Кукурузинки голова закружилась.

— Молодец, — похвалил её Старший Травинка, — твоя песенка пришлась нам по душе. Мы отпускаем тебя на все четыре стороны. Скажи только, куда ты идёшь?

— Меня унесла Сорока. Я убежала от неё и теперь иду сама не знаю куда.

— Как же так? — забеспокоился Одуванчик. — Надо знать — направо ты пойдёшь или налево?

— Пойду по этой тропинке. Может быть, она и приведёт меня куда-нибудь.

— Может быть, — сказал Одуванчик.

— Ну иди... — вздохнул Старший Травинка. Травинки расступились, пропуская Кукурузинку. Но тут старый учитель Одуванчик укоризненно покачал седой головой и недовольно сказал:

— Куда вы её отпускаете? Ведь она раздета и разута. Так нельзя.

Все сразу согласились с Одуванчиком. Травинка побежал за швейным мастером.

Портной Соломинка

Портной Соломинка был тонкий и высоченный, с большой сумкой на боку. В руках он держал ножницы и мел. Из кармана его золотистой куртки торчала рулетка.

Старший Травинка попросил портного сшить для Кукурузинки самое красивое платье.

— Можно, — согласился Соломинка.

Засучил он рукава своей куртки. Сдвинул на макушку жёлтый берет. Выхватил из кармана рулетку и склонился над Кукурузинкой. Да только никак не мог дотянуться до неё. Тогда портной склонился ещё ниже. Вот уже он согнулся коромыслом. Вот превратился в колесо и вдруг закричал:

— Скорей! Поддержите! Сейчас я переломлюсь!

Травинки подхватили Соломинку за плечи, помогли ему выпрямиться.

— Фу, — облегчённо вздохнул он. — Ещё мгновение — и я переломился бы пополам. Вот задача! Как же снять с неё мерку?

В самом деле, это была нелёгкая задача. Ведь Кукурузинка ростом была чуть выше портновских красных башмаков с загнутыми носками.

— Придётся встать на колени, — посоветовал Старший Травинка.

— Пожалуй, — согласился Соломинка.

Однако и стоя на коленях, он не смог снять мерку с Кукурузинки.

— А попробуйте-ка встать на четвереньки, — предложил Старший Травинка.

Соломинка попробовал.

— Вот сейчас я снял бы с неё мерку, — проговорил портной. — Если бы... если бы у меня было четыре руки. На двух я бы стоял, а двумя снимал мерку. Где же раздобыть ещё пару рук?

Травинки в ответ только плечами пожимали.

Старший Травинка взялся за усы, покрутил их и попросил совета у Одуванчика.

И опять старый учитель нацепил на нос большие круглые очки. Пригладил серебряную бороду, подумал и промолвил:

— Пусть Кукурузинка встанет на щит. А двое самых высоких и самых сильных из вас поднимут этот щит вместе с ней.

Так и сделали. Стоя на щите, Кукурузинка доставала Соломинке до плеча, и портной проворно снял мерку.

Потом Соломинка уселся на землю. Достал из сумки яркие лоскутки. Разложил их перед собой и стал кроить, звонко щёлкая длинными ножницами.

Затем он вынул из берета самую короткую и самую тонкую иголку и начал шить. Игла так проворно мелькала в воздухе, что за ней трудно было уследить.

Соломинка шил и вполголоса напевал:

Я, Соломинка-портной,
Целый день сижу с иглой.
Для меня она — подруга,
Мы ни шагу друг без друга.
Всей округе мы должны
Сшить рубахи и штаны.
Всем должны мы угодить,
Всех по вкусу нарядить.
Потому-то день-деньской
Мы работаем с иглой.
И меня за этот труд
Швейным мастером зовут.

Допев песенку, Соломинка встал. Воткнул иглу в берет. Рассовал по карманам рулетку, мел, ножницы и сказал:

— Готово.

Чудесный наряд сшил он для Кукурузинки! Красную юбочку — из лепестков мака. Белую кофточку — из лепестков ромашки. Жёлтые башмачки — из лепестков лютика.

— Красиво, — проговорил Старший Травинка, и его зелёные усы задрожали от удовольствия.

— Великолепно! — гаркнули хором травинки, оглушительно заскрипев зелёными ботинками.

Пришло время расставаться. На прощание Старший Травинка сказал:

— Всюду на земле есть наши братья. Попадёшь в беду — покличь их. Склонись к земле и позови: «Травка-муравка, зелёная булавка, меня защити, врага уколи». И сразу травинки придут к тебе на помощь. Не забудешь?

— Не забуду! Никогда не забуду.

Кукурузинка запела свою песенку и пошла.

Старший Травинка смахнул с зелёных усов слезу и замахал бирюзовым шлемом.

Портной Соломинка вытер платком влажные глаза и прошептал:

— Прощай, Бусинка.

Учитель Одуванчик низко склонил большую седую голову и молчал.

А травинки махали и махали руками вслед Кукурузинке. Махали до тех пор, пока она не скрылась за крутым поворотом полевой тропинки.

Здравствуй, Пахтачок!

Наступил полдень. Немилосердно палило солнце. А Кукурузинка всё шла и шла.

Неожиданно тропинка оборвалась у берега широкой реки.

Высокие мутные волны угрожающе шумели. Одна волна так хлестнула Кукурузинку по ногам, что едва не опрокинула.

Отпрыгнула Кукурузинка в сторону. Прикрыла от солнца ладошкой глаза, посмотрела на другой берег — далеко. Как же теперь выйти на тропинку?

Будь на месте Кукурузинки любая другая девочка, она непременно бы расплакалась и стала звать маму. Но Кукурузинка и не собиралась плакать. Она подумала-подумала, подёргала себя за рыжую косичку да и махнула рукой. «Пойду вдоль берега», — решила она.

Идёт и слышит: догоняет её кто-то. Кукурузинка оглянулась и увидела большую круглую пушистую шляпу. Шляпа сверкала на солнце, как снег. Из-под неё выглядывало мальчишечье

лицо, долгоносое, скуластое, с острым подбородком.

Мальчик был одет в белоснежную куртку и серые короткие штаны. На ногах — белые резиновые сапожки. Подбежав к Кукурузинке, он снял шляпу и, приложив левую руку к груди, поклонился.

— Ты кто? — изумилась Кукурузинка.

— Неужели ты не узнаёшь меня? — воскликнул мальчик. — Я — Пахтачок. Ну, что ты так смотришь? Это моё имя. А на самом деле я обыкновенное хлопковое семечко. А кто ты?

— Кукурузинка.

— Вот хорошо, что мы встретились... — начал было Пахтачок, но тут же умолк. Нахмурился, испуганно оглянулся.

— Чего ты испугался?

— Беда! За мной гонится Клещ.

— Кто он?

— О! Это страшный злодей. Он ловит и съедает таких малышей, как мы. Бежим скорее отсюда!

— Куда же мы побежим?

— По берегу нам не убежать. Надо туда, за реку. Клещ не умеет плавать!

— А как мы туда переберёмся? — спросила Кукурузинка.

— Надо что-то придумать.

Пахтачок огляделся, увидел сухой кленовый лист.

— Вот нам и лодка! — Подбежал к листку, поплевал на ладони и ну толкать его к берегу.

Кукурузинка изо всех сил помогала ему. Но лист был очень тяжёлый и медленно двигался к воде.

Кукурузинка перевела дух, оглянулась и обомлела. Прямо на них неслышно двигалось какое-то ужасное существо. С рогатой головой и разинутой пастью. Жутко сверкали его выпученные глаза. Хищно блестели громадные клыки.

Он зарычал, защёлкал зубами. Это и был Клещ.

— Всё пропало! Мы погибли! — Пахтачок прикрыл собой Кукурузинку. — Беги. Я его задержу!

— Толкай скорее листок! — крикнула Кукурузинка, а сама побежала навстречу Клещу.

— Куда ты? Вернись! — закричал ей вслед испуганный Пахтачок.

Увидел Клещ бегущую к нему Кукурузинку и затрясся от злости. Разинул до ушей клыкастую пасть, зафыркал, забрызгал голодной слюной. А Кукурузинка от страха закрыла глаза, склонилась к земле и быстро-быстро прошептала:

— Травка-муравка, зелёная булавка, меня защити, врага уколи.

И в то же мгновение из-под земли выскочил целый полк зелёных травинок. Они плотным кольцом окружили Кукурузинку. Выставили перед собой пики, подняли над головами щиты и грозно крикнули Клещу:

— Вон!!

Забегал Клещ вокруг травинок. Когтистыми лапами размахивает, глазищами хлопает, клыками клацает. А поделать ничего не может. Сверху Кукурузинку щиты прикрывают, сбоку к ней пики не пускают. Несколько раз кидался на них Клещ. Весь живот исколол. Заревел от злости и боли. Хвостом себя по бокам хлещет, рогами воздух бодает, когтями землю роет.

Пока Клещ бегал вокруг травинок, Пахтачок столкнул кленовый листок на воду.

— Беги, Бусинка, — зашумели травинки.

Расступились, выпустили из кольца Кукурузинку, а Клеща окружили со всех сторон. Приставили к нему пики. Не двинуться Клещу, не шелохнуться.

Добежала Кукурузинка до берега, прыгнула на кленовый листок.

— Спасибо, родные! До свиданья!

— Счастливого пути! — дружно откликнулись травинки.

Они построились в ряд. Вскинули на плечи пики и запели:

Мы, дружные травинки,
Шагаем в ряд.
Зелёные ботинки
Поют-скрипят.
Не зря враги боятся
Зелёных рот:
Умеет храбро драться
Степной народ.
А ну, вперёд, травинки,
За рядом ряд.
Зелёные ботинки
Пускай скрипят.

Допели они песенку до конца и исчезли, словно провалились сквозь землю.

Водопад

Давно пропали травинки. А Клещ всё ещё стоял на месте и никак не мог опомниться. Наконец он пришёл в себя. Бешено рывкнул и кинулся к берегу. Но кленовый листок с Кукурузинкой и Пахточком был уже далеко. Заревел Клещ пуще прежнего и припустился по берегу за ними. Бежал, бежал изо всех сил. Раскраснелся, распыхтелся, как пузырь

надулся да вдруг за камень запнулся, на землю кувыркнулся, носом в кочку ткнулся и заплакал от злости.

Пахтачок с Кукурузинкой весело смеялись над Клещем.

Течение реки было очень быстрым. Листок летел по волнам как стрела. Он то высоко подпрыгивал, то нырял вниз. Над ним взлетало множество мельчайших брызг. В ярких лучах солнца эти брызги сверкали и переливались. И кленовый листок издали походил на диковинный корабль.

Но вот впереди послышался странный шум. С каждой секундой он становился всё громче и тревожнее. И вскоре совсем рядом раздался ужасный грохот. Пахтачок что-то закричал, но Кукурузинка не расслышала его слов. Тогда он склонился и крикнул ей в самое ухо:

— Впереди водопад! Скорее к берегу!

Оба изо всех сил принялись грести руками. Только течение было сильнее их. Оно всё быстрее и быстрее несло беспомощный листок навстречу водопаду.

Пахтачок сорвал с головы шляпу. Высоко поднял её. Он думал, что ветер надует шляпу, как парус, и повернёт челнок к берегу. Но сильный порыв ветра вырвал шляпу из рук, и она, белой птицей перелетев реку, пропала из виду.

А водопад стремительно надвигался на них.

Вот уже совсем близко пенистые гребни водоворота. Вода там кипела и пузырилась, как в котле.

Кукурузинка вцепилась в зубчатые края кленового листка и замерла.

На гребне водоворота листок подкинуло вверх и несколько раз перевернуло в воздухе. Друзья не удержались и полетели в воду.

Водоворот подхватил Кукурузинку, закружил, завертел её, потянул вниз. Она отчаянно махала руками, но водоворот всё глубже и глубже засасывал её. И вот вода сомкнулась над ней. Перед глазами поплыли разноцветные круги, и Кукурузинка пошла на дно.

Тут какая-то сила рванула её вверх. Широко раскрытым ртом вдохнула Кукурузинка свежего воздуха и увидела рядом Пахтачка. Он держал её за рыжую косицу и изо всех сил тянул к берегу. Пушистая куртка удерживала Пахтачка на воде. Он не тонул и не давал утонуть Кукурузинке.

Долго они боролись с бешеными волнами. Наконец им удалось вырваться из цепких лап водоворота. Течение подхватило их и понесло. С большим трудом выбрались они из воды и, обессиленные, упали на горячий песок.

Прошёл час, а может быть, и два. Друзья хорошо отдохнули, согрелись и высохли на солнышке.

Кукурузинка вскочила:

— Вот мы и переплыли реку.

— Где уж там «переплыли»! — отозвался Пахтачок. — Мы еле выкарабкались.

— Главное — мы на другом берегу, — отмахнулась Кукурузинка. — Куда теперь пойдём?

— Давай сначала найдём шляпу, а потом решим, куда идти.

И они отправились искать унесённую ветром белую шляпу Пахтачка.

Он не спеша шёл впереди. Покачивался из стороны в сторону и протяжно напевал:

Слон самый сильный из зверей,

Конечно, самый сильный.

Лев самый хищный из зверей,

Конечно, самый хищный.

Но я их вовсе не боюсь,

Конечно, не боюсь их.

И ради друга я готов,

Конечно же, готов я

Один на стадо львов напасть,

Конечно, хоть на стадо.

— Чудесная песенка, — засмеялась Кукурузинка. Вдруг она оборвала смех, задумалась.

— Что случилось? — встревожился Пахтачок.

— Свой дом вспомнила, — со вздохом ответила Кукурузинка и рассказала, как её унесла Сорока, как она встретилась с Котом и как убежала с крыши.

— Не горюй. Найдётся твой дом. Будем

вместе искать и найдём. Теперь всё страшное и грустное позади,— утешал её Пахтачок.— Прибавь-ка шагу! Видишь, что-то белеет на бугре. Может быть, это и есть шляпа.

Боб Бобыч

Пахтачок не ошибся. На бугре действительно лежала его шляпа. Но пока друзья вскарабкались на вершину высокого бугра, наступил вечер.

— Ох,— вздохнула Кукурузинка,— я так устала, так устала! Не могу больше стоять.— И она упала на землю.

— Мои ноги тоже не держат меня,— откликнулся Пахтачок и повалился рядом.

Надвигалась ночь. Красный шар солнца уже наполовину закатился за горизонт. Прохладный ветер закружил над землёй. С тревожным криком проносились птицы. Они торопились в свои гнёзда.

— Скоро спрячется солнце и настанет чёрная ночь.— Пахтачок тяжело вздохнул.— Пора и нам подумать о ночлеге.

Он быстро расстелил свою мягкую, пушистую куртку, и друзья улеглись на ней.

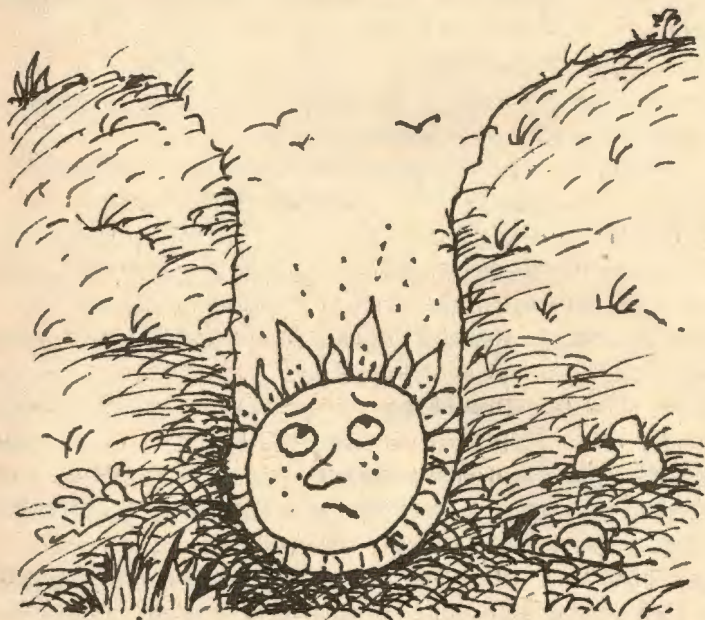
Небо над головой почернело от туч. Солнце совсем скрылось. Стало темным-темно. Вдруг ба-

бахнул такой гром-громище, что земля задрожала. С треском разорвав тучи, в небе промелькнула ослепительно голубая змея — молния. Хлынул проливной дождь.

Пахтачок едва успел вскинуть над головой свою огромную шляпу. Под ней и укрылись друзья.

— Это Грозная Туча землю подметает, — сжавшись в комок, проговорила Кукурузинка. — Она добрая. Если бы знала, что мы здесь, ни дождинки на нас не уронила бы.

— Держи крепче шляпу, а то ветер унесёт её. Тогда мы пропали.

Несколько раз Кукурузинка высовывалась из-под шляпы и что есть сил кричала в тёмное небо:

— Грозовая Туча! Не поливай! Здесь мы!

Но её тоненький голосок тонул в шуме проливного дождя.

Всю ночь громыхал гром, сверкали молнии и бушевал ливень. Крупные капли угрожающе барабанили по шляпе. Ветер вырывал её из рук, закидывал под неё холодные дождевые брызги. Друзья ёжились от холода, прижимались друг к другу и молчали.

Утром дождь перестал. В небе засверкало солнце. Стало тепло и весело.

— Как хорошо! — сказала Кукурузинка. — Только есть хочется. Сейчас я бы одна съела целый горшок каши.

— А у меня знаешь какой аппетит? Я бы не горшок, а целый котёл опорожнил.

— Тогда пойдём поищем чего-нибудь съестного, — предложила Кукурузинка.

И они отправились на поиски.

Друзья вернулись на бугор не с пустыми руками. Усаживаясь завтракать, Пахточок сказал:

— Не хотел я тебя огорчать, но ничего не поделаешь. Знаешь ли ты, что скоро придёт сырая осень, а за ней зима. Будет холодно.

Всё засыплет снегом. И если зима застигнет нас в пути, мы пропадём. — Пахтачок помрачнел.

— Зачем нам пропадать? Давай лучше что-нибудь придумаем. — Кукурузинка дёрнула себя за рыжую косицу и задумалась.

Пахтачок тоже стал думать, приложив ладошку ко лбу.

Сколько времени просидели они так — кто знает. Но вот Пахтачок повернул к Кукурузинке посветлевшее лицо и радостно воскликнул:

— Я придумал! Давай построим здесь дом. Запасёмся едой. Наготовим дров и перезимуем. Так они и порешили.

Облюбовали место на бугре. Наносили большую кучу глины. Вырыли в ней ямку. Налили туда воды из лужицы. Глина намокла, потемнела, стала вязкой, как тесто. Из этого глиняного теста друзья принялись лепить кирпичи.

Это была нелёгкая работа. Но они трудились не разгибая спины. А чтобы работалось легче, Кукурузинка вполголоса запела:

Тра-ля-ля-ля,
Вот она я —
Мала и кругла,
Как бусинка.
За что ни возьмусь,
Того и добьюсь.
Я — Ку-ку-рузинка!

— Тише! — Пахтачок предостерегающе вскинул руку.

Кукурузинка перестала петь, и сразу послышалось громкое надсадное пыхтение:

— Фух-пух-ух!

— Что это? — удивилась Кукурузинка.

Пахтачок в ответ только плечами пожал.

А пыхтение приближалось, становилось всё громче и тяжелее. Теперь стало ясно: кто-то поднимался по склону бугра. Но кто?

Друзья проворно спрятались за груды готовых кирпичей.

Фыркание раздалось совсем рядом. И вот над бугром стала видна большая лысина. Потом показалась круглая голова с толстыми щеками, большущим носом и красными мясистыми губами. По надутым щекам текли ручейки пота. Из раскрытого рта, как из трубы, вылетало:

— Фух-пух-ух!

Ещё минута — и на бугре появился высокий круглый толстяк. С портфелем и тростью в одной руке. С большим клетчатым платком — в другой. Платок был так велик, что походил на простыню. Толстяк поминутно обтирал им потную блестящую лысину и сопел.

Он долго стоял, тяжело отдуваясь, бессмысленно глядя по сторонам выпученными, как у рака, глазами. Потом засунул платок в карман. Взял в освободившуюся руку трость. Помахивая ею, медленно зашагал к куче кирпичей.

Кукурузинка с Пахтачком выскочили из укрытия.

Толстяк испуганно попятился. Но ему ничто не угрожало. И, выпатив надутый, как мяч, живот, он снова двинулся вперед. Подошел и важно остановился перед изумлёнными друзьями.

— Кто вы такой? — спросила его Кукурузинка.

Толстяк прищурил рачьи глаза, звонко чмокнул большими мясистыми губами и глухим, хриплым голосом запел:

Я толстый, важный господин,
У всех в большом почёте.
На свете я такой один,
Другого не найдёте.
Друзья, знакомые, родня —
Все чтут как старшего меня
И очень уважают.
Они Боб Бобычем меня
С почтеньем величают.
Я — Боб не бедный, не простой,
Живу не в огороде,
Я занимаю пост большой
В бобином нашем роде.
Есть у меня своя семья:
Жена и семь бобят.
Главней всех — я,
Сильней всех — я,
И больше всех имею я
Отличий и наград.

Под конец Боб Бобыч совсем охрип. Закончив песню, он долго откашливался. Снова

извлёк клетчатый платок-простыню. Вытер им потную лысину. Засунув платок в карман, строго спросил Пахтачка:

— Вы всё поняли?

— Как будто понял, — ответил тот. — Вот только...

Но толстяк бесцеремонно перебил его:

— Тогда организуйте.

— Что я должен организовать?

— Надо научиться на лету угадывать мои мысли. Я долго шёл. Конечно, устал. Проголодался. Пора бы давно предложить мне пообедать!

Кукурузинка проворно разложила перед Бобом всё, что было у них съедобного.

— И только? — нахмурился Боб.

— Больше у нас ничего нет, — смущённо потупилась Кукурузинка.

Боб недовольно хмыкнул и с такой торопливостью и жадностью накинулся на еду, будто его целую неделю не кормили. Кукурузинка испуганно попятилась: чего доброго, этот лысый обжора мог и её проглотить.

Наверное, и минуты не прошло, а Боб уже покончил с едой. Поковыряв палочкой в зубах, он сонно забормотал:

— Ну, чего стоите? Работайте, работайте. Я немножко отдохну. Переварю пищу.

С блаженным вздохом Боб растянулся на земле. Подложил под голову портфель и тут же уснул. Из его широких ноздрей вырвался такой

мощный храп, что куча кирпичей сразу же развалилась.

— Если он будет храпеть в нашу сторону, мы никогда не выстроим дом,— сказала Кукурузинка, укладывая рассыпавшиеся кирпичи.

Пахтачок подошёл к спящему Бобу. Потрепал его за плечо:

— Боб Бобыч, проснитесь, пожалуйста.

Боб не шевелился.

Пахтачок изо всех сил тряхнул его за плечи — тот не просыпался. Тогда Кукурузинка стала потихонечку вытаскивать портфель из-под головы Боба. Боб сразу очнулся. Вцепился в портфель обеими руками и пронзительно закричал:

— Стой! Куда тянешь! Не смей! Стража! Караул! Грабят!

Его долго успокаивали, а потом попросили повернуться на другой бок. Боб повернулся и снова захрапел. Так он и проспал до позднего вечера.

Бобово семейство

Пока Боб храпел, друзья сделали кирпичи, вырыли яму для фундамента. Потом они умылись, и Кукурузинка стала печь блины на ужин. От горячих блинов пошёл такой аппетитный запах, что у Пахтачка потекли слюнки. Он от-

вернулся от горки дымящихся румяных блинов и молча ждал, пока Кукурузинка закончит печь.

Аппетитный блинный дух долетел и до широких ноздрей Боба. Тот сразу перестал храпеть. Открыл глаза. Проворно вскочил. Подбежал к горке блинов, хлопнул в ладоши:

— Блинчики. Хорошо. Одобряю. Начали.

Схватил горячий блин, запихнул его в рот и тут же потянулся за вторым блином. Не успели друзья опомниться, а Боб уже разделался с блинами. Сладко потянулся и по-кошачьи промурлыкал:

— Н-не дурно, н-не дурно. Теперь спать.

Улёгся на прежнее место и опять захрапел. А друзья ещё долго ждали, пока испекутся блины на ужин.

— Если этот Боб завтра же не уберётся отсюда подобру-поздорову, я его проучу, — сердито ворчал Пахтачок, укладываясь спать.

Наутро Боб проснулся очень поздно. Он долго потягивался, чесался, кряхтел. Не спеша подошёл к строящемуся дому. Присел на камень и давай командовать:

— Клади сюда кирпич!.. Помажь его глиной!.. Пристукни лопаточкой!

Пахтачок не выдержал:

— Досточтимый Боб Бобыч! Нам не нужна ваша команда, но мы не откажемся от вашей помощи. Становитесь сюда. Будете мне кирпичи подавать.

Боб сделал вид, что не слышит.

— Эгей! — громче прежнего закричал Пахтачок. — Мы ждём вас, Боб Бобыч. Идите кирпичи подавать!

И снова Боб сделал вид, что не слышит. Тогда друзья закричали вдвоём:

— Боб Бобыч! Идите помогать!

А Боб хоть бы ухом повёл. Сидит, выпученными глазами ворочает и ухмыляется. Потом прищурился и сладко засопел носом. Тут Пахтачок вполголоса и говорит:

— Пресная пища давно наскучила мне. Придётся на ужин зажарить Боба.

— Давай зажарим.

Ресницы у Боба мелко задрожали, тревожно блеснули глаза. Уши оттопырились. Он перестал сопеть.

— Взгляни на него: он лоснится от жира, — громко зашептал Пахтачок. — Какой сочный получится из него шашлык! Пальчики оближешь.

— А справимся мы с ним? — спросила Кукурузинка.

У Боб Бобыча лысина испариной покрылась. Колени задрожали мелкой дрожью. В горле запершило. Щеки побелели, и нижняя губа отвисла. Приоткрыл он глаза, с испугом на Пахтачка косится. А тот взял в руки кирпич и спокойненько говорит:

— Справимся. Сейчас Боб уснёт покрепче.

Я к нему подкрадусь и стукну кирпичом по голой макушке — трах!

— Ах! — воскликнул Боб, вскакивая. — Ах!

— Что с вами? — удивилась Кукурузинка. — Сидеть устали? Ложитесь, вздремните.

— Нет, нет, — замахал руками Боб. — Какой там сон? Я совсем забыл. Меня ведь ждут. У меня дела. Надо руководить. Писать приказы. Вы уж трудитесь. А я... а мы... — Он отступил на несколько шагов, повернулся и кинулся бежать.

— Ура! — закричали друзья.

Они были уверены, что Боб сюда больше никогда не пожалует. Но не тут-то было.

Когда дом был уже совсем готов, а Кукурзинка с Пахтачком сидели на крыльце и думали, как бы им получше отпраздновать новоселье, слышалось знакомое сопенье и фыркание. На бугор медленно вскарабкался Боб. За ним появилась круглая и толстая Бобиха. А позади неё семь бобят, один другого меньше.

Вся бобиная семья — впереди Боб Бобыч, за ним Бобиха, следом Бобёнок и остальные шесть бобят — двинулась к дому. Обошли его, оглядели, ощупали. Боб Бобыч указал на дверь тростью и важно проговорил:

— Домик неплох. Это мы отметим в приказе. Я, как руководитель, доволен. Теперь у этих мальцов будет крыша над головой. Вперёд, бобята!

И семь бобят кинулись к двери. Не успели друзья сообразить, что же происходит, а бобята уже высунулись из окон и хором закричали:

— Папочка, иди скорей. Мы устроились!!!

— Как вам не стыдно! — возмутился Пахтачок. — Ведь мы строили этот дом совсем не для ваших бобят.

Боб Бобыч надулся, отставил ногу, упёрся кулаками в бока:

— Так вы хотите, чтобы этих невинных крошек я оставил под открытым небом? Не выйдет.

— Каждый уважающий себя заботится о своих детях. Почему вы не построили дом для своих бобят? — не сдавался Пахтачок.

— Я же вам объяснил, — повысил голос Боб Бобыч, — моё дело — руководить!

Тогда Пахтачок решил прибегнуть к испытанному средству и, надвигаясь на Боба, спросил страшным шёпотом:

— А что, если ночью мы съедим вас вместе с бобятами?

Боб Бобыч побледнел, испуганно попятился к дому. А взбежав на крыльцо, прокричал:

— Не выйдет! Нас девять, а вас только двое. Мы сделаем ставни на окна и запоры на двери. А потом я выяснил, установил, что вы оба — ха-ха! — не хищники. Вот так!

Он громко шмыгнул большим носом, тряхнул лысой головой и, размахивая портфелем, скрылся в доме.

Серая разбойница

Пришлось Кукурузинке с Пахтачком новый дом строить. А наглый Боб ходил вокруг, тростью помахивал да ещё покрикивал:

— Работайте проворнее! Живее, живее!

Смуглые щёки Пахтачка побелели от обиды.

— Эх, — сокрушался он, — если бы не бобята, я живо выгнал бы его из нашего дома.

Однажды они штукатурили стены. Боб Бобыч, как всегда, стоял поодаль и громко командовал:

— Мажь потолще. Затирай ровнее. Во-о-о... — и вдруг умолк, будто подавился.

— Что с ним? — изумилась Кукурузинка.

Друзья оглянулись и увидели странную картину. Боб Бобыч сидел на земле, раскачиваясь из стороны в сторону. Его жирные щёки стали синими. Рачьи глаза так быстро вращались, что казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит. А из разинутого рта не вылетало ни звука.

Вот Боб Бобыч вскочил, будто его змея укусила. Кинул портфель. Отшвырнул трость. Повернулся и засеменил к дому. Да так, что вслед за ним пыль заклубилась.

С треском захлопнулась дверь за Бобом. Бах-бах-бах! — застучали закрываемые ставни. И наступила жуткая тишина.

— Что случилось? — Кукурузинка стала тербить рыжую косицу.

— Сейчас мы разгадаем эту загадку. — Пахтачок огляделся. — Смотри! — испуганно воскликнул он.

Под кустом полыни стояла серая Мышь. Глаза у неё красные, злые. В оскаленной пасти торчали частые зубы.

Хотела Кукурузинка позвать травинку на помощь, да со страху позабыла заветные слова. Пахтачок тоже перепугался.

— Бежим! — кричит, а сам пошевелинуться не может.

Мышь разинула зубастый рот и кинулась на друзей.

Опомнился Пахточок, схватил трость Боб Бобыча, выставил её перед собой, как пику. Мышь щёлкнула зубами и раскусила трость пополам.

— Всё р-равно н-не спас-сётесь, — по-змеиному зашипела серая разбойница. — Обоих с-с-съем.

— Подумаешь, какая храбрость — съесть двух малышей, — плаксивым голоском затянула Кукурузинка. — Да от этого и сыта не будешь. Только раздразишь себя. А если ты нас не тронешь, мы накормим тебя до отвала.

— Чем ты меня накормишь? — заинтересовалась Мышь.

— У нас в кладовой лежит большущая головка сыра...

— Преогромная, — поправил Пахточок. — А ещё...

— Что там ещё? — Мышь облизнулась. Нетерпеливо переступила на месте. — Ну, что там у вас ещё? Говори. Не то мигом проглочу.

— Смилуйся! — Кукурузинка умоляюще сложила ладошки. — Всё расскажу. Ещё у нас есть кусочек масла величиной с мою голову. И даже...

— Живей. Не мямли! — прикрикнула Мышь.

— Кусище сахару. Такой большой, такой сладкий! Мы привезли его издалека. И всё берегли к празднику.

Мышь пошевелила усами. Подумала: «Перехитрю их. Сначала съем сыр, масло, сахар. А потом и самих слопаю». Довольно фыркнула. Оскалила в улыбке длиннющие зубы:

— Л-ладно. Не трону вас. Показывайте свои запасы. Да ж-живо. У меня от голода в животе урчит. Сыр — это х-хорошо! Масло и сахар — ч-чудесно! Скорей ведите в кладовую!

— Пошли. — Кукурузинка шагнула к своему недостроенному дому. Но вдруг остановилась. — Только, может быть, ты хоть что-нибудь и нам оставишь? Мы же помрём с голоду.

— Молчать! — взвизгнула Мышь. — Скажи спасибо, если оставлю тебе твою глупую голову.

Все трое помчались к дому. Кукурузинка громко шепнула Пахтачку:

— Пойдёшь вперёд. Спрячешь мешок с изюмом.

— Стой! — закричала Мышь. — Вперёд пойду я с-сама. Вы идите сзади. Открывай дверь! Кукурузинка приоткрыла дверь.

Но едва Мышь перешагнула порог, как дверь с силой захлопнулась, защебив мышиный хвост.

— Ай! — дёрнулась серая разбойница. — Ой! Отпустите мой хвост, негодники. Я вас... Ой-ой-ой!

Друзья припёрли дверь обломком Бобовой трости. Взяли в руки по длинной хворостине и через окно влезли в дом.

Мышь сидела у дверей и жалобно скулила. Увидев хворостины, она угрожающе встопорщила шерсть. Защёлкала зубами. Зашипела:

— Н-не подх-ход-ди. На-з-зад. Про-ло-ч-чу!

— Разве можно глотать сразу двоих? Подавишься, — засмеялся Пахтачок. — Сейчас ты убедишься, что мы умеем держать своё слово. Мы обещали накормить тебя сыром и сахаром. На, получай!

И они принялись стегать разбойницу прутьями, приговаривая:

— На других не нападай, не воруй, не угрожай. За разбойничьи повадки нашу плату получиай.

Мышь визжала, пищала. Ругалась, брыкалась. А друзья знай себе стегали её прутьями.

Обалдев от боли, зубастая хищница так рванулась, что оторвала хвост и пулей вылетела в окно. Раз пятнадцать перевернулась она через голову и бросилась наутёк. А вслед ей Пахтачок с Кукурузинкой кричали:

— Лови!

— Держи!

— Догоняй!

— Ха-ха-ха-ха!

— Вот так бы всех разбойников проучить... — Пахтачок стёр со лба крупные капли пота.

— Больше сюда не сунется. — Кукурузинка отшвырнула прут и, пританцовывая, запела:

Мы не боимся
Серых мышей,
Лучше не троньте
Нас, малышей.
Тра-ля-ля-ля,
Вот она я —
Мала и кругла,
Как бусинка.
С врагами дерусь,
С друзьями смеюсь.
Я — Ку-ку-рузинка!

Послышался скрип. Это Боб Бобыч вышел на крыльцо.

Увидев смеющихся друзей, он важно надулся и громко проговорил:

— Фу! Кажется, схлынула жара.

— Так это вы от жары улепётывали? А мы думали, от Мыши,— сказала Кукурузинка.

— Какая Мышь? Никто не осмелится напасть на меня. Я не простой Боб! Но где моя трость?

— Придётся вас огорчить. Но что поделаешь? Пока вы отдыхали, ваша трость из одной большой превратилась в две маленькие.— И Пах-тачок протянул Боб Бобычу половинки трости.

— Кто смел сломать мою трость? — рывкнул Боб.

— Та самая Мышь, от которой вы только что улепётывали.

— Я ещё раз повторяю, что никогда ни от кого не бегал. Я — это я и...

— Батюшки! — ахнула Кукурузинка.— Спасайтесь! Она вернулась.

— Кто? — выкатил глаза Боб Бобыч.

— Мышь!

— А-а-а! — Боб разинул рот да так и не смог его закрыть.

Повернулся и ринулся к дому. Да, на беду, наступил на развязавшийся шнурок. Хлопнулся животом в пыль и завопил:

— Спасите! Погибаю! Сюда!

Друзья вдоволь посмеялись над жирным хвастунишкой. И снова принялись за работу. Скоро они позабыли о серой разбойнице. А зря.

Репь Репьёвич

Едва успели друзья выстроить себе другой дом, как на бугре появился ещё один незнакомец.

Он походил на ежа — небольшой и колючий. Его шляпа, плащ и даже башмаки были густо покрыты острыми тонкими шипами. На спине возвышались огромные счёты; костяшки на них перекатывались с места на место, дребезжали и щёлкали.

Колючий незнакомец подошёл к дремавшему на крыльце Боб Бобычу. Снял усеянную шипами шляпу.

— Здравствуйте-пожалуйте. Раз, два, три, четыре — я хотел бы жить в квартире. Восемь, семь, шесть и пять — буду здесь я зимовать.

— Кто таков? — Боб Бобыч надул губы и важно посмотрел на пришельца.

— Репь Репьёвич, — отрекомендовался гость.

— А что ты можешь делать? — повысил голос Боб Бобыч и запыхтел.

Репь Репьёвич с грохотом скинул на землю громадные счёты. Ударил по ним кулаком. Счёты задребезжали, зазвенели, и под этот шум Репь

Репьёвич пропел тонюсеньким колючим голоском:

Журавлей и Журавлих
Мчится в небе стая.
Кто в одно мгновенье их
Всех пересчитает?
Вон стоит кудрявый клён,
Головой качает.
Сколько листьев держит он,
Кто пересчитает?
Возле лужи дождевой
Серый дрозд гуляет.
Сколько капель в луже той,
Кто пересчитает?
Сколько в небе по ночам
Ярких звёзд сияет,
Сколько их погасло там,
Кто пересчитает?
Не хвалясь, хочу сказать:
Я могу пересчитать.

Репь Репьёвич снова ударил кулаком по счётам, и они так затрещали, что Боб Бобыч испуганно попятился.

Несколько минут все молчали. Потом Пах-тачок выступил вперёд:

— Ответьте, пожалуйста, мне на один вопрос: а строить дома, копать канавы, стеклить окна или варить обед вы можете?

— Раз, два, три, четыре, пять — начался расспрос опять. Рядом цифры шесть и семь — я отвечу сразу всем. И пилить, и копать, и рубить, и пахать, и косою махать я умею. Заодно под-

считать, рассчитать, сосчитать — всё поспею.

Боб Бобыч слез со ступенек, степенно подошёл к Репь Репьевичу. Надул жирные щёки и медленно проговорил:

— Я решил: счетовод нам необходим. А теперь ему надо построить дом. Иначе он погибнет от дождя или его унесёт ветер. Об этом сегодня же будет издан специальный приказ.

Репь Репьевич поклонился Бобу.

— Шестью восемь — сорок восемь, все сомнения отбросим. Пятью десять — пятьдесят, я у вас работать рад. Покажите, где мой дом, размещусь я быстро в нём.

— Дом надо ещё построить, — ответила Кукурузинка. — Места много. Глины — целая гора. Снимайте пиджак, берите лопату и принимайтесь за работу.

Репь Репьевич снова склонился над счётами.

— Сначала я должен всё подсчитать. — Он проворно защёлкал колючими костяшками, приговаривая: — Четыре стены быть в доме должны. В каждой стене — сто кирпичей, да надо сто штук на постройку печей. Стало быть, нужно пятьсот кирпичей. Теперь бы их вес подсчитать надо нам. Каждый кирпичик весит пять грамм...

Все разошлись, а Репь Репьевич всё ещё стучал костяшками, что-то бормотал, считал и пересчитывал.

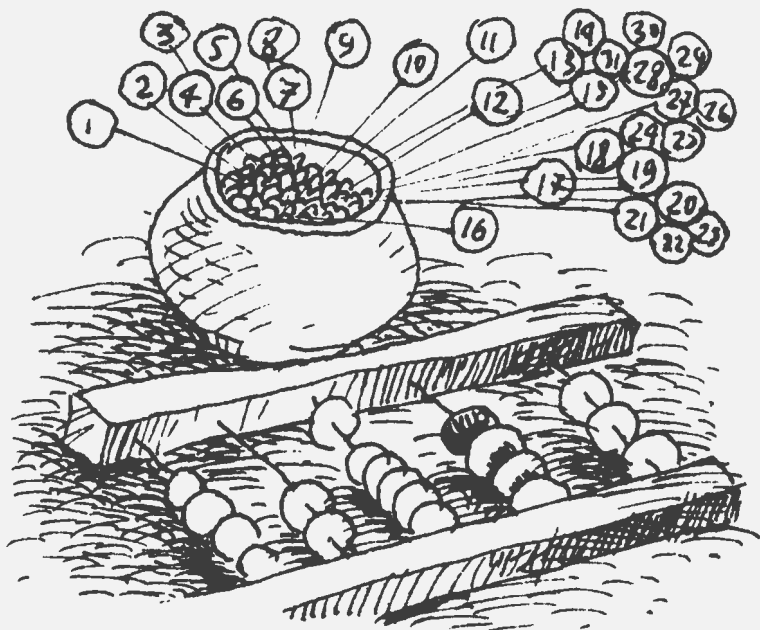
Когда наступило время обеда, Репь Репьевич

неожиданно появился в доме Кукурузинки и Пахтачка. Он брякнул на скамейку счёты. Подошёл к столу. Заглянул в чугунок с кашей.

— О как много каши здесь! Вам вдвоём её не съесть. Тут крупинок тысяч пять. Нелегко их разжевать. Ведь всего два рта у вас. Так поделим всё сейчас. Пять на два делить не просто...

— Ой,— взмолилась Кукурузинка,— пока вы всё поделите да помножите, каша остынет. Садитесь-ка лучше обедать.

Репь Репьёвич не стал ждать повторного приглашения и подсел к столу. Подцепив полную ложку каши, он пробормотал:

— Тридцать одна крупинка, — и сунул ложку в рот.

Пообедав, Репь Репьёвич сказал:

— Теперь вы позволите мне подсчитать, сколько минут нам до ужина ждать?..

Как Перчик проучил Боба

Прошло несколько дней. И однажды на бугре появился целый отряд новосёлов.

Были тут и плотник Орешек, и маляр Горошек, и стекольщик Маковка, и трубочист Перчик, и многие другие.

Кукурузинка и Пахтачок очень обрадовались пришельцам. Скоро они подружились со всеми. Но больше других им пришёлся по душе маленький, вёрткий Перчик. Он был весёлый, задиристый, никому не прощал обид и говорил только правду.

Перчик носил ярко-красную куртку и такой же красный колпак с кисточкой. Работая, он всегда вполголоса напевал свою любимую песенку:

Порой бываю в саже
От головы до пят.

Мной воробьи даже
Пугают воробьят.
Но и сейчас, как прежде,
Мне сажа не страшна:
Пускай черна одежда,
Зато светла душа.

Пока в городе нет печей — трубочисту что делать? И Перчик помогал строителям. Он подносил глину, клал печи, красил заборы.

Вскоре Перчик познакомился и с Боб Бобычем. Это было необыкновенное знакомство. Вот как оно произошло.

Перчик месил глину, когда увидел, как по улице важно шествует всё многочисленное бобовое семейство. Впереди, размахивая портфелем и тростью, шёл Боб Бобыч. За ним шаром катилась толстая Бобиха. А позади неё чинно выступали семь бобят.

— Смотрите! — радостно закричал Перчик и замахал красным колпаком с кисточкой. — К нам идёт пополнение. Всё бобовое семейство явилось на стройку. Милости просим. Боб Бобыч, кладите портфель и трость, берите лопату. А ваша супруга с бобятами пускай подают кирпичи.

Боб Бобыч даже головы не повернул.

— Никогда не думал, что Бобы так плохо слышат, — изумился Перчик.

— Напрасно удивляешься, — сказал Пахтачок. — Боб не слышит, когда ему кричат: «Дай!», но зато слышит, если ему шепнут: «На».

— Понял,— засмеялся Перчик.— Сейчас мы это проверим. Эй, Боб Бобыч! Не проходите мимо. Приглашаем ваше семейство на пир по случаю закладки нового дома. Чуете, жарким пахнет?

Широкие ноздри Боба раздулись. Он долго нюхал воздух. Потом поманил Бобёнка и что-то ему шепнул. Тот со всех ног кинулся к своему дому. А через минуту Бобёнок уже вернулся, таща охапку ложек. Боб Бобыч выбрал себе самую большую ложку, остальные роздал бобятам, и после этого все направились к Перчику.

— Ну что же,— важно проговорил Боб Бобыч, подходя.— Так и быть. Мы со всем семейством согласны принять участие в вашем обеде. Скажите поварам: пускай подадут жаркое.— И он облизнулся.— Мы готовы. Можно начинать.

— Вот сейчас достроим фундамент и начнём,— не моргнув глазом, ответил Перчик.— А пока сложите ложки в кучу и беритесь за дело. Поработаем.

Боб Бобыч смерил Перчика надменным взглядом. Глаза Боба налились кровью, нос раздулся и стал походить на поросячий пяточок.

— Ты, видно, не знаешь, с кем разговариваешь. Да будет тебе известно: я — Боб Бобыч. Понятно? Не плотник, не печник и не каменщик...

Он вынул из кармана свой неизменный, похожий на простыню, клетчатый платок и так

громоподобно сморкнулся, что у Перчика лопата выпала из рук.

Погладив ладонью круглую, сверкающую на солнце лысину, Боб Бобыч снова заговорил тем же властным голосом:

— Тебе, как новичку, я прощаю эту дерзость. Но в последний раз. Сегодня же познакомься с моим приказом номер две тысячи сорок два. Там отмечены все мои чины и заслуги. Заруби себе на носу: я — это я. И прошу не смешивать меня с кем-нибудь другим.

Перчик усмехнулся и с деланной почтительностью спросил:

— Позвольте вам задать один вопрос? Кто сказал, что вы не простой, обыкновенный Боб, а важная персона?

— Я сам знаю! Я сам говорю! Могу, например, сказать, что ты — дерзкий и наглый задира! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Вслед за ним засмеялась Бобиха, захихикали бобята.

Когда они вдоволь насмеялись, Перчик, лукаво подмигнув стоящим вокруг приятелям, смиренно спросил Боба:

— А можете ли вы всю эту глину превратить в кирпичи, а из кирпичей построить дом?

— Могу, — гордо ответил Боб Бобыч.

Он не спеша положил на землю портфель и трость. Упёр кулаки в бока. Надул щёки так, что они стали походить на воздушные шары, и закричал:

— Ну-ка! Все живо! Беритесь за дело! Хватайте, мните, мажьте.

— Значит, хватать? — переспросил Перчик.

— Хватайте, — подтвердил Боб Бобыч.

— Мять?

— Мните.

— Мазать?

— Мажьте.

— Ну что ж. Для нас ваши слова — закон. Берись, ребята. Раз, два, три!

Все подбежали к Боб Бобычу. Схватили его, повалили на землю и принялись мять. А Перчик напевал:

Мните, мните, не зевайте,
Посильнее разминайте,
Чтобы стал помягче Боб,
Подобрел немного чтоб.
Чтоб он гнулся, не ломался,
Чтоб работы не боялся.

— Пустите меня, негодяи! — кричал Боб Бобыч. — Что вы делаете! Как смеете. Я вас...

Но его никто не слушал. Как следует намяв ему бока, все принялись мазать его глиной. А Перчик снова запел:

Мажьте гуще, мажьте вязче,
О других чтоб думал чаще,
Чтоб от лени не рассохся,
От безделья не задохся,
Чтоб не лопнул ото сна —
Смазка крепкая нужна.

Боб Бобыч брыкался, отмахивался руками и ногами. По-щелячьи визжал. Угрожал Перчику расправой.

Но Перчик не обращал на это никакого внимания. Только допев песенку до конца, он сказал:

— Теперь положите его на землю и отойдите в сторону.

Все так и сделали.

Боб Бобыч кряхтел, стонал и плевался.

— Надеюсь, вы убедились в нашем послушании? — шутливо поклонился Перчик лежащему Бобу. — Мы сделали всё, что вы приказали. Схватили, помяли и намазали. Есть ли другие указания?

Боб Бобыч молчал, опасливо поглядывая на улыбавшихся друзей Перчика. Потом он тихонько приподнялся с земли и, схватив портфель и трость, кинулся со всех ног наутёк. За ним семенила Бобиha, улепётывали бобята. А вслед им хохотали и свистели плотники, каменщики, маляры.

Вот так пополнение!

Рано начинался трудовой день у Кукурузинки и её друзей. Солнце ещё только поднялось над землёй, а на бугре уже кипела работа. Слышались весёлые голоса, смех, песня.

Вдруг стало тихо-тихо. Все повернулись в одну сторону и замерли в изумлении.

Посередине дороги, переваливаясь с боку на бок, медленно вышагивала пузатая Тыква. Она вела на цепи огромного Скорпиона. Тот щёлкал клешнями, угрожающе размахивал ядовитым хвостом. Хвост у Скорпиона длинный, загнутый

крючком. А на конце крючка жало. В нём спрятан смертоносный яд.

Следом за Тыквой двигался обоз с её добром. К каждой телеге было привязано ещё по одному Скорпиону. Они царапали клешнями землю, нороя ужалить прохожих.

Позади обоза выступал муж Тыквы — Жан Баклажан. Он тоже был толстый, но высокий, в длинном тёмно-синем кафтане нараспашку. Жан дремал на ходу и шаркал по земле сапогами, поднимая клубы коричневой пыли.

— Вот так пополнение! — сказал Перчик, сдвигая на макушку красный колпак, и направился было к Тыкве.

Но та, увидев его, завопила:

— Стой! Ни с места! Дубиной угощу. Скорпиона спущу. Не шевелись!

Скорпионы, заслышав голос хозяйки, как будто взбесились. Они защёлкали клешнями, зашипели и нацелили ядовитые хвосты прямо на Перчика. А Тыква пуще прежнего махала руками и кричала:

— Не шевелись! Не подходи! Не тронь!

— Кто она? — удивлённо спросила Кукурузинка.

Послышались дребезжанье счётов и надтреснутый голос Репь Репьёвича:

— Шестью шесть — тридцать шесть. В каждом доме мусор есть. В каждом поле есть сорняк. Может, скажете, не так?

— Значит, она — сорняк? — повернулась Кукурузинка к Репь Репьёвичу. — Почему?

— У неё жадный глаз — это раз. Очень лживые слова — это два. Всех обманет, всё продаст — недовесит, недодаст...

Пока новосёлы обсуждали это событие, Жан разгрузил имущество. Тыква сидела на камне, наблюдала за Жаном и поминутно вздыхала:

— Охо-хо-хо! Охо-хо-хо!

Тут перед ней появился Навозный Жук. Он был большой и грязный. Скорпионы накину-

лись было на Навозного Жука, да Тыква их отогнала.

— Отползи подальше,— сказала она Навозному Жуку.— От тебя плохо пахнет. Зачем ты приполз?

— Тебе на новом месте нужен дом...

— И сад,— добавила Тыква.

— Вот видишь, и сад...

— И рынок,— снова вставила Тыква.

— Всё ясно,— захихикал Навозный Жук.— Ты же торговка, а торговки без рынка не живут. Значит, тебе нужны дом, сад и рынок. А нам денежки. Знаешь нашу песенку?

Мы, навозные жуки,
Очень любим пятаки.
Мы бесплатно не чихнём,
Не вздохнём и не шагнём.
Вот и ты за каждый шаг
Будешь нам платить пятак.

— Где же я наберусь пятаков? — забеспокоилась Тыква.

— Ну и сиди на своём добре,— сказал Навозный Жук.— Сама ты не будешь работать: толста и ленива. Жан тоже ничего не сделает: он на ходу спит. А новосёлы ни за какие деньги не будут строить тебе ни дом, ни рынок. Они бездельникам не помогают. Прощай.

— Куда ты? — всполошилась Тыква.— Веди своих жуков, и стройте. Да как следует. Я заплачú.

— Сначала срядимся,— деловито предложил Навозный Жук.

И они стали рядиться.

Навозный Жук и в самом деле за каждый шаг требовал пятак. Сделал кирпич — пятак. Поднёс к месту стройки — опять пятак. Положил кирпич в стену — снова пятак. И так за всё — пятак, пятак, пятак...

Тыква бранилась, спорила, кричала и даже плакала от жадности. Ничего не помогло. Пришлось ей раскошелиться. Получив деньги, Навозный Жук уполз и скоро вернулся с целой сворой жуков. Они в несколько дней выстроили большой-пребольшой дом, такой же круглый и пузатый, как сама Тыква. Вокруг дома разбили сад. Дом и сад обнесли высоченным забором. Потом на месте, облюбованном Тыквой, навозные жуки построили крытый рынок.

Когда для Тыквы было всё построено, навозные жуки уползли невесть куда. Больше их никто не видел.

Снова Серая разбойница

Ночью прошёл сильный дождь. Все недостроенные дома размокли и развалились. Потoki дождевой воды подхватили стекольщика Маковку и понесли неведомо куда. Если бы плотник

Орешек вовремя не подоспел, стекольщик наверняка погиб бы в мутных дождевых волнах.

Наутро новосёлы собрались подле размытых и разрушенных домов. Вид у всех был унылый.

— Придётся начинать сначала,— грустно сказал плотник Орешек.

— А ночью опять может пойти дождь и всё размочит,— проворчал стекольщик Маковка.

— Сколько ни хандри, дом не гриб, сам не вырастет.— Пахтачок сдвинул на макушку пушистую шляпу.— Надо работать!

— Верно! Дождь не дождь, а строиться надо! — весело закричал Перчик.— Чего носы повесили? Ну? — Перчик первым скинул свою ярко-красную куртку...

— Погодите, тут надо подумать,— сказала Кукурузинка, дёрнув себя за рыжую косичку.

Потом она нахмурила выпуклый лоб, наморщила носик-пуговку, опустила длинные жёлтые ресницы и задумалась.

— Я, кажется, кое-что придумала,— сказала она немного погодя.— Будем все вместе строить один дом. Общими силами мы за день выстроим стены и покроем крышу. Тогда нам не страшен никакой дождь.

Все согласились с ней. Строители сразу повеселели. Дружно взялись за дело. Кто-то запел песню. Её подхватили.

Откуда-то из-за бугра донёсся пронзительный крик:

— Помогите!

Песня оборвалась. Все с тревогой повернулись на крик.

На бугор взбежал маляр Горошек. Он был без шапки. Волосы на голове растрепались. Правый рукав куртки оторван. Одна нога в башмаке, другая — босая.

Не успел бедный Горошек пробежать и двух шагов, как следом за ним на бугор выскочила серая бесхвостая Мышь. Глаза у неё горели как угли. В зубастом рту торчал рукав от куртки маляра.

Бедный Горошек совсем выбился из сил. Вот он рухнул на землю как подрубленный. Мышь настигла его и разинула зубастую пасть.

Все замерли от страха, словно окаменели.

Только Кукурузинка не растерялась. Она сразу узнала Серую разбойницу.

— Что мы стоим! — закричала Кукурузинка. — Скорее на помощь Горошку! — и первой кинулась навстречу опасности.

За ней поспешил Пахтак.

Хватая на ходу всё, что попадётся под руки, рабочие бросились следом.

Тут из толпы вынырнул счетовод Репь Репьевич и сунул в оскаленную Мышиную пасть свои колючие счёты, проговорив при этом:

— Ну-ка, злюка, счёты кушай да мои расчёты слушай. У тебя четыре лапы и совсем короткий хвост, я сейчас колючей шляпой проколю тебя насквозь.

Репь Репьёвич сорвал с головы шляпу, усеянную острыми шипами, и изо всех сил хлопнул ею по Мышиной спине. Мышь взвизгнула от боли, выплюнула счёты и кинулась на бесстрашного счетовода. Ткнулась в него носом, укололась и отпрыгнула. Тут Перчик ударил её своим колпаком и засыпал ей глаза жгучим перцем.

Мышь волчком закрутилась на месте. Зачихала, заскулила и кинулась прочь.

Плотник Орешек изловчился и, когда Мышь пробежала мимо, отрубил ей ухо.

На склоне бугра Мышь остановилась. Повернулась. Глянула на Кукурузинку налитыми кровью глазами, по-змеиному зашипела:

— Вс-сё р-равно в-вам н-не с-спас-тись. З-за вс-сё отомщу. Н-нас много.

— Сейчас я ещё разок угощу тебя своими счётами! — угрожающе закричал Репь Репьёвич.

Бесхвостая разбойница скрылась.

Все радовались победе. Хлопали в ладоши, смеялись, обнимали друг друга. Потом принялись качать Кукурузинку, Перчика, плотника Орешка. Репь Репьёвича качать не стали: он такой колючий, что до него страшно дотронуться. Зато его долго и горячо благодарили. Он кланялся, смущённо бормоча:

— Руки храбрые у нас — это раз. Не пустая голова — это два. Сердце доброе в груди — это три. Жить хотим со всеми в мире — вот четыре. За себя готовы постоять — это пять.

Только маляр Горошек не разделял общего веселья. Казалось, он был совсем не рад своему спасению. Перчик не выдержал, хлопнул приятеля по плечу:

— Эй, дружище! Чего нос повесил?

— Чему радоваться, — уныло проговорил Горошек, — разбойница расскажет о нас другим мышам. Они соберутся стайей и нападут. Тогда мы не устоим.

На бугре сразу стало тихо. Кукурузинка посмотрела на мрачные лица товарищей, и её голубые глаза наполнились грустью. Дёрнула она себя за рыжую косицу раз, дёрнула два — задумалась. Но ненадолго. Вот она вскочила на камень и закричала:

— Придумала, придумала! Я сейчас же вызову травинок и пошлю их к Старшему Травинке. Пускай все они идут к нам жить. Тогда нам никакие мыши не страшны.

Городок на бугре

Ранним утром всех разбудила громкая песня травинок:

Мы, дружные травинки,
Шагаем в ряд,
Зелёные ботинки
Поют-скрипят...

На бугре появились стройные колонны травинок. Впереди выступали трубачи и барабанщики. Звонко пели длинные зелёные трубы. Грохотали барабаны.

Позади травинок шли портной Соломинка и учитель Одуванчик.

Ох как шумно и весело встретили их новосёлы! Даже Боб Бобыч с семейством вышел на крыльцо. Он вынул из кармана свой огромный носовой платок и принялся им махать.

И пузатая тётя Тыква приковыляла на шум. Она стояла в стороне и сладко посапывала, вроде бы дремала. Но маленькие, заплывшие жиром глазки Тыквы так и бегали.

— Ого, — довольно бормотала она, — сколько их! Есть кому продавать, есть кого обсчитывать. Разбогатеет!

Между тем Старший Травинка, портной Соломинка и учитель Одуванчик обнялись и расцеловались с Кукурузинкой. Потом они познакомились с Пахтачком, Перчиком, Репь Репьевичем и другими новосёлами.

Расправив пышные усы, Старший Травинка спросил Кукурузинку:

— Как называется ваш город?

Все недоуменно переглянулись. В самом деле, как же он называется? Пришлось сказать гостям, что город ещё не имеет названия.

— Это не беда. Давайте сейчас же сообща придумаем ему название, — предложил учитель Одуванчик.

— Я уже придумал, — послышался голос Боб Бобыча, и толстяк протиснулся вперёд.

— Как же вы предлагаете назвать город? — поинтересовался Одуванчик, разглядывая Боба сквозь круглые роговые очки.

А тот, важно выпятив живот, раздул щёки и торжественно произнёс:

— Предлагаю назвать его Бобгород. Моя семья первой поселилась в этом городе. Мой

дом был первым домом на этом бугре. И сама — первый Боб во всём бобовом роде.

Тут, словно из-под земли, вынырнул Перчик и тихо, чтобы слышал только Боб Бобыч, проговорил:

— Хватай, мни, мажь.

Боб Бобыч крутнул головой, будто его оса укусила, испуганно огляделся по сторонам. Увидев Перчика, он побледнел и бочком-бочком стал выбираться из толпы. А Перчик двигался за ним следом и всё приговаривал:

— Хватай, мни, мажь.

Боб Бобыч энергично заработал локтями и, выбравшись из толпы, затрусил к своему крыльцу.

— Так как же назовём город? — спросил Старший Травинка.

Никто не ответил ему.

«И чего они мудрят? — думала Тыква. — Назвали бы свой город Купи-продай. Славно было бы, каждый спешил бы сюда за покупками. Вот поторговали бы мы, поднажились». Но сказать об этом вслух Тыква не посмела.

— Раз, два, три, четыре, пять — разрешите мне сказать, — раздался надтреснутый голос Репь Репьевича. — Чей над этим над бугром первый вверх поднялся дом? Первым кто сюда пришёл? Кто здесь первый новосёл?

— Кукурузинка!

— Пахтакоч! — раздались голоса.

— В благодарность им, друзья, предлагаю город я Кукурпахом назвать — раз, два, три, четыре, пять.

— Кукурпах — хорошее название, — проговорил Одуванчик и улыбнулся. — Пусть наш город так и называется.

Все закричали:

— Верно!

— Правильно!

— Согласны!

— Ну, а теперь, — твёрдо сказал Старший

Травинка,— все за дело. Надо, чтобы Кукурпах был самым красивым городом на Земле.

Травинки сняли шлемы и рубахи. Сложили в кучу щиты, копья, мечи.

Вместе с ними взялись за дело и все жители Кукурпахы. Все, кроме Тыквы и Боб Бобыча с его многочисленным семейством.

Одни строили дома, другие возводили крепостную стену вокруг города, третьи мостили улицы. При этом строители дружно пели задорную песенку:

Скоро город расчудесный
Засияет на бугре.
Всех
Весёлых,
Смелых,
Честных
Мы берём в друзья к себе!
Приходи на помощь, друг,
Становись-ка в общий круг.
Будем новый город строить,
Не жалея сил и рук.

Прошло несколько дней, и на вершине бугра вырос новый город. Он ярко сверкал на солнце разноцветными крышами домов и стёклами больших окон.

Скоро слава о Кукурпахе разнеслась далеко. С каждым днём в городе становилось всё больше и больше жителей.

Эй, водонос!

Нежданно-негаданно пришла беда. В городе не стало воды. Почему это случилось — никто не знал, но только высохли вдруг городские колодцы. А без воды как проживёшь? Ни умыться, ни постирать, ни сварить обед. А надо ещё сады и цветники поливать. Правда, у подножия бугра было небольшое озеро. Но попробуй-ка поноси из него воду. Бугор высокий, крутой. Пока с него спустишься да обратно с полными вёдрами поднимешься — целый день пройдёт. А сколько труда!

Только в колодце Тыквы была вода. Но и сам колодец и ворота Тыквиного двора всё время были на запоре. А когда Тыква узнала, что городские колодцы высохли, она сразу же повесила на заборе объявление: «Здесь продаётся мокрая вода по пятаку за кружку». И те, кому не под силу было носить воду из озера, покупали её у Тыквы.

Приуныли горожане. Стали вянуть сады, сохнуть цветники.

Собрались Кукурузинка, Пахтачок, Репь Репьёвич, Перчик, Старший Травинка и все вместе пришли за советом к старому Одуванчику.

Седоголовый Одуванчик долго молчал. Остальные тоже молчали.

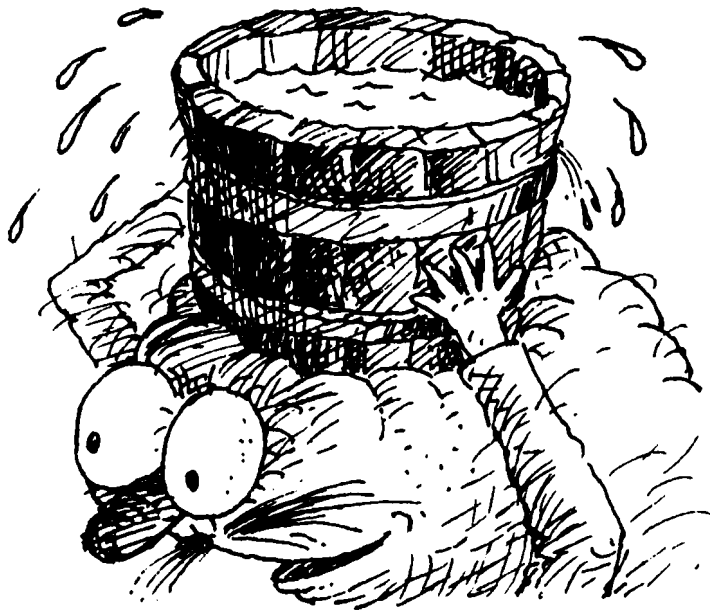

Перчик, задумавшись, снял с головы колпак и хлопнул им по колену. С колпака слетели мелкие перчинки и закружились в воздухе. Не прошло и минуты, как Кукурузинка прикрыла нос ладошками и давай чихать.

— Уж не простудилась ли ты, Ку... — начал Пахтачок и не договорил. — Апчхи, апчхи!

— Что это с вами? — спросил Старший Травинка. — Да вы... апчхи!.. апчхи!..

Тут и Репь Репьевич и Одуванчик расчихались.

— Это я во всём виноват,— извиняющимся голосом заговорил Перчик.— Какой же я осёл!..

— Стой! — поднял руку Одуванчик.— Я... апчхи!... вспомнил... апчхи! Кажется, есть выход... апчхи!.. из нашего положения...

Все начихались до слёз, а потом Одуванчик сказал:

— Видите, как бывает в жизни. Не тряхни Перчик колпаком — мы бы не расчихались, он бы не назвал себя ослом и, значит, я ничего бы не вспомнил.

— А что вы вспомнили? — нетерпеливо спросила Кукурузинка.

— В каждом пруду и озере живут водяные ослики. Они наверняка есть и в нашем озере. Надо пойти и попросить их помочь городу. Водяные ослики добрые и трудолюбивые. Они целые дни носят воду — поят жучков и букашек. Если они согласятся быть городскими водоносами, мы спасены.

— Спасибо, учитель, за совет.— Кукурузинка поклонилась Одуванчику.— Мы сейчас же отправимся к осликам.

Пришли к озеру, огляделись. Никого не видно. Постояли, подождали — никто не пришёл. Тогда Пахтакоч, Кукурузинка и Старший Травинка пошли по берегу налево, а Репь Репьевич и Перчик — направо.

Обошли озеро вокруг, а осликов так и не встретили.

— Как же быть? — устало спросила Кукурузинка, теребя рыжую косицу.

Никто ей не ответил. Пахтачок в задумчивости приложил ладошку ко лбу. Перчик дёргал кисточку красного колпака. Старший Травинка завивал в кольца зелёные усы.

Так, в унылом молчании, они простояли довольно долго. Но вот Репь Репьёвич сделал шаг вперёд, кинул под ноги счёты, стукнул по ним колючим кулаком и заговорил:

— Мы стоим уж целый час — это раз. Дремлет наша голова — это два. Надо думать, не дремать. Дело делать — не стоять. Выше голову, друзья, кое-что придумал я.

С этими словами он схватил счёты и давай ими по воде шлёпать. Заволновалась, запестрела рябью поверхность озера. Тут из него вынырнул маленький проворный паучок и сердито закричал:

— Вы что делаете? Зачем чистую воду мутите, озёрную тишь нарушаете, водяных жильцов пугаете?

— Извините, пожалуйста, не знаю, как вас звать-величать... — начала Кукурузинка.

— Я — Водомерчик, — представился паучок.

— Извините нас, Водомерчик. Случилась большая беда. Только водяные ослики могут спасти наш город. Позовите их сюда, пожалуйста.

— А что за беда? — полюбопытствовал Водомерчик.

Пришлось рассказать ему, какое несчастье постигло жителей Кукурпаха.

— Ах какое горе! — Водомерчик повернулся и нырнул в воду.

Не успели друзья и словом обмолвиться, а Водомерчик уже вернулся. И вслед за ним на берег вышли пятьдесят водяных осликов.

Ты, конечно, знаешь, как выглядит обыкновенный ослик. Он — как маленькая лошадка. У него длинные уши, хвост и четыре ноги.

Водяной ослик вовсе не похож на лошадку. Он похож на жучка. У него нет длинных ушей, но зато двенадцать ног. Нет у водяного ослика и хвоста, но зато есть усы. А самое главное — у каждого водяного ослика висят на спине по два бурдюка с чистой прохладной водой.

Ты не знаешь, что такое бурдюк? Так называют кожаный мешок. В нём очень удобно носить воду. Из завязанного бурдюка вода не выплеснется, и в нём она долго остаётся холодной.

У водяных осликов был вожак. Самый большой и самый сильный из них. У него на спине висело не два, а четыре бурдюка с водой.

— Чем мы можем услужить добрым жителям Кукурпаха? — спросил вожак.

— Беда у нас, — ответила Кукурузинка. — Пересохли все колодцы. Не согласитесь ли вы

быть городскими водоносами и доставлять в Кукурпах воду? Мы с радостью примем вас в нашу дружную, весёлую семью.

— Мы — труженики, — с гордостью проговорил вожак водяных осликов, — и вы — труженики. Значит, мы друг другу братья. А брат брату всегда поможет. Принимаем ваше предложение. Теперь в Кукурпахе вдоволь будет прозрачной холодной воды. И жителей напоим, и сады и цветники польём.

— Спасибо, — сказал Пахтачок, приложив руку к груди. — Большое спасибо от всех нас. Тогда вожак крикнул своим товарищам:.

— Бурдюки у всех полны?

— Полны! — хором ответили ослики.

— А чиста ли в них вода?

— Как хрусталь!

— Холодна ли в них вода?

— Будто лёд!

— А вкусна ли та вода?

— Словно мёд!

— Тогда запевайте нашу песню и пошли.

Водяные ослики выстроились в цепочку. Вожак подал знак — и ослики грянули песню:

Звенит, поёт, смеётся,
Водичка в бурдюках.
Она на волю рвётся,
Не удержать никак.
Буль-буль...
Хрустальной змейкой
Ползёт в стакан вода...

Эй, водонос,
                                скорей-ка!
Эй, водонос,
                                налей-ка!
Эй, водонос,
                                сюда!

Жители Кукурпахы встретили осликов-водоносов радостными криками.

Мери Ковка и Питер Ушка

— Смотрите, смотрите, к нам идут какие-то иноземцы!

Все посмотрели туда, куда указывала Кукурузинка.

По улице, взявшись за руки, медленно вышагивали странные существа. Они шли сутулясь, раскачиваясь из стороны в сторону, ни на кого не глядя. Оба были одеты необыкновенно. Но не это поразило горожан. У незнакомцев были ярко-зелёные волосы до плеч. Красные брови и синие ресницы. А у одного в придачу кустилась на подбородке голубая борода.

— Двадцать ты умножь на три, двадцать раз глаза протри. Всё равно не будешь знать, кто они и как их звать.— И Репь Репьёвич стукнул по счётам колючим кулаком.

— Позвольте.— Одуванчик поправил на носу

очки и устремил взгляд на незнакомцев, бормоча: — Интересные создания. Таких я ещё не видел. Что за диковинные существа? Странно... Странно...

— Давайте у них спросим, — предложила Кукурузинка и шагнула навстречу пришельцам.

— Поймай! — опередил её Перчик. — Я их узнал. Это же Морковка с Петрушкой. Ишь как они вырядились, как нарядились!

Перчик поправил красный колпак с кисточ-

кой, застегнул куртку и двинулся навстречу Морковке с Петрушкой.

Когда до них осталось всего два шага, Перчик помахал в воздухе колпаком и звонко крикнул:

— Привет, Петрушка! Здравствуй, Морковка! Мы рады видеть вас...

— Салют! — перебил его Петрушка. Он сунул руки в карманы узеньких, в цветную клетку брюк. Отставил ногу. — Только вы ошиблись. Я Питер Ушка. Понимаете? А эта дама... О, она... Мери Ковка!

Перчик подмигнул товарищам и, изобразив на лице почтение, вежливо спросил:

— А вы надолго к нам? Работать или отдыхать?

— О да. То есть о нет. Мы не такие, как все. Мы очень не любим работать. Это нам вредно. Но мы любим отдыхать. Вы за нас работайте, а мы за вас будем честно отдыхать. Договорились?

— В нашем городе все должны работать, — сказала Кукурузинка.

— Хороший отдых — это тоже работа, — подала голос Мери Ковка и сладко потянулась. — Попробуйте-ка поспать двадцать часов подряд.

Никто не ответил. Да и что было отвечать. Разве мыслимо проспать подряд двадцать часов! Наконец Пахтачок, не скрывая изумления, спросил незнакомцев:

— И вы больше ничего не делаете?

— О нет! — сонным голосом протянула Мери Ковка. — Не надо так плохо думать о нас. Мы не только спим. Мы гуляем, едим, отдыхаем, развлекаемся. И всё это надо успеть сделать за каких-нибудь четыре часа. Ах, я еле стою на ногах. Питер, пора подумать об отдыхе.

— Что же делать, что делать? — устало забормотал Питер Ушка. — Придётся пойти в этот дом — вздремнуть. Она так устала, так устала! Бедняжка. И я сам еле держусь на ногах. До вечера. Пока!

— Только их нам и не хватало, — разочарованно протянула Кукурузинка.

— М-да, — вымолвил Репь Репьёвич и так грохнул колючим кулаком по счётам, что они застрекотали, как тысяча сорок.

Вечером Питер Ушка и Мери Ковка появились на улице. Подошли к строящемуся дому. Постояли, скучающим взглядом посмотрели на рабочих. А потом Питер Ушка взял кирпич и спросил:

— Это что?

— Кирпич, — насмешливо откликнулся Перчик.

— Его не едят? — спросила Мери.

— Нет, — засмеялся Перчик. — Из него дома строят.

— А я люблю только то, что съедобно, — капризно проговорила Мери.

— Осмелюсь потревожить вас вопросом: как же вы будете жить? — поинтересовался Пах-тачок.

— Очень просто. Как все.

— Но ведь все работают, — вступила в разговор Кукурузинка, — а вы как будто и не думаете трудиться. Ну, хоть что-нибудь вы умеете делать?

— Конечно, — решительно воскликнул Питер Ушка. — Мы можем... э... петь и... э...

— Танцевать, — подсказала Мери.

— Танцевать, — повторил Питер, — и ещё э... ах да. Чуть не забыл главного. Мы умеем бить баклуши.

— Это что такое? — спросил Перчик и поглядел на своих друзей.

Те только плечами пожимали.

— Ах какие вы смешные! Это же все знают! — улыбнулась Мери Ковка. — Неужели вы не знаете? Ну, как бы вам попонятнее растолковать. Бить баклуши — это... это... не знаю, как и объяснить... Лучше мы с Питером покажем вам, как это делается. Покажем, Питер?

— Ну что ж, — лениво промолвил Питер Ушка, — если они не знают, давай покажем.

Он не спеша скинул куртку, расстелил её на земле. Оба рядышком уселись на куртке. Мери раскрыла над головой большой зонт, и они стали о чём-то вполголоса переговариваться. Прошло десять минут, полчаса, а они

всё что-то бормотали. Потом Мери громко сказала:

— Надоело, — и зевнула.

— Тогда споём нашу любимую. — Питер потянулся, и они медленно, глухими, сонными голосами запели:

Часы и дни несутся прочь.
Нам всё равно,
Что день,
Что ночь.
Во всём мы любим
Тишь да гладь,
Тепло,
Уют
И свет.
А до другого, так сказать,
Нам вовсе дела нет.
Баклуши бить — не землю рыть,
Не строить, не косить!
Готовы мы баклуши бить,
Всю жизнь баклуши бить.

Мери зевнула. Питер потянулся. Они легли и тут же уснули.

— Раз, два, три, четыре, пять — ничего нельзя понять, — затарахтел счётами Репь Репьёвич. — Полчаса они сидели, полчаса нам песню пели. Ну, а как баклуши бить, разрешите их спросить?

— Чего их спрашивать, они спят как убитые, — сказала Кукурузинка.

— Попробуй разгадать эту арабскую загадку. Что такое баклуши? И почему их надо бить?

Чем бить и зачем? — Пахтачок недоумённо развёл руками.

— Подождём, увидим, — успокоил его Старший Травинка, разгладив зелёные усы.

Мери и Питер проснулись нескоро. А когда проснулись, долго тёрли глаза, зевали, потягивались. Наконец они поднялись, и Питер сказал:

— Ну, на сегодня хватит. Нам пора ужинать и бай-бай.

— Разрешите узнать, а когда же вы начнёте бить эти самые, как их... баклуши? — подскочил к ним Пахтачок.

— Мы их не переставали бить. Пока! До завтра. — И, взяв Мери Ковку под руку, Питер Ушка двинулся к дому.

— Я понял, что такое бить баклуши. — Перчик свистнул. — Это значит ничего не делать. Бездельничать. Они обыкновенные лентяи!

За семью замками

Дом Тыквы стоял на окраине города за высоченным забором. Два огромных замка висели на воротах и дощечка с надписью: «Берегись. Злые скорпионы!» И горожане береглись. Обходили стороной Тыквино поместье. Кому же хочется угодить в лапы скорпиону!

Только Боб Бобыч дважды входил в эти ворота.

Впервые он появился здесь на другой день после того, как Тыква вселилась в новый дом.

Важно надув щёки и выпятив живот, Боб Бобыч несколько раз медленно прошёлся перед воротами. Тыква выглянула за калитку и увидела надутого толстяка с портфелем и тростью.

— День добрый,— ласково пропела она.

Но Боб Бобыч не удостоил её ответом. Он глубокомысленно смотрел на ворота и молчал.

Встревоженная Тыква бочком-бочком придвинулась к Бобу и ещё ласковее обратилась к важному незнакомцу:

— День добрый, ваша светлость. Кто вы и откуда?

— Домик ваш? — Боб Бобыч ткнул тростью в ворота.

— Мой. Да и ведь какой это дом! Так себе. Избёнка...

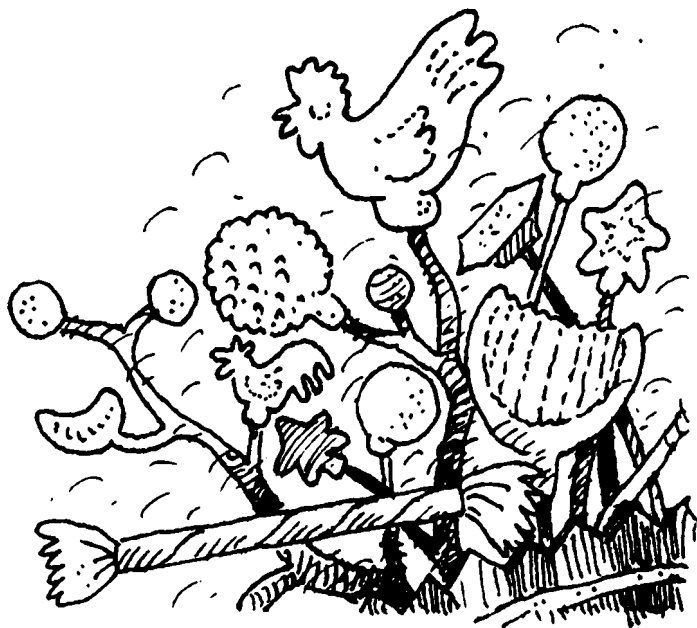
— Не на месте,— перебил Боб.

— Что? — У Тыквы от волнения подкосились ноги, и она плюхнулась в пыль.

— Не на месте! — властным голосом повторил Боб. — Придётся сносить.

— Как же так? — оторопело бормотала Тыква, сидя в пыли. — Такую красоту сносить... А какие леденцы и монпансье растут в моём саду!

— Леденцы? — переспросил Боб и проглотил голодную слюну.

— И монпансье, и карамель, и лимонные дольки! — Тыква вскочила и заюлила вокруг Боба. — Да вы только войдите. Отведайте.

Боб ещё немного поломался и вошёл.

Через минуту он сидел за столом, а перед ним стояли большие блюда, доверху наполненные сладостями.

— Хорошо, — еле дыша, с трудом проговорил Боб набитым ртом и сунул в него ещё горсть монпансье. — Мы подумаем... — И в Бобо-

вую пасть полетела пригоршня леденцов. — Сделаем... — Он зачерпнул горсть лимонных долек.

Наевшись до отвала, Боб ссыпал оставшиеся сладости в портфель и ушёл, напевая:

Я — толстый, важный господин,
У всех в большом почёте...

Через неделю он снова наведался к Тыкве. И опять она кормила его сладостями. А он ей обещал всё устроить и уладить.

Прошёл день, и Боб Бобыч опять постучался в знакомые ворота. Послышалось злое щёлканье скорпионовых клешней.

Боб постучал ещё раз, ещё. Ворота не отворялись. Тогда он принялся барабанить в них тростью. И вот тяжёлые створки ворот медленно, со скрипом распахнулись.

Но едва Боб Бобыч вошёл во двор, как на него с яростью набросилась целая свора скорпионов. Тыква с крыльца подзадоривала их:

— Жальте его! Пусть знает, как чужие сладости лопать! Как бедных женщин обманывать!

Разъярённые скорпионы уже нацелили свои ядовитые жала. Боб ткнул тростью в одного скорпиона, кинул портфель в другого, а сам подпрыгнул, схватился за ветку и повис, болтая ногами.

Сучок, на котором болтался Боб Бобыч, затрещал. Боб изо всех сил качнулся, кувырком перелетел через забор и ну улепётывать.

С тех пор он не бывал в особняке Тыквы. Да ещё пришлось ему заводить новые портфель и трость.

А Тыква по-прежнему выращивала у себя в саду и на огороде леденцы, монпансье, лимонные дольки и другие сладости.

Каждое утро Тыква собирала поспевшие сладости в корзины. Жан Баклажан относил корзины в тележку и вёз их на базар.

Тыква проверяла замки на дверях дома, подвала, сарая, погреба... Да разве перечислишь все замки во владениях Тыквы! Там всё запиралось.

Затем она привязывала к поясу связку ключей и вслед за Жаном Баклажаном шла на базар продавать сладости.

Огромный рот Тыквы растягивался в улыбке, и она пела:

Мой Скорпион, не подпускай
К воротам никого.
Прохожего клешнёй хватай
И жаль скорей его.
Охо-хо-хо-хо!
Охо-хо-хо-хо!
Скорее жаль его!
Я всем умею торговать —
Могу продать Луну,
Смогу любого обсчитать,
Любого обману.
Охо-хо-хо-хо!
Охо-хо-хо-хо!
Любого обману!

Сама себя поймала

Седоголовый учитель Одуванчик одиноко сидел на скамеечке возле школы. Он был стар и потому любил погреться на солнышке. Разморо́нный ласковым солнечным теплом, старый Одуванчик закрыл глаза и, слегка покачиваясь из стороны в сторону, тихонько напевал:

Стар я стал,
Стар и сед.
Повидал
Много бед.
Много горя
Пережил,
Будто море
Переплыл!..
Только сроду
Не хандрил.
В непогоду
Не хандрил.
От невзгоды
Не хандрил
И не буду...

Одуванчик допел песню; его белая голова бессильно поникла, и он уснул.

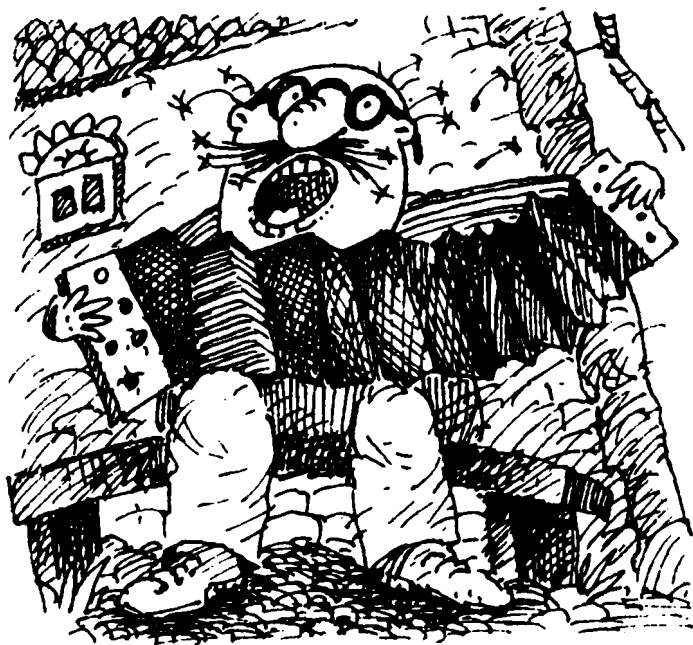
— Тише,— шёпотом предостерегали друг друга прохожие,— наш учитель спит.

А находчивый Перчик тут же написал и вывесил на обоих концах улицы большущий плакат-объявление:

ПРОШУ:
НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ,
НЕ ПЕТЬ,
НЕ СМЕЯТЬСЯ!
ТИ-ШИ-НА!

И все соблюдали тишину. Потому что очень уважали старого, Одуванчика.

Вдруг над тихой улочкой пронёсся крик:
— Пожар!

Улица моментально наполнилась горожанами. В этот миг Тыква возвращалась с базара. Заслышав шум, она остановилась. Стёрла пот с пухлых щёк и устало спросила пробежавшего мимо Водяного Ослика.

— Горит, что ли?

— Горит,— ответил тот на бегу.

— Далеко?

— Далеко.

— Что горит-то?

— Тыквин особняк.

— Что? Тыквин особняк? Так это же мой особняк! Я горю! Ой, горю! Спасите! — и затрусила к своему дому.

У ворот Тыквиного особняка — целый полк травинок и огромная толпа горожан. Перчик и Пахтачок изо всех сил колотили по замкам, но никак не могли их сбить.

— Стойте! — закричала, подбегая, Тыква. — Не ломайте. Я отопру.

Трясущимися руками она долго выбирала нужный ключ. Суёт его в замок, а он не лезет.

— Не тот,— буркнула Тыква и опять принялась за поиски ключа.

Из толпы кричали:

— Ломай ворота!

— Дом сгорит!

— Ишь вы, умники, «ломай»! — ворчала Тыква. — За всё денежки плачены.

Она вставила ключ, да снова не тот, и он завяз в замочной скважине.

Над крышей особняка взметнулось яркое оранжевое пламя, а Тыква всё ещё возилась с ключами. Наконец замки были отперты, и ворота распахнулись.

Травинки кинулись к колодцу. Но на крышке колодца тоже висел большущий замок. А тут ещё сорвавшиеся с цепи скорпионы как ошалелые метались по двору, кидаясь на всех.

Пока травинки ломали замки да разгоняли скорпионов, пока уговаривали Тыкву срубить несколько деревьев, чтобы легче было тушить, пожар разгорелся вовсю.

И, хотя травинки и горожане работали на славу, а водяные ослики сбились с ног, поднося воду, дом всё-таки сгорел...

Когда ночью двор погорельцев опустел и хозяева остались одни, Тыква приказала Баклажану:

— Иди-ка, Жан, запри ворота на засов да припри их бревном.

— Чего у нас воровать? Остались забор да ворота, — проворчал Жан Баклажан.

— Болван! Всё моё богатство в подвалах целехонько. Теперь меня все будут жалеть. Все будут помогать. Там дадут, у того выпрошу. Выстрою дом — не чета этому. Весь из железа сделаю или из чугуна, чтобы не горел. И скорпионов заведу механических. Бронированных. Хо-

рошо бы с пушками. И чтобы ничего не боялись. А то разве это скорпионы? Все разбежались, не докличешься. Придётся сегодня самим и двор и сад стеречь.

Жан молчал.

— Чего ты молчишь? — накинулась на него Тыква. — Тебе бы только поспать. Будем сегодня по очереди сад караулить. Сначала я посплю, а ты посторожишь. Потом ты посторожишь, а я посплю.

— Ладно, — согласился Жан Баклажан. — Ложись. Спи. А я буду бодрствовать. — И, ткнувшись головой в колени, захрапел.

— О проклятье! — простонала Тыква. — Не муж, а сонная муха. Слушай, Жан. Да проснись же ты наконец! Иди в сарай. Там есть капканы. Расставим их в саду. И тогда спи. Если какой вор и заберётся в сад, он капкана не минует.

Вдвоём они быстро расставили капканы, привязали их к деревьям, насторожили, а сами улеглись спать.

Проснулась Тыква среди ночи. Прислушалась. Жан храпит на траве.

Вдруг её чуткое ухо уловило еле внятный шорох. Вздрыгнула Тыква, голову приподняла, в темноту всматривается. Шорох повторился. Хрустнул сучок. «Воры», — решила Тыква. Мужа будить без толку. Схватила Тыква дубину и, крадучись, пошла в сад. «Ага. Вот он где

прячется», — подумала Тыква, увидев неясную тень. Вскинула дубину. Сделала шаг в сторону, а её кто-то хват за ногу! Да так крепко схватил, что Тыква, не охнув, повалилась на землю. Тут её и за руку кто-то — цап!

— Жан! — заголосила Тыква. — Скорей на помощь. Воры!

Вскочил Жан. Со сна ничего понять не может. Наконец разобрался, что на жену воры напали. Схватил палку да и кинулся на голос жены. Побежал несколько шагов, а его кто-то как схватит за ногу. Кувыркнулся Жан и взревел:

— Грабят!

Вот и понеслось над сонным ночным городом:

— Караул!

— Грабят!

— Спасите!

Такой переполох поднялся! К особняку целая толпа сбежалась. Стучат в запертые ворота, а из-за них слышится:

— Убили!

— Караул!

Перчик недолго думая перемахнул через высокий забор.

Вслед за ним перелезли Пахточок и целый взвод травинок. А когда из-за облака выплыла луна и осветила сад, все увидели презабавную картину.

На земле, попав рукой и ногой в капканы, лежала Тыква. Невдалеке от неё, прижавшись

животом к дереву, размахивал руками Жан Баклажан. Одна нога Жана застряла в капкане. Бедный Баклажан топал свободной ногой, махал руками, стараясь как-то унять боль.

Только на рассвете разошлись горожане по домам, и город снова затих, погрузился в сон.

Нападение

— **Т**ревога! Тревога! Все сюда!

Это маляр Горошек бежал серединой улицы и кричал что есть мочи.

Скоро все горожане сбежались на центральную площадь. Они окружили Горошка, тормозили его, расспрашивали.

— Вышел я за город, — рассказывал Горошек, — присел отдохнуть. Пригрелся на солнышке и задремал. Проснулся от шороха. Открыл глаза и увидел Мышь.

Все ахнули. Теснее сбились в кучу и затаив дыхание слушали маляра.

— Кинулся я к городу, а она — за мной. Догоняет, вот-вот зубами схватит. Бросил я ей шапку, потом куртку. Пока она их грызла, я на бугор вбежал. А когда оглянулся. Ох...

Горошек покачнулся и едва не упал. Его подхватили под руки. Подбежал Водяной Ослик с бурдюком свежей, студёной воды. Горошек глот-

нул водицы и, еле ворочая языком, договорил:

— Когда я оглянулся, увидел несметные полчища мышей. Они со всех сторон ползут к городу. Мы погибли!

Что тут началось! Поднялся крик, плач, гомон.

Тётя Тыква в это время сидела в базарном ряду, торговала сладостями. Заслышав шум, она встревожилась:

— Батюшки, не воры ли?

— Улепётывай отсюда! — крикнул ей, пробегая мимо, Водяной Ослик. — На город напали мыши!

— Мыши! — ахнула Тыква, закатив глаза. — Они же съедят мои сладости!

— И тебя слопают!

— Молчи, негодник! Ах мои сладости! И куда это запропастился Жан. Батюшки! Разбой!

Причитая и хныкая, Тыква сгребла в корзины леденцы, монпансье, лимонные дольки.

— Эй! — заголосила она. — Помогите, кто может! Не киньте старуху в беде!..

Пока Тыква спасала свои сладости, Кукурузинка, Пахтачок, Старший Травинка, Перчик, Одуванчик и Репь Репьёвич собрались на совет. Было решено объявить в городе военное положение. На башню поднялся трубач и затрубил в длинную зелёную трубу: «Тра-та-та-та! Тра-та-та! Тра-та-та-та-та! Тру-ру-ру-ру! Ру! Ту!»

Заслышав сигнал тревоги, травинки сбежа-

лись со всех сторон. Вскоре собралось всё зелёное войско.

— Теперь нужно послать за город разведчика, — предложил Старший Травинка.

— Я пойду в разведку, — вызвался Перчик.

— А может быть, я? — выступил вперёд Пахтачок.

— Раз, два, три — сюда посмотри. За тройкой идут четыре и пять — лучше меня на разведку послать, — прокрипел Репь Репьёвич.

— Придётся тянуть жребий, — предложил Одуванчик.

Жребий выпал Перчику. Он и отправился в разведку.

— Будь осторожен, — сказала ему Кукурузинка.

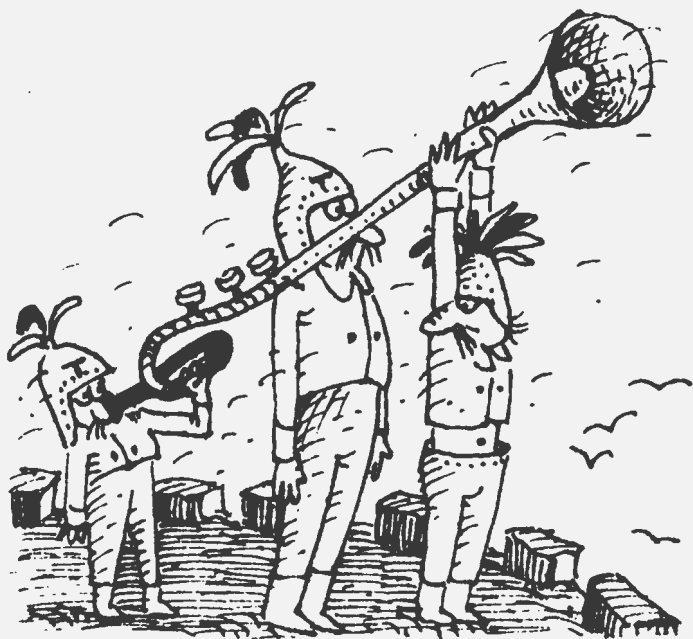
— Не заходи далеко, — напутствовал Старший Травинка.

— Счастливого пути! — Пахтачок помахал другу белой шляпой.

Перчик вышел за городские ворота. Остановился. Огляделся по сторонам. Нет. Никаких мышиных полчищ не видно. «Верно, бедному Горошку всё это со страху почудилось», — подумал Перчик и стал осторожно спускаться с бугра.

И тут он заметил множество маленьких дырочек в земле. «Что бы это могло означать? — задумался Перчик. — Прежде их не было».

Он внимательно присмотрелся и ахнул. Из дырочек-норок высовывались острые мышиные

морды. Злые красные глаза пристально следили за Перчиком. Храбрый разведчик сделал вид, что ничего не заметил, а сам стал потихоньку пятиться к городским воротам. Но едва он сделал несколько шагов, как целая свора мышей выскочила из нор и кинулась на Перчика.

— Я его съем! — закричала Серая Мышь.

— Нет, это моя добыча! — взвигнула Чёрная Мышь и подставила Серой ножку.

— Не трогайте. Он — мой! — прохрипела большая Длиннохвостая Мышь.

— Не дам! — зарычала Чёрная и вцепилась зубами в длинный хвост соперницы.

— Ах так! — взвизгнула Длиннохвостая и укусила Чёрную за ногу.

И началась такая отчаянная драка, что Перчик вполне мог удрать.

Но не таков был Перчик, чтобы удирать от врага без боя. Он скинул красный плащ, с силой тряхнул им перед оскаленными мышинными мордами. В воздух поднялось целое облако мельчайших пылинок перца. Они набились в мышинные глаза и носы. Потом... Впрочем, ты и сам знаешь, что бывает, когда в нос или в глаз попадёт перец. Ну конечно же: мыши чихали, визжали, тёрли глаза, прочищали носы. А Перчик тем временем добежал до городских ворот и скрылся за ними.

Друзья очень обрадовались его возвращению. Но, когда разведчик рассказал о своих приключениях, все помрачнели.

— Они решили напасть на нас ночью, — угрожающе проговорил Одуванчик.

— Ночью все разбойники вдесятеро сильнее, чем днём, — сказал Старший Травинка, свивая в кольца длинные зелёные усы.

— Значит, с ними надо драться днём! — воскликнула Кукурузинка и решительно дёрнула себя за рыжую косицу.

— Раз, два, три, четыре, пять — для чего нам ночи ждать? Шесть, семь, восемь, девять, де-

сять — всё успел я точно взвесить. Мыши настяжелей, но зато мы их смелей. Да не надо забывать, что мы будем наступать.

И Репь Репьёвич поднял вверх колющий кулак.

Все тоже вскинули над головами кулаки.

Старший Травинка затянул ремень и отчеканил:

— Будем драться сейчас. Я поведу травинок в бой!

— Горожане пойдут с вами, — сказала Кукурузинка, и её белые щёки стали розовыми от возбуждения.

— Стойте! Погодите! Пропустите нас!

Это кричали Мери Ковка и Питер Ушка.

Вот они подбежали к Кукурузинке и, перебывая друг друга, заголосили:

— Скорей!

— Быстрей!

— Мы уезжаем!

— Нет, улетаем!

— Поторопитесь!

— Поспешите!

— В чём дело? — изумилась Кукурузинка.

— Город в осаде, — затараторил Питер. — Каждую минуту могут ворваться враги. И мы погибнем. А мы не хотим гибнуть вместе с вашим городом. При чём тут мы? Помогите нам убежать, пока не поздно...

— Послушайте, Питер, берите в руки копьё

и становитесь в строй, будете защищать Кукурпах.

— Наплевать мне на Кукурпах! А потом... потом я ничего не умею. Я могу только бить баклуши.

— А сегодня вам придётся бить мышей!

— Нет-нет... — У Питера от страха даже холодный пот выступил на лбу. — Пос-с-л-лу-ш-шай-т-те... — лепетал он, но его уже никто не слушал...

Над притихшим городом пела боевая труба, сзывая на бой всех, кто честен и смел.

Бой

У городских ворот собрались травинки и все жители Кукурпах. Здесь не было только Боб Бобыча и его Бобихи, Мери и Питера, Тыквы и Баклажана.

Травинки с пиками наперевес выстроились ровными рядами.

Старший Травинка подал команду к походу. Запели трубы, загремели барабаны. Ворота распахнулись. Отряды травинок двинулись вперёд. Запевала начал песню. Её подхватили все:

Опять боевую тревогу
Зелёные трубы поют,

В дорогу,
в дорогу,
в дорогу
Отважных и смелых зовут.
Того, кто робеть не умеет,
Любая беда не берёт!
Смелее,
смелее,
смелее
Иди, мой товарищ, вперёд.
Пусть враг на себе испытает
Удары зелёных рот.
Шагает,
шагает,
шагает
Бесстрашное войско вперёд!

За городскими воротами травинки кинулись навстречу мышинной рати. Ох какой жестокий начался бой! Не на жизнь, а на смерть. Травинки кололи врагов пиками, рубили мечами. Музыканты били захватчиков трубами, а барабанщик колотил их по головам колотушкой.

Вместе с травинками отчаянно дрались и горожане.

То здесь, то там мелькал на поле боя красный плащ Перчика. Рядом с ним был плотник Орешек.

Махнёт Перчик плащом — мыши зачихают, закашляют. Тут Орешек и рубит им хвосты и головы.

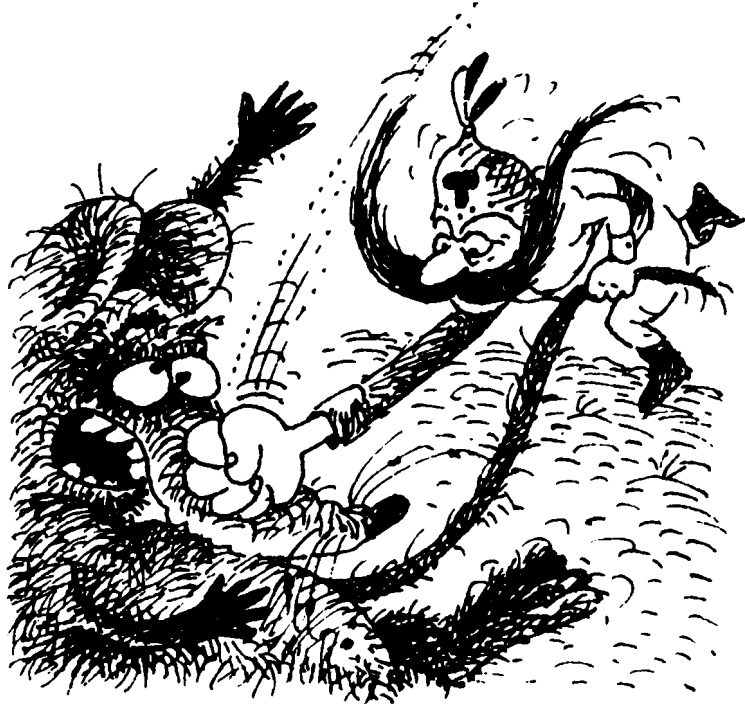
А как лихо сражался Репь Репьевич! Он бил врагов колючими счётами, молотил шипасты-

ми кулаками. А иногда, рассвирепев, подпрыгивал вверх и, свернувшись по-ежиному в клубок, падал на головы разбойниц.

Много их погибло у стен Кукурпахы. Но и защитникам города тоже досталось. Мыши рвали травинки на части. Они откусили руку маляру Горошку, отгрызли ногу стекольщику Маковке. Кукурузинка не успевала перевязывать раненых.

И всё же мыши не выдержали дружного

натиска горожан. Медленно, шаг за шагом стали они отступать. Это сразу заметил Старший Травинка. Выхватив меч, он закричал:

— В атаку!

Атака была настолько стремительной и яростной, что мыши кинулись от города прочь. Скоро разбойничьи полчища скрылись в степи.

С победными криками и песнями горожане вернулись в Кукурпах. В городе долго гудели взволнованные голоса победителей, а когда они стихли, стал слышен какой-то жалобный стон. Он доносился сверху.

Это стонал Питер Ушка. Он оказался привязанным к верхушке столба.

— Спасите, — жалобно пищал Питер.

— Как вы туда попали? — изумился Старший Травинка.

— Я спрятался от мышей. Они бы сюда ни за что не забрались. Но я привязался так крепко, что никак не развяжусь. Проклятая верёвка скоро перепилит мой живот пополам. Спасите!

Пришлось травинкам лезть на столб. Они еле вынули из петли полуживого Питера.

— Теперь, — пролепетал Питер Ушка, — спасайте Мери. Она там, — и ткнул пальцем в небо.

Все запрокинули головы, но Мери на облаках не было видно.

— Её там нет, — сказал Перчик.

— Смотрите ниже, — простонал Питер.

— Ниже торчит труба,— сказала Кукурузинка.

— Она там. В трубе. Надо её спасти.

— Ну, это по моей части! — весело воскликнул Перчик. — Не зря же я трубочист.

Мери извлекли из трубы. Она походила на страшную Бабу-Ягу. Глядя на неё, горожане хохотали до упаду.

Ну и вояка!

Утром всех разбудили истошные крики:

— Сюда! Скорее все сюда!!

Горожане решили, что мыши снова напали, и, вооружившись кто чем мог, кинулись на улицу.

Оказалось, что это кричал Боб Бобыч. Он стоял на крыльце своего дома в окружении Бобихи и семи бобят. Толстый живот Боб Бобыча был перепоясан широким ремнём. На нём с одного бока болталась сабля, а с другого — длинный кухонный нож. Вид у Боба был очень воинственный. Можно было подумать, что он один собрался напасть на целый полк мышей.

Когда улицу перед домом заполнили жители города, Боб Бобыч поднял руку вверх и начал длинную речь.

— Друзья мои! — важно произнёс он. — Вчера мы с вами одержали славную победу. В озна-

менование её я издал специальный приказ. Его я прочту после моей речи. Итак, город спасён! Не надо меня благодарить за это. Таков мой долг. Теперь, как главнокомандующий обороной города, я приказываю...

— Одну минуточку! — крикнул Перчик, пробираясь вперёд.

— Не перебивайте меня! — зарычал Боб Бобыч.

— Одну минуточку... — не унимался Перчик. — Вчера мы все дрались у стен города. Но, извините, вас там я не заметил. Может быть, вы руководили боем из окна своего дома и били врагов прямо с этого крыльца?

— Замолчи, негодник! — зашипел Боб Бобыч.

Тут вперёд вышла старая дворничиха Луковка. Она сказала:

— Вчера Боб Бобыч со своим семейством заперся в погребе и весь день просидел за железной дверью. Сегодня утром я еле уговорила его вылезти.

Раздался оглушительный хохот.

— Ну и вояка!

— Где же он саблю раздобыл?

— Гнать его отсюда!

Перетрусивший Боб Бобыч поспешил улизнуть с крыльца и заперся в своём доме.

— Ну, погодите, — злобно шипел он, — я ещё вам покажу!..

И Боб Бобыч стал думать, как бы ему отомстить непочтительным жителям Кукурпах.

Прошло несколько дней. Мало-помалу горожане забыли о недавней опасности.

Весть о победе над мышами разнеслась по всей округе. В Кукурпах стали прибывать всё новые и новые жители.

А вот Мери Ковка и Питер Ушка ушли из города. Никто не хотел на них работать, кормить и поить их. И они пошли искать другой город, где лодырям живётся привольно и где можно всю жизнь бить баклуши.

Как наказали Тыкву

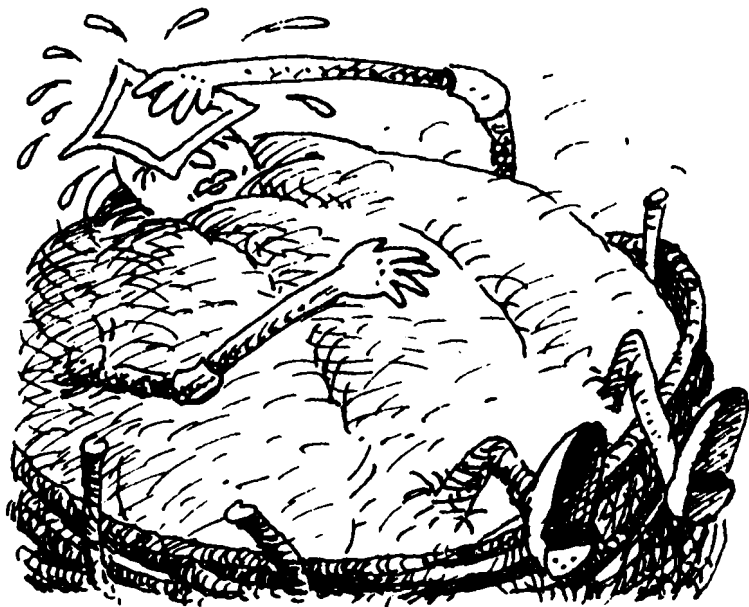
Потная, сомлевшая от жары Тыква сидела на перевёрнутой корзине и тяжело дышала. Перед ней на прилавке стояли весы и возвышались горы сладостей. Возле прилавка стоял Жан Баклажан. Он запрокинул голову и, посинев от натуги, что есть мочи кричал:

— А ну, налетай! Подходи, покупай! Лимонные дольки, монпансье и леденцы. Торопись, а то всё распродам. Сладко, вкусно, дёшево!

В это время мимо рынка проходили Кукурзинка, Пахтачок и Репь Репьёвич. Заслышав вопли Жана Баклажана, все трое не спеша направились к Тыкке. Та как раз взвешивала лимонные дольки Водяному Ослику.

Тыква орудовала руками, как заправский жонглёр. Перед носом изумлённого Ослика мелькали гирьки, лимонные дольки, кульки. Не успел он и глазом моргнуть, а Тыква уже протянула ему кулёк со сладостями. Ослик достал было деньги, чтобы расплатиться, но тут послышался недовольный голос Репь Репьёвича:

— Пятью пять — двадцать пять, научись-ка, брат, считать. Шестью шесть — тридцать шесть, свой кулёк ты снова взвесь. Ведь тебя же, друг, надули, обсчитали, обманули.

Удивлённый Ослик только хлопал глазами. Зато Тыква коршуном налетела на Репь Репьевича:

— Чего в чужие дела встреваешь? Провалиться мне на этом месте, если я его обманула. — И вдруг слезливо затынула: — Все на меня нападают. Все обижают. Бедная я, беззащитная...

— Раз, два, три, четыре, пять, перестань-ка причитать. Ослику сейчас ты только не довесила три дольки.

— Я? Не довесила? Да как вы смее...

— Пожалуйста, не кричите, — поднял руку Пахтачок. — Сейчас мы проверим.

Ослик положил на весы кулёк со сладостями. В нём и в самом деле не хватало трёх лимонных долек.

— Он их проглотил! — крикнула Тыква.

— Я и кулька не развёртывал.

— Тогда уронил! — ещё громче закричала Тыква.

А сама незаметно выхватила из корзины горсть лимонных долек и швырнула их под ноги Ослику. Да впопыхах не рассчитала — слишком сильно кинула. И дольки запрыгали по земле, как маленькие лягушата.

— Наказать её!

— Выгнать из Кукурпаха! — раздались возмущённые голоса.

— Давайте повесим над её прилавком веску с надписью: «Покупатель! Будь внимате-

лен: здесь нечестный продавец!» — предложил Водяной Ослик.

— Правильно!

— Давно бы так!

— Ловко мы её проучим! — ликовал Пах-тачок.

Но Репь Репьёвич сердито потрянул счётами и проскрипел:

— Не до радости сейчас — это раз. Не проймают её слова — это два. Надо путь искать другой, но какой?

— Есть другой путь! — Кукурузинка хлопнула в ладоши и ещё громче повторила: — Есть! Давайте посадим большой сад. Вырастим там леденцы, и монпансье, и лимонные дольки, и даже трюфели. Сад будет общий. Пусть каждый заходит и сколько хочет, столько и рвёт. Тогда у Тыквы некому будет покупать конфеты и ей придётся уйти из Кукурпаха.

— Здоро́во! — Пахтачок сдвинул белую шляпу на макушку.

— Мудро! — сказал Репь Репьёвич.

Настроение у друзей стало таким хорошим, таким радостным, что Кукурузинка, не выдержав, потихоньку запела. Репь Репьёвич и Пахтачок подхватили песню:

Если дружно,
Если вместе —
Нет тогда для нас преград.
Расцветет на голом месте

Пышный сад,
Чудесный сад!
Если друг
За друга встанет —
Всё на свете
Нипочём!
Пусть беда любая грянет —
Отведём беду плечом.

Скоро в центре города вырос великолепный сад. Какие только сладости не росли там! Заходи и рви, сколько тебе надо. Тогда-то Тыква и уехала из Кукурпаха искать другой город, где жители не такие дружные и трудолюбивые.

Предательство

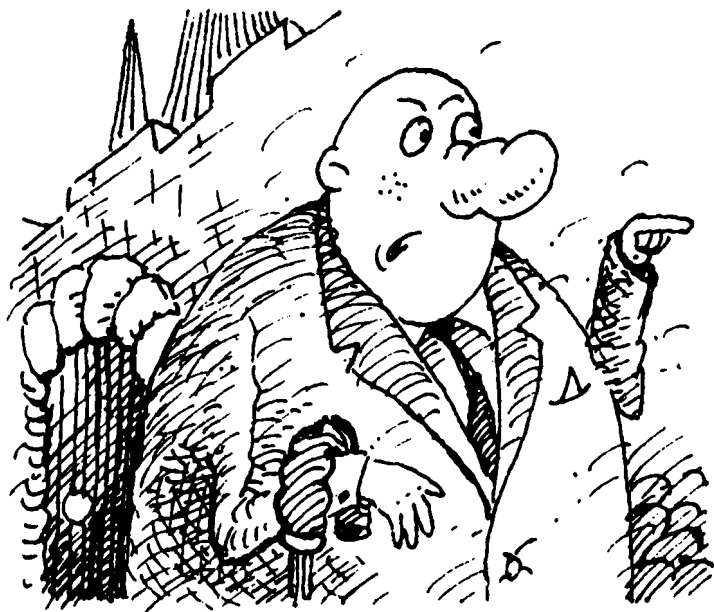
Как-то в полдень к городским воротам подошёл Боб Бобыч.

— Я хочу погулять, — сказал он начальнику стражи. — Пустите меня за город.

Его выпустили.

Боб Бобыч долго озирался по сторонам. Потом не спеша стал спускаться с бугра, напевая:

Я — толстый, важный господин,
У всех в большом почёте,
На свете я такой один,
Другого не найдёте...

Так он сошёл с бугра и пошёл по полю. Скоро Боб Бобыч устал, вспотел и присел на камень отдохнуть.

Первым делом он вынул из кармана свой огромный, как простыня, носовой платок. Обтёр им потную лысину. Потом достал из портфеля пакет с бутербродами и принялся их уминать за обе щеки.

Вдруг прямо у ног Боба из норы выскочила большущая Мышь. Она раскрыла зубастую, как у щуки, пасть. У Боба от страха бутерброд

застрял в горле. Он не мог вымолвить ни слова, только хрипел да вращал по-рачьи выпученными глазами. Мышь клацнула клыками и приготовилась прыгнуть на Боба. В это мгновение Боб Бобыч с трудом проглотил кусок, шевельнулся и прохрипел:

— Не трогай меня! Я принёс Королеве мышей важное известие. Веди меня к ней. Если ты меня съешь, она тебя казнит.

— Ха-ха-ха...— рассмеялась Мышь.— Я и есть мышиная Королева. Зачем я тебе понадобится? Говори скорее, да я тебя съем.

— Врёшь. Ты не Королева.

Мышь тоненько пискнула, и тут же появилась целая свора мышей. Они подбежали, низко поклонились и дрожащими голосами пропичали:

— Что угодно вашей королевской милости?

Теперь Боб Бобыч поверил, что перед ним действительно мышиная Королева. Он упал перед ней на колени. Сложил руки на круглом, как мяч, животе, надул пухлые щёки и, выпучив глаза, заверещал:

— О великая и грозная повелительница! Я принёс тебе радостную весть. Но, прежде чем я скажу её, обещаю выполнить одну мою просьбу.

— Обещаю,— процедила сквозь зубы мышиная Королева.

— Ваше мышиное войско храбро дралось

у стен Кукурпах. Но вы мудро решили отступить, чтобы не губить своих солдат. А можно захватить Кукурпах без боя и без потерь. И это сделаю я, Боб Бобыч.— Боб встал, важно выпятил живот, отставил ногу.— Сегодня ночью приведи своё войско прямо к городу и спрячь его. Завтра я с семейством выйду за ворота погулять. Проходя через ворота, я нарочно замешкаюсь. Вы ворвётесь в город. Никто вас не ждёт. Вы победите.

— Мудрый план,— подумав, проговорила Королева.— Что же ты хочешь за эту услугу?

— Чтобы потом вы назначили меня главнокомандующим и начальником всего Кукурпах.

Королева милостиво согласилась.

Боб Бобыч отвесил ей низкий поклон и воротился в город...

Всю ночь мышиное войско бесшумно подтягивалось к городу. Серые разбойницы спрятались в норы и замерли там, ожидая сигнала своей предводительницы.

Рано утром Боб Бобыч с семьёю бобятами и круглой Бобихой вышел за город. Он сразу увидел мышей, которые притаились у самых стен.

Погуляв немного, Боб Бобыч сделал Королеве знак приготовиться, а сам не спеша направился к городским воротам и постучал в них.

— Отоприте. Это я, Боб Бобыч. Возвращаюсь с прогулки.

Охранники стали открывать ворота.

В это время на крыше крепостной башни сидел маляр Горошек. Он забрался туда, чтобы покрасить крышу. Услышав голос Боба, маляр глянул вниз и увидел мышей.

— Стой! — закричал Горошек. — Не открывай! Там мыши! Он — предатель! Он привёл мышей!

Сторожа захлопнули ворота и быстро их заперли. Часовые травинки влезли на крепостные стены и увидели несметные полчища мышей. Над городом запели боевые трубы.

Обозлённые неудачей мыши окружили семейство Боба. Королева подошла к Боб Бобычу и, зло сверкая красными глазами, прошипела:

— Ты не сдержал своего слова, толстопузый болтун! Ты обманул нас! И вот тебе за это награда!

С этими словами она проглотила Боб Бобыча, Бобиху и семерых бобят.

Потом она приблизилась к городским воротам и закричала:

— Эй вы! Трусы! Сдавайтесь без боя. Сегодня ночью мы всё равно ворвёмся в ваш противный город и сровняем его с землёй!

Услышал эти слова однорукий маляр Горошек, и такая обида и злость охватила его, хоть сам с башни прыгай на голову Королевы. Пошарил он взглядом вокруг и увидел большое ведро с краской. Упёрся в него плечом

и давай толкать к краю. Тяжёлое ведро свалилось с крыши и прихлопнуло Королеву-разбойницу.

Среди мышей поднялся невиданный переполох. По приказанию молодого Королевича всё мышиное войско отошло от города в чистое поле. Там торжественно и пышно похоронили мышиную Королеву и молодой Королевич произнёс речь.

— Мы,— кричал он, вытягивая шею и злобно шевеля усами,— никогда не простим жителям Кукурпаха гибель нашей любимой Королевы!

— Не простим!! — заорали тысячи мышей.

— Я послал гонцов к сёстрам Королевы. Сегодня ночью они приведут сюда свои полки. И тогда... тогда мы,— Королевич повысил голос и завизжал,— расправимся с Кукурпахом! Всё уничтожим! Всех слопаем!!!

— Слопаем!!! — пуще прежнего заорало мышиное войско и защёлкало зубами.

Под покровом ночи несметные полчища мышей подошли к городу и стали прогрызать городские стены.

•

Военный совет

И снова в доме Кукурузинки заседал военный совет. Старший Травинка устало пригла-

дил обвисшие, поредевшие в бою зелёные усы и медленно заговорил:

— В прошлом бою мы потеряли половину солдат. Помощи ждать неоткуда. Мыши получили подкрепление. Их стало вдвое больше. Нам с ними не справиться.

— И всё же надо что-то предпринять, — неуверенно проговорил Перчик, сдвинув на затылок заштопанный красный колпак.

— Трудно найти выход из такого положения,— прошамкал старый Одуванчик, понуро опустив седую голову.

— Мы в западне,— трагически прошептал Пахтачок, и его смуглые щёки стали белыми.

Репь Репьёвич укоризненно посмотрел на Пахтачка, хмыкнул и застрекотал:

— Шестью восемь — сорок восемь, все сомнения отбросим. Пятью девять — сорок пять, рано, братцы, унывать. Здесь сидит нас шесть голов, шесть умов. Пусть каждый придумает малую крошку — вот мы и выход найдём понемножку.

— Правильно! — закричала Кукурузинка и так дёрнула себя за рыжую косичку, что едва её не оторвала.— Надо думать и думать.

— Если мы до утра ничего не придумаем,— сказал Старший Травинка,— мы погибли.

— Я... я, кажется, кое-что придумала! — закричала Кукурузинка, и её глаза радостно заблестели.

— Что?

— Ну?

— Говори скорее!

— Кого бояться мыши больше всего на свете? — спросила Кукурузинка.

— Об этом могут знать только сами мыши,— развёл руками Пахтачок.

— Сейчас заглянем в справочник,— сказал учитель Одуванчик.

— Не надо смотреть в справочник. Мыши больше всего боятся Кота.

— Откуда ты знаешь? — удивился Одуванчик.

— Однажды я встретила с Котом. Он большой и мохнатый. У него длиннющие когти. Огромные зубы. И во-от такой хвост...

— И он тебя не съел? — удивился Перчик.

— Нет, — улыбнулась Кукурузинка. — Он таких малышей не трогает. Кот ест мышей. Да-да. И мыши ужасно его боятся. Стоит ему мяукнуть — мыши со страху разбегаются.

— Вот бы нам Кота!.. — мечтательно проговорил Пахтачок.

— Пойдите! Я не всё сказала. В темноте глаза у Кота горят как светлячки. Давайте позовём двух светлячков. Ночью они лягут на крепостную стену, а мы замаякаем. Мыши подумают, что это Кот, и убегут.

— Неплохо придумано, — разглаживая усы, проговорил Старший Травинка. — Только где мы разыщем светлячков?

— В самом деле, где? — растерянно спросил Пахтачок.

— Помолчите немного, — попросил учитель Одуванчик, — я хочу подумать.

Все умолкли.

Очень долго думал старый Одуванчик.

Пока он думал, Старший Травинка успел закрутить свои зелёные усы в десять колец. Ку-

курузинка успела пятьдесят раз дёрнуть себя за косу. Перчик семь раз снимал и надевал свой красный колпак. Репь Репьёвич подсчитал, сколько волосинок в седой голове Одуванчика.

Но вот учитель поднял белую голову, поправил роговые очки и медленно заговорил:

— Недалеко от города есть гнилой пенёк. На нём живут светлячки. Они добрые и охотно помогут нам в беде.

— Но город окружён мышами. Как же пройти к светлячкам? — спросил Старший Травинка.

И опять все умолкли, смущённо потупясь. В самом деле: как выбраться из осаждённого города и как в него вернуться?

Одуванчик думал, думал — задремал.

Перчик думал, думал — зачихал.

Старший Травинка думал, думал — завыдыхал.

Пахточок думал, думал — головой закачал.

Репь Репьёвич думал, думал да и говорит:

— От правды нельзя отворачивать глаз — это раз. А правда горька, как полынь-трава, — это два. Но ты на неё всё равно смотри — это три. Нельзя нам хандрить, нельзя унывать — это четыре и это же пять. Надо всегда думать, искать...

— Нашёл! — закричал Пахточок.

Все так и подпрыгнули.

— Чего?

— Как?

— Где?

А Пахтачок и в самом деле нашёл выход из труднейшего положения.

Победа

Едва стемнело, Пахтачок взобрался на самый высокий шпиль крепостной стены. Там он поднял над головой широкополую лёгкую шляпу. Сильный порыв ветра подхватил шляпу и понёс её вместе с Пахтачком.

Скоро Кукурпах остался далеко позади. Под ногами Пахтачка плыла невидимая в темноте земля. А над головой сверкали гирлянды золотых звёзд. Но вот внизу показались какие-то светящиеся точки.

Пахтачок подогнул полы шляпы и стал медленно спускаться. Через минуту он уже был у светлячков.

Они жили на одном пеньке. Но это была настоящая сказочная страна. Сколько здесь было света! Всё вокруг искрилось и сверкало, будто одновременно горели тысячи крохотных солнц.

Этот свет излучали не электрические лампочки. Их там совсем не было. Зато каждый светлячок — гражданин этой волшебной страны — сам походил на крохотную лампочку от карманного фонарика. Он весь светился. От макушки до пяток.

Дело в том, что кудесники светлячки шили себе куртки, и штаны, и шапки, и даже башмаки из особого материала. Он светился, как огонь, но не жёгся...

Как только Пахтачок ступил на землю светлячков, его сразу окружили со всех сторон.

— Ты кто? — спросили его.

— Я — Пахтачок из Кукурпах. Прибыл к вам за помощью.

— Тогда пошли к старшине.

Старшина оглядел гостя, не спеша пригладил свою золотистую, словно сотканную из солнечных лучей бороду и ласково спросил:

— Откуда ты, чужестранец, и зачем пожаловал в наши края?

— Я — Пахтачок из города Кукурпах. Он стоит на бугре, к востоку от вашей республики.

— Слышал, слышал об этом городе и его славных жителях, — проговорил старшина.

Пахтачок поведал ему, как они строили город, как весело и счастливо жили в нём до тех пор, пока не напали на них разбойницы-мыши. Когда же он стал рассказывать о недавнем сражении с мышами, старшина не выдержал, вскочил и заходил по зеркальному полу.

— Сегодня мыши снова напали на Кукурпах. Их впятеро больше нас. Да к тому же ночью разбойники всегда сильнее. Пока я летел к вам, может быть, мыши уже прогрызли крепостные стены и ворвались в город.

— Чем же мы можем помочь тебе? — сочувственно спросил старшина.

Пахтачок рассказал о выдумке Кукурузинки.

Старшине эта выдумка очень понравилась, и он сказал:

— Помочь добрым соседям мы всегда рады. Сейчас покличем добровольцев.

Он вышел на балкон и крикнул:

— Наши соседи, граждане великого и славного Кукурпаха, попали в беду. Им угрожает гибель от злых и коварных мышей. Нужны два добровольца, чтобы спасти мирных и храбрых жителей Кукурпаха. Кто пойдёт?

— Я пойду!

— Пошлите меня!

— Мы согласны! Посылайте нас!

Крики неслись со всех сторон. Каждый светлячок хотел помочь Пахтачку и его товарищам.

Все жители сказочной светящейся страны провожали Пахтачка и двух светлячков.

Те вскарабкались на крышу самого высокого дома и уцепились за шляпу. Дунул ветер, и шляпа поплыла по воздуху, унося друзей в сторону Кукурпаха. Светлячки запели:

Не простой я червячок —
Червячок-светлячок!
В темноте ночной горю я,
Как заветный маячок.
Всё сияет у меня,
Всё сверкает у меня.

Рукавички,
Шуба,
Шапка —
Всё из чистого огня!

В это время в Кукурпахе поднялась страшная тревога. Мыши вгрызались в стены. В тишине слышался ужасный хруст и треск, от которого волосы шевелились на голове. Горожане

кидали в мышей камни, метали стрелы. Но это не помогало.

— Если через час Пахтачок не вернётся, мы погибли, — сказал Старший Травинка и посмотрел на большие башенные часы.

Все вскинули головы: узорчатые стрелки медленно ползли по циферблату. Ещё минута... Ещё... Так в томительном ожидании прошло полчаса. Город словно вымер. В мёртвой тишине слышался только скрежет мышиных зубов.

Вдруг в тёмном небе мелькнул белый шар. Это была шляпа Пахтачка.

Вот он приземлился на площади.

— Ура! — в воздух взлетели шлемы, платки.

Не успели мыши опомниться от этого шума, как из окна крепостной стены выглянули два светящихся глаза, а над бугром пронёсся пронзительный кошачий крик: «Мяу!»

Мыши кубарем покатались с бугра. Сбились в тесную дрожащую кучу и долго не осмеливались взглянуть на город. А когда взглянули, увидели светящиеся кошачьи глаза и подняли такой переполох, что и не описать. Давя друг друга, они бросились прочь. Вслед им несло:

— Мьяа-ауу! Мьяа-аауу!

Защитники города ликовали.

И Перчик, и Репь Репьёвич, и Старший Травинка, и Соломинка, и Одуванчик, и все жители дружного города Кукурпаху славили Кукурузинку — за выдумку, Пахтачка — за храбрость, светлячков — за помощь.

РОМКА И ЕГО ДРУЗЬЯ

2

Три друга

Жил-был пёс. Чёрный бархатный нос.
Уши — лопушком. Белое брюшко.
Шея — дугой. Хвост — трубой.
Не старик, а бородат. Рыжая бородка.
Бахромой усы висят. Важная походка.
Звали его Ромка Ромазан.

Так его назвал хозяин и верный Ромкин друг Степан Иванович.

Был Ромка ласковый и добрый. И очень. Очень. Очень гордый.

Свистни ему кто-нибудь, помани — Ромка и ухом не поведёт. Любое самое желанное лакомство брал не спеша, ел не торопясь.

Ещё два друга было у Ромки: пёс Артос и пёс Фомка.

Артос был тощий, лупоглазый. Едва задень — и в драку сразу. Сам не задира, но драчун.

А Фомка? Фомка был ворчун.

Нос у Фомки острым клином. Хвост у Фомки длинный, длинный. По этому хвосту всегда можно было угадать Фомкино настроение.

Фомка весел — хвост кольцом. Озадачен —

хвост вопросом. Рад чему-то — хвост торчком и дрожит упругим тросом.

Больше всего на свете Ромка, Фомка и Артос любили играть и проказничать. У них была своя песенка, которую три друга распевали всегда во всё горло:

Мы — весёлые собаки
И совсем не забияки.
Между нами ссор и драки
Не бывает никогда!..

Делим на троих добычу,
Лишь на праздник друга кличем,
А в беде — таков обычай —
Друг приходит сам всегда!..

Жили друзья в городе Тюмени.
В одном доме. И в одном подъезде.
Даже на одном этаже. Только в разных квартирах.

Встало солнце за окном...

Ромка встрепенулся, на бок повернулся и совсем проснулся.

Приоткрыл левый глаз: в комнате светлым-светло, а на стене солнечный зайчик скачет.

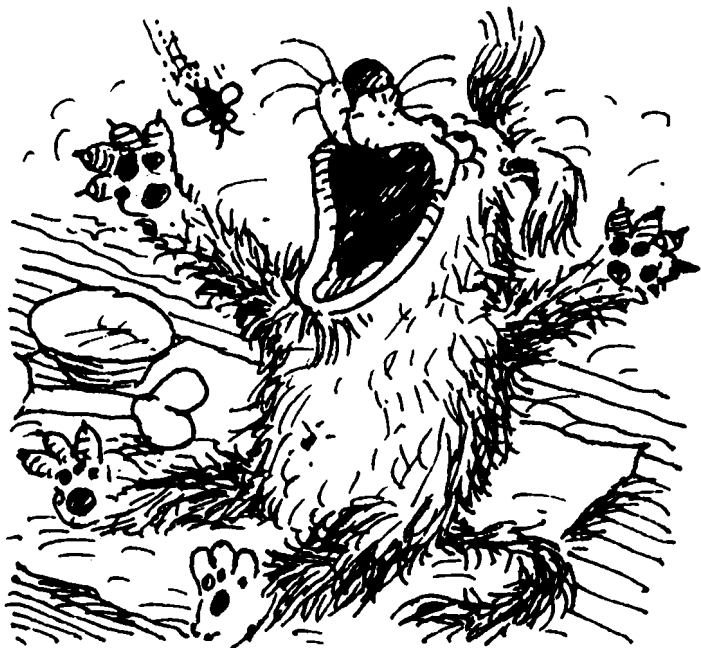
Приоткрыл правый глаз: вот тебе раз — хозяин-то спит.

Встопорщил Ромка лопушки-уши. Долго слушал. Точно, спит!

Надо вставать, хозяина поднимать.

Зевнул Ромка — протяжно и громко. По полу потом постучал хвостом. Пошевелил ушами. Поводил усами. Не торопясь на лапы встал и физзарядку делать стал.

Он приседал. И кувыркался. Сгибался колесом. Ходил на задних лапах. До тех пор пока не вытряхнул из себя весь сон до последней сонинки.

Подскочил к дивану. Положил на него передние лапы. Ткнулся влажным холодным носом в колючую щёку хозяина.

— Что, Ромка, пора? — спросил сонно Степан Иванович.

— Давно пора, — проурчал в усы Ромка.

Но Степан Иванович повернулся лицом к стене и захрапел.

«Ну уж. Это уж. Совсем уж никуда», — подумал Ромка.

Вцепился зубами в уголок одеяла и стащил его на пол.

Но и тут Степан Иванович не проснулся. Только калачиком свернулся.

«Ах так?!» — осердился Ромка. Вскочил на диван. Лизнул хозяина в нос.

Закряхтел тот, заохал и наконец-то открыл глаза.

— Молодец, Ромка. Спасибо, Ромка.

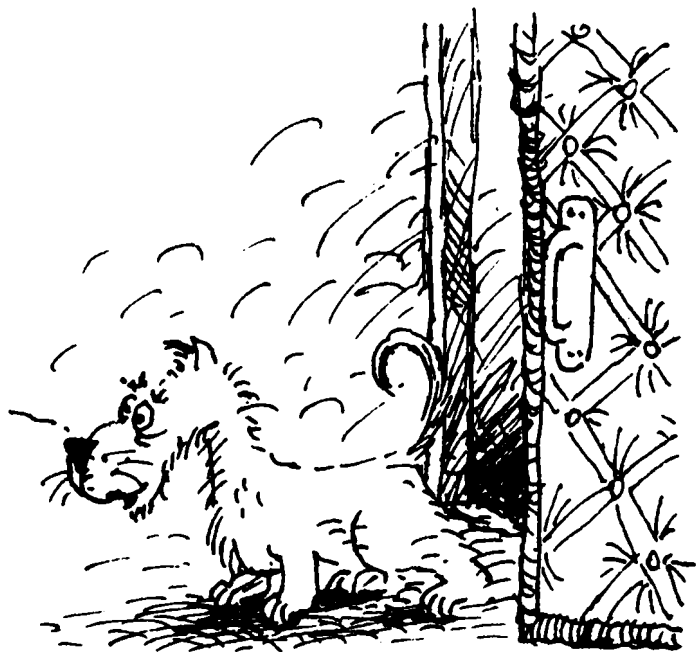
И ласково потрепал его бороду, почесал за ушами.

Довольный, Ромка скакнул с дивана. Запрыгал, как мяч, припевая:

Встало солнце за окном.
За окном!
Заглянуло солнце в дом.
Прямо в дом!
Оттеснило в угол тень.
Мрак и тень!
Засветило новый день.
Яркий день!
Яркий, Жаркий, Голубой.
Вон какой!
Веселись. Играй да пой.
Громче пой!

— Беги-ка на волю. Подразомнись, — сказал Степан Иванович. — Ненадолго. Мне уходить скоро.

И выпустил Ромку за дверь.

Летучие собаки

Выбежал Ромка в подъезд — и во весь голос:
— Эй, Артос! Фомка, эй! Выбегайте поскорей! Без заминки. На разминку. Выходи!

Скрипнула дверь. Высунулась заспанная Фомкина голова.

— Зачем так громко? — проворчал Фомка.

Неспешно вышел на лестничную площадку. Так тряхнул головой — чуть уши не отлетели. Скрутил длинный хвост вопросительным знаком.

— Где Артос? Почему нет Артоса? Это непорядок. Ведь уговорились...

— погоди ты, — перебил ворчуна Ромка. — Может, заболел Артос.

Подлетел к дверям квартиры, в которой жил Артос. Прижался бархатным носом к щели. Встопорщил уши-лопушки. Зашевелил усами, принюхиваясь. Встревоженно шепнул:

— Он тут.

И Фомка клинышек носа приставил к щели. И тоже втянул ноздрями воздух.

— Артос? — Фомкин хвост запрыгал по полу, как рассерженная змея. — Артос! — ворчливо позвал Фомка. — Чего ты застрял?

— Беда у меня, — донёсся из-за двери унылый голос Артоса. — Хозяева вчера укатали на дачу и до сих пор не вернулись.

— Хоть дверь вышибай, а друга выручай, — сказал Фомка.

— Кто-то на дачке забыл о собачке. А мы — голову ломай. А мы — дверь вышибай... — забурчал гневливо Фомка.

Раздул Ромка ноздри. Встопорщил уши. Поскрёб лапой бородку. Сделал уши домиком.

— Придумал!

— А я что говорил! — обрадовался Фомка, поднимая хвост восклицательным знаком.

— Артос! — крикнул Ромка в щель. — Чёрный зонтик бабушка на дачу не увезла?

— Сейчас погляжу, — отозвался Артос. — Тут он. В углу. А что?

— Бери зонт. Отворяй окно...

— Понял! — радостно гаркнул Артос. — До встречи.

Обгоняя друг друга, Ромка с Фомкой кинулись во двор. Остановились под окном квартиры, где жил Артос, и давай пританцовывать от нетерпения.

С треском распахнулась оконная створка. Высунулся чёрный зонт. Раскрылся. И тут же из окна вывалился Артос, держась зубами за ручку зонта. Зонт был очень большой. Артос приземлялся на нем плавно, как на парашюте. Вот длинные ноги Артоса почти коснулись земли. Ещё миг...

Но именно в этот самый миг дунул ветер. Сильно и резко.

Подхватил чёрный купол зонта. Рванул вверх.

— Держи! — крикнул Ромка.

Подскочил, вцепился зубами Артосу в хвост.

А ветер дунул ещё сильнее, подкинул зонт ещё выше.

— Лови! — завопил Фомка.

Скакнул что есть силы вверх. Но до Ромки не дотянулся. В воздухе кувыркнулся, едва успел хвостом закрючить Ромкину лапу.

Вот такой живой гирляндой и повисли все трое на чёрном бабушкином зонте. Артос вцепился в зонт. Ромка — в Артоса, Фомка — за Ромку.

Ухнул ветер в зонт, как в парус.

Дрогнул зонт. Взлетел до крыши. А потом поднялся выше.

Закрутился чёрный зонт и поплыл за горизонт.

Ветер нёс его и нёс. Без мотора, без колёс. На улице переполох поднялся.

Кричали мальчишки:

— Летучие собаки!

— Воздушный цирк!

Чёрный кот надрывался на заборе:

— Хватайте! Это переодетые волки!

Пронзительно свистел постовой милиционер.

А нахальные сороки затевать привыкли склоки. Окружили вмиг собак. Лезли к ним и так и сяк. И щипали, и клевали. И над ними хохотали.

«Надо прыгать в сквер», — решил Ромка.

Но как сказать об этом, если в зубах хвост Артоса?

«Эх, была не была», — подумал Ромка и крикнул:

— Прыгай!!

И тут же Фомка — бряк. Рядом Ромка — шмяк. Возле них Артос — в землю нос.

Перелёт окончен...

Рогатый злодей

Словно мячик, отскочил Ромка от земли. Перекувыркнулся, шлёпнулся, снова подпрыгнул.

— Ой-ля-ля! Тра-ля-ля! Очень мягкая земля. Мягче пуха. Мягче ваты. Шевелись, вставай, ребята.

Вскочил Артос. Наморщил нос.

Апчхи!

— Нельзя ли потише, — проворчал недовольно Фомка.

Ворчуна Артос — за лапу. А Артоса Ромка сцапал. Фомка Ромку — за усы. Разыгрались резво псы.

Скачут кругом.

Друг за другом.

А потом — кувырком.

А когда устали, хороводом встали. И горластый Ромка затянул громко:

Мы — весёлые собаки
И совсем не забияки.
Между нами ссор и драки
Не бывает никогда...

Артос и Фомка подхватили песню:

Делим на троих добычу,
Лишь на праздник друга кличем,
А в беде...

Тут какая-то сила разом всю компанию оторвала от земли и забросила в канаву.

— Что такое? — изумился Ромка, поджимая ушибленную лапу.

— Кто это нас? — забубнил Фомка, складывая хвост вопросительным знаком.

— Где этот нахал? — громко прорычал Артос.

— Б-бе-е,— донёсся надтреснутый тягучий голос.— Я тут.

Из кустов высунулась козлиная голова. Со злыми глазами. С острыми рогами.

Потом показались большие отточенные копыта. И наконец вышел Козёл.

Был он рослый, но кургузый. Длинноногий. Толстопузый. Не причёсан. Не умыт. Шерсть сосульками висит.

— Кто обозвал меня нахалом? — Козёл гневно колупнул землю копытом.

— Я! — отважно крикнул Артос и цап зубами Козла за ухо.

— И я! — гаркнул Ромка, прыгая Козлу на спину.

— Я не обзывал, но всё равно, — пробурчал Фомка, налетая на Козла сбоку.

А Козёл взбрыкнул ногами. А Козёл тряхнул рогами.

И друзья с него посыпались, будто сухие листья с дерева.

Ромка — усами в кочку. Фомка — боком об урну. Артос — головой о берёзу.

Не успели они шишки пощупать, царапины зализать, а Козёл снова рога нацелил.

— Бежим... — еле вымолвил Ромка.

И со всех собачьих ног друзья пустились наутёк.

Козёл — за ними.

Вот-вот догонит. Острым рогом проколет. Копытом пронзит.

Поджал хвост Ромка и мчится вприпрыжку.

Следом Фомка улепётывает. Лапы быстрее велосипедных спиц мелькают.

Последним Артос скачет. На бегу Козлу зубы кажет.

А Козёл того пуще ярится. Грозно блеет да громко грозитя:

— Быть вам битым! Быть вам битым! Догоню — прибью копытом. Острым рогом проколю, если только догоню!

Перемахивая через кусты, перелетая через клумбы, они миновали сквер и выкатились на середину улицы. И понеслись по ней навстречу потоку автомобилей, трамваев, троллейбусов.

Завизжали, закрипели тормоза.

Загудели тревожно автобусы.

Зазвенели рассерженно трамваи.

Загукали возмущённо троллейбусы.

Закричали водители.

Замахал руками, засвистел разгневанный милиционер.

А псы несутся — уши трясутся.

Следом Козёл мчит — искры из-под копыт.

Тут из-за поворота. На полной скорости. Прямо на них — автомобиль.

Ромка, Фомка и Артос прошмыгнули меж колёс. А Козёл — в автомобиль... Трах рогами... Дым и пыль.

Крупные неприятности

Едва глянув на Степана Ивановича, сразу почуял Ромка: что-то случилось. И не ошибся.

Усадил хозяин Ромку на колени. Поглаживая, сказал:

— Уезжаю я, Ромка. Надолго. На всё лето. К нефтяникам. На Самотлор. Надо им помочь трубу строить. Чтобы нефть по ней оттуда сюда текла. Понял?

Внимательно и насторожённо Ромка засматривал человеку в глаза. Топорщил уши-лопушки. Вертел головой, тряс бородой. Но ничего не понимал, кроме одного: хозяин уходит из дому.

Не знал Ромка, что такое Самотлор и где он находится. Не понимал, какую и как это можно строить трубу и отчего по ней потечёт нефть с Самотлора. Да и что такое нефть — пёс не имел ни малейшего представления. Зачем ему это? Главное — Степан Иванович покидает его. Надолго.

Затих Ромка, загрустил. Хвост уныло опустился. Голову понурил. Брови принахмурил. И на Ромкины глаза навернулась вдруг слеза.

— Не грусти.— Растроганный Степан Иванович потрепал Ромку по шее, почесал за ушами.— Не навсё расстаёмся. Да и не один ты останешься. Здесь пока поживёт мой племянник Витя. Парнишка неплохой. Не обидит.

Поцеловал Ромку в чёрный бархатный нос.
И ушёл.

И остался Ромка с Витей.

И сразу начались у Ромки неприятности.

Задумал Витя выдрессировать Ромку так, чтобы можно было перед друзьями похвастаться. Целый день командует:

— Ромка, ко мне!

— Ромка, сидеть!

— Ромка, лежать!

Столько разных команд понавывдумывал, что от них у Ромки стала голова кружиться и бессонница началась.

Чего только Витя не заставлял делать Ромку! И тапочки принести. И кепку подать. И на задних лапах ходить. Зато забывал вовремя покормить да налить в чашку свежей воды.

И на прогулку Ромку одного не пускал, не давал ему с Фомкой и Артосом поиграть. А водил по двору на поводке. И всё командовал, командовал. Изображал перед мальчишками Ромкиного укротителя и повелителя.

Начал Ромка хиреть. Перестал играть и петь. Ничего ему не мило. Бродит скучный и унылый. Не обласкан, не оглажен, не расчёсан вовсе даже.

А Витя знай себе кричал на Ромку, даже шлёпал его иногда. И однажды злой мальчишка придумал такую штуку...

Ромка понуро лежал на диване, вспоминая

недавнее житьё своё со Степаном Ивановичем. И такая щемящая грусть накатила на Ромку, что он непроизвольно всхлипнул и закрыл глаза лапами.

Закрыл и сразу уснул. И тут же увидел во сне Степана Ивановича. Тот посадил Ромку на колени, гладил его, причёсывал. А от рук, как всегда, пахло машиной. Ромка шевелил ноздрями и блаженно улыбался во сне.

Вдруг будто бомба разорвалась — гроыхнул сердитый Витин голос:

— Ромка, ко мне!

Как ошпаренный вскочил Ромка. Пошарил глазами по сторонам — никого. «Почудилось», — решил и снова прилёг было. Но опять Витин голос:

— Ромка, ко мне! Кому говорят!

Спрыгнул Ромка с дивана. Обежал комнату. Заглянул под стол. Сбежал на кухню. Нигде нет Вити. А голос опять как загремит:

— Ты что, не слышишь, негодяй? Ко мне!

Долетал Витин голос откуда-то сверху, как бы со стола. Вскочил Ромка на диван. Глянул на стол. Никакого Вити там не было. Только белая коробочка лежала. «Что за диво?» — подумал Ромка. И тут белая коробочка как крикнет Витиным голосом:

— Ромка, лежать! Быстро! Лежать!

Скакнул Ромка с дивана на стол. Подошёл к говорящей белой коробочке. Понюхал. А коробочка опять выкрикнула команду Витиным голосом.

«Ну уж. Нет уж. Это уж совсем уж никуда!» — разгневался Ромка. Подтолкнул коробочку носом — и та кувырком на пол. Раскололась. Развалилась. И умолкла.

А на пороге Витя появился.

— Ты разбил мой новый магнитофон! — закричал он. — Негодяй! Я тебя...

Ромка на пол скок-поскок и стрелою за порог. Только белый хвост мелькнул.

Беглецы

Наступил тёплый синий летний вечер. Фомка и Артос вышли во двор. Побегали немножко, попрыгали, поболтали и сели под кустом, пригорюнились.

Вдруг Фомка подскочил, будто его оса ужалила. Свернул хвост восьмёркой.

— Ты слышал?

— Ничего не слышал,— нехотя ответил Артос.

— Ромка нас зовёт.

— Просни...— начал было Артос и не договорил.

Глаза у Артоса огромными стали. И будто бы лампочки в них засверкали.

— Я тоже слышал Ромкин голос. Он где-то здесь.

Огляделись друзья и увидели Ромкин бархатный нос под лопухом-подзаборником.

Кинулись они навстречу друг другу. И ну кувыркаться. И ну веселиться, скакать да резвиться.

Не заметили, как совсем стемнело. Звёзды загорелись в тёмно-синем небе. Окна засветились в доме. И шум машин на улице поутих.

— Ну что, по домам? — спросил Артос.

— Нет у меня больше дома,— грустно выговорил Ромка.— Пойду искать Степана Ивановича.

— Куда? — Фомкин хвост свернулся вопро-
сительным знаком.

— На Самотлор. К нефтяникам.

— Что случилось? — удивился Артос. —
Тебя кто-то обидел?

Вздыхнул Ромка и поведал друзьям о проис-
шествии с магнитофоном.

— М-да, — Артос прищёлкнул клыками, —
назад тебе дороги нет.

— И зачем ты этот говорящий ящик рас-

шлёпал? — заворчал Фомка, скручивая хвост штопором.

Вместо ответа Ромка запел:

Настал для нас
Разлуки час,
Простимся же, друзья.
В последний раз
Пожму сейчас
Две верных лапы я.

— Давай же лапу, дружище Артос.

Отступил Артос на полшага и, браво выгнув худую грудь, твёрдо выговорил:

— Раз друг попал в беду — от друга не уйду. В любой огонь и дым пойду за ним...

Тут и Фомка хоть и ворчливо и негромко, но зато ясно проговорил нараспев:

Пусть впереди нас ждёт беда,
С друзьями буду я всегда.
Куда друзья — туда и я.
Иначе что мы за друзья?

Распушил Ромка рыжеватые усы. Раздул ноздри. В коричневатых глазах загорелась удаль.

— Значит, вместе?

— Вместе! — гаркнул Артос.

— Вместе! — уркнул Фомка.

Положив лапы друг другу на плечи, псы завели знаменитый и модный собачий танец — рок-кувырок.

Ах, какой это был танец! Начинался он с общего кувырка через голову. Потом — разбег, прыжок, двойное сальто. Потом — скок-поскок: передние лапы на земле — задние в воздухе, задние на земле — передние в воздухе. А после, свернувшись клубком, они стали перекатываться друг через друга. Ромка — через Фомку, Артос — через Ромку.

Да всё быстрее перекатывались. Да всё выше подскакивали. И такую карусель раскрутили, не понять, где чей хвост, а где чьи лапы.

А город затихал, засыпал. Всё черней становилась ночь. Всё меньше светилось окон в домах. Опустели, стихли улицы.

Из неведомой звёздной дали прилетел лохматый ласковый Ветерок. Взворошил, взъерошил листву на деревьях. Потревожил спящих воробьят, и те испуганно запищали.

— Пора, — спохватился Ромка.

— Угу, — поддакнул Фомка.

— Да-да, пора, — шепнул Артос.

И псы помчались со двора.

Клык-Клык Грумбумбес

Они бежали неторопливой рысцой. Впереди — Ромка. Следом — Фомка. Сзади всех, задрав свой нос, тощий семенил Артос.

Остались позади ярко освещённые центральные улицы. Начались улочки поуже, потемней.

«Скоро городу конец,— подумал Ромка.— Начнётся поле, потом лес. Там и отдохнём».

Хотел сказать об этом, да вдруг впереди через дорогу метнулась длинная серая тень. Прижалась к забору, растаяла в темноте.

Друзья оборвали бег. Сгрудились.

— Видели? — шёпотом спросил Ромка.

— Ага,— ответил Артос.

— Угу,— буркнул Фомка.

— Стойте тут. Я на разведку.

Прижался Ромка животом к земле. Раздул чёрные ноздри. Встопорщил уши-лопушки. Навострил глаза. И пополз туда, где пропала серая тень.

Пахло разогретой землёй, хворостовым дымом, бензином и навозом. Из домов еле долетали человеческие голоса и музыка.

Но вот Ромкины ноздри учуяли странный, тревожный запах. «Кто же это так пахнет?» В коричневых, широко раскрытых глазах плеснулась тревога. Ромка перестал дышать. Вытянулся в струнку. Поставил уши торчком. И услышал сопение и скрежет когтей.

«О! Да это кто-то подрывает стену. А за стеной поросята. Вон как они хрюкают...»

Тут Ромку осенило: «Да ведь этот негодяй хочет украсть поросёнка».

Привстав, Ромка сердито крикнул:

— Вон отсюда, разбойник!

Лохмато-серое страшилище откатнулось от стены. На Ромку свирепо глянули огромные жёлтые глазищи. Сверкнули угрожающе большие зазубренные клыки. И послышался грозный рык:

— Я — Клык-Клык Грумбумбес. Предо мной трепещет лес. Предо мной дрожат поля. Всех страшней и злее я. У меня пятьсот зубов. Не боюсь бродячих псов. Уходи. Добром прошу. А не то рас-пот-ро-шу!!

И снова Клык-Клык Грумбумбес стал рыть подкоп. Да ещё торопливей. На Ромку дождём посыпались комья земли.

Что делать? Ромка прежде слыхом не слыхал, видом не видал никакого Клык-Клыка Грумбумбеса. Это был кровожадный хищник, вряд ли им одолеть его. Но и отдать на растерзание разбойнику маленьких беззащитных поросят они не могли.

Надо было бить тревогу. Звать кого-то на подмогу. И друзья что было силы вдруг втроем заголосили:

— Прочь, разбойник!!!

Ох какой переполох тут начался. Даже воздух задрожал, закачался.

Завизжали поросята. Замяукали котята.

Утята закрикали. Лягушки заквакали.

А петух что было сил как шальной заголосил:

— Ку-ка-ре-ку!

Рассвирепел Клык-Клык Грумбумбес. Выскочил на дорогу. Увидели его друзья вблизи и перепугались.

Он походил на огромного, ну прямо преогромного, наигромаднейшего паука.

Двенадцать лап когтистых, волосатых. Спина — черна, мохната, полосата. Глазищи жёлтые, как факелы горят. Сверкает саблями клыков загнутых ряд. А на конце хвоста — огромный крюк. Кто на него попал — тому каюк.

Такого жуткого страшили псы никогда и во сне не видели. Оттого растерялись, попятились.

А Клык-Клык Грумбумбес на шести лапах встал, шесть других лап поднял. Замахал ими. Заклацал клыками.

— Ха! Да вас трое! Хватит мне на ужин! И сразу ухватил когтями Ромку за бок.

Кинулись Артос и Фомка на выручку. Началась отчаянная драка. Заклубилась пыль. Замелькали клочья шерсти. Закапала кровь.

Клык-Клык Грумбумбес был очень сильный. А ещё хитрый и злой. Он мигом подмял Ромку, отшвырнул Фомку, поддал Артосу. И наверняка слопал бы их всех троих, если б друзья не кинулись наутёк.

Только не так-то просто было удрать от двенадцатиногого свирепого и голодного Клык-Клыка Грумбумбеса. Он сразу бросился следом и помчался огромными прыжками.

— Будь ты лошадь или мышь, от меня не убежишь! — рычал он, догоняя друзей. — Сцапаю — прихлопну! Проглочу — не лопну!

— Бегите! Я его задержу, — еле выговорил на бегу Артос.

— Разорвёт и слопает, — прохрипел Ромка.

— Зато вы спасётесь, — ответил гордый Артос.

— Наддай! — крикнул Ромка. — Нам кто-то подмигивает. Скорей!

Железный друг

В самом деле. Впереди вспыхнул круглый глаз. Подмигнул. И погас. Потом снова подмигнул. И беглецы услышали странный скрипучий голос:

— Поднажмите, малыши.

Это говорил Самосвал. Он стоял на обочине дороги, подмигивая, подсвечивая большим круглым глазом.

— Правая дверка кабины открыта. Прыгайте в неё с разбегу.

Ромка подтолкнул в кабину Фомку. Пропустил туда Артоса. Потом и сам юркнул, захлопнув дверку перед самым носом Клык-Клыка Грумбумбеса.

— Выходи! — заревел тот. — Вылезай! Всё равно не спасётесь! — И давай хлестать по кабине крючковатым хвостом, царапать её острыми длинными когтями.

Тут вспыхнули огромные глаза Самосвала. Клык-Клык Грумбумбес зажмурился от яркого света. Отскочил. Завопил:

— Гаси свои глаза, железная коза! Притащу дубину — перебью хребтину! Поломаю, сокрушу! А щенят передешу!

Клык-Клык Грумбумбес бросился искать дубину.

— Кто из вас самый сильный? — послы-

шался негромкий скрежещущий голос Самосвала. — Садись за руль.

Ухватился Ромка за руль. Чуть не лопнул от натуги. Но повернуть не смог.

— Пусти-ка, — попросил Фомка.

И хвостом, и лапами, и зубами вцепился он в руль. Но даже не сшевелил его.

И Артос напрасно тужился. И он не осилил.

— А вы все вместе, — посоветовал Самосвал.

Вцепились все трое, и руль наконец-то шевельнулся.

— Теперь слушайте внимательно, исполняйте старательно. Ключик на щитке найдите и скорее поверните.

Нашарил Ромка ключик. Повернул. В кабине вспыхнула лампочка и стало светло.

— Нажмите правую педаль, — командовал Самосвал. — Сильней.

Три лапы упёрлись в педаль. Три друга нажали изо всех сил.

Что-то фыркнуло. Что-то хрустнуло. Что-то затрещало. И загудел мотор.

Тут с дубиной Клык-Клык Грумбумбес на дорогу выскочил. Прицелился. Примерился. Развернулся. Замахнулся.

— Рычаг на себя, — торопливо проскрежетал Самосвал.

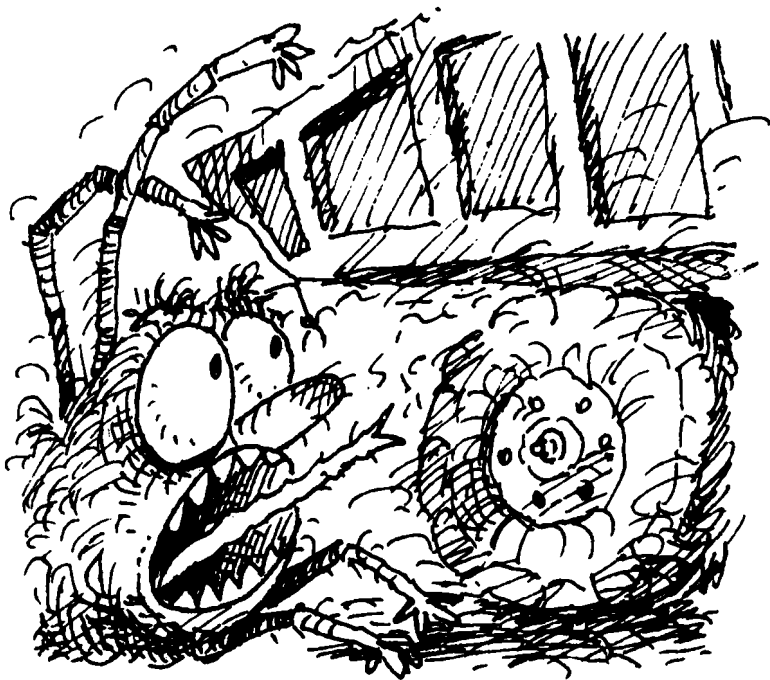
Рванули друзья рычаг. Самосвал скакнул, едва не подмяв Клык-Клыка Грумбумбеса.

Тот выронил дубину. Пугливо выгнул спину. Подобрал ноги. И прочь с дороги.

А Самосвал, фыркнув весело и задорно, покатил вперёд.

— Врёшь! — завопил Клык-Клык Грумбумбес. — Не уйдёшь! — И припустил за Самосвалом.

— Ну уж дудки, — тихонько засмеялся Самосвал. — Толкните-ка вперёд рычаг. Вот так.

И понёсся Самосвал так быстро, что Клык-Клык Грумбумбес сразу отстал. А Самосвал катил да командовал:

— Выбоина на дороге. На тормоз ноги.

— Слева канава. Руль вправо.

Промелькнула окраина города. Дорога стала прямой и ровной. С обеих сторон к ней подступали хлебные поля. Вдали стеною чернел лес.

— Почему вас Самосвалом называют? — спросил Ромка.

— А вот почему... — начал Самосвал и, приглушив голос, монотонно и негромко пропел:

Мой кузов крепче, чем броня,
Просторный, будто дом.
Грузи что хочешь на меня —
Всё нипочём.
Свой груз домчу быстрее коня,
Свалю — за пять минут.
Вот Самосвалом-то меня
За это и зовут...

Песенка так понравилась Ромке, Фомке и Артосу, что они вместе с Самосвалом спели её ещё раз.

Но вот Самосвал попросил Ромку снова повернуть ключик. И тут же мотор заглох. И Самосвал остановился.

— Устал я, — сказал он, тяжело и жарко дыша. — Далеко уехали от города. Пока найдут меня здесь да назад приведут... Переволнуется хозяин...

За окном кабины плескалась густая чёрная ночь. Красными крохотными светлячками горели в небе далёкие звёзды. Неодолимой мрачной стеной стоял при дороге дремучий лес.

Огромные глаза самосвала струили яркий свет. На него отовсюду летели бабочки, жучки, ночные птицы.

— Куда путь держите? — спросил Самосвал.

— На Самотлор, — ответил Ромка.

— На Самотлор?! — изумился Самосвал. — Хо-хо! Зачем вам туда?

Перебивая друг друга, они рассказали о Ромкиных злоключениях.

Вздохнул Самосвал раз, вздохнул второй. И промолвил:

— Раз надумали — идите. Да по сторонам глядите. Друг от друга — ни на шаг. Вместе вам не страшен враг.

— Спасибо, Самосвал, — сказал растроганно Ромка. — Будем делать, как вы посоветовали.

А Самосвал снова глубоко-глубоко вздохнул и опять заговорил:

— Всё равно на своих лапах вам не добратся. Никому не дойти до Самотлора без помощи моих винтокрылых, гусеничных и колёсных братьев. Их видимо-невидимо. Как встретите любого, шепните ему волшебные слова, и он вам непременно поможет.

— Какие слова? — нетерпеливо проворчал Фомка.

— А вот какие. Слушайте и запоминайте: «Властелин любой дороги, ты один пройдёшь везде. Я — твой брат четвероногий. Не покинь меня в беде».

— И всё? — засомневался Артос.

— И всё, — подтвердил Самосвал. — Теперь ступайте вот этой тропкой через лес. За ним будет широкая дорога. На ней вы обязательно встретите кого-нибудь из моих братьев.

— Спасибо, — Ромка Ромазан поклонился Самосвалу так низко, что бородой земли коснулся.

Потом он встряхнулся. К друзьям повернулся. Хвост поднял трубой. И крикнул:

— За мной!

Древний ворон Каррыкарр

В ночном лесу было темно, прохладно и тихо. Деревья, листья, трава и даже воздух — всё казалось чёрным.

Притихли, насторожились друзья.

Ромка нюхал.

Фомка слушал.

Артос глазел по сторонам...

— Кто-то, кажется, плачет, — прошептал Ромка, сделав стойку.

— Похоже, ветер, — пробормотал Фомка, свивая хвост вопросительным знаком.

— Нет, — решительно высказался Артос, — никакой не ветер. Кто-то маленький. И несчастный. Слышите?

Теперь все услышали тонкий жалобный плач. То ли маму потерял зайчонок. То ли выпал из гнезда бельчонок. То ли кроха бурундук поранился о сук. Угадай-ка, кто и где? Ясно лишь — малыш в беде.

А рассвет только-только начинался. Едва видны мохнатые смолистые стволы великанов кедров, чёрно-синие колкие лапы угрюмых елей, крохотные сосёнки по колено в позолоченном мху. Тут небось любая коряга чудовищем кажется! И взрослому страшно. А каково маленькому?

Снова долетел тягучий жалобный плач. Ромка кинулся на голос, следом — Артос с Фомкой.

Шиповник шипами впивался в бока им. Боярка колючками больно кололась. А лапы царапала злая осока. И сучья, как пики, торчали повсюду.

Исхлёстаный, поцарапанный, задохнувшийся Ромка остановился перевести дух.

— Где-то здесь, — выговорил он, вытряхивая хвою из бороды.

— В-роде, — пророкотал Артос, выдирая из лап колючки.

— Наверное, — буркнул Фомка, снимая репы с длинного хвоста.

И снова тишину прорезал плач. Такой жалобный и призывный, что друзья, позабыв

об ушибах, занозах и царапинах, опять ринулись было в чашу.

Но тут под самым Ромкиным носом вынырнул Гриб Боровик и еле слышно пискнул:

— Стойте.

И Тонкая Берёзка склонилась над ним. Тихо тихо прошелестела:

— Стойте... Стойте...

— Стойте! — пророкотал Древний Кедр.

И разом весь лес ахнул:

— Стойте!

Ромка с ходу — кувырком. На него — Артос верхом. А в Артоса — Фомка носом.

— Ах!

— Ох!

— Ой!

А у них над головой... Что-то затрещало. Что-то падать стало. Не успел Ромка сообразить, что бы это значило, как перед его носом шлёпнулась в мох какая-то птица.

Огромная и чёрная, как смольё. Тяжёлые, словно из чугуна отлитые, крылья тускло блестя. Крючком загнутый клюв казался откованным из чёрной стали. И глаза у чёрной птицы были тоже чёрными с жёлтыми горящими зрачками.

— Кт-то в-вы? — переполошился Ромка.

Медленно поднялась чёрная морщинистая лапа. С металлическим хрустом разомкнулся стальной клюв. И друзья услышали:

Я — Древний Воррон Каррыкарр.
Карр!
Мне трриста лет. Я очень старр.
Карр!
Зверрям больным и хилым в дарр.
Карр!
Варрю целебный я отварр.
Карр!
А злых настигнет мой ударр.
Карр!
Карр!
Карр!

И деревья, и птицы, и травы, и цветы — все замерли, пока пел Каррыкарр.

— Куда вы стрремитесь? — строго спросил Каррыкарр.

— «Куда-куда», — передразнил ворчун Фомка. — Не слышали разве: малыш плачет.

— Кха-ха-ха! — засмеялся Каррыкарр. — Кррасиво рразыграл вас Клык-Клык Гррумбумбес. Не зрря он владыка сонного царрства Спиешпей...

Хотел Ромка спросить: почему страшила Клык-Клык Грумбумбес — владыка? И что это за сонное царство? Да не посмел перебивать Каррыкарра.

Но когда тот сказал:

— Здесь же не паррк. Не скверр. Тайга... Ромка рассердился и огрызнулся:

— Видим, что тайга, и что?

— Бррысь, кррасивый и глупый щенок! —

грозно прокаркал Каррыкарр. — Любой тррухля-
вый Мухоморр мудрее вас трроих...

Артос набычил голову, оскалил клыки и хо-
тел цапнуть обидчика Каррыкарра за крыло. Но

крохотная Бабочка села Артосу на нос и еле-
внятно пропищала:

— Слушай старого Каррыкарра. Он всех
мудрей. Он всё знает.

А Каррыкарр, важно расхаживая перед растерянными друзьями, заговорил сердито и назидательно:

— Тайга — огрромный, дрревний лес. Порядки здесь дрругие. Законы стрроги... Клык-Клык Грумбумбес мстит вам за спасённых порросят. Хоррошо ещё, что за грраницами своего царрства он не имеет колдовской силы. Но и хитррости у него больше, чем у вас трроих.

— Как сказать, — встопорщился Артос.

— Не храбррись! — прикрикнул на него Каррыкарр. — Это не малыш плачет, а Клык-Клык Грумбумбес крричит. Прритворряется, заманивая вас в дебрри. Вы поверрили, потерряли трропу и теперрь не найдёте дорроги через лес...

— С моим-то нюхом! — вскочил обиженный Ромка.

— С моим-то слухом, — буркнул рассерженный Фомка.

— С моим-то зреньем! — рокотнул разгневанный Артос.

— Тогда сррочно обрратно! — прокаркал Каррыкарр. — Быстрро! Придёте на трропу — и ррысью, аллюрром. — Вдруг голос у Каррыкарра сник, и он уныло выговорил: — Только от крровожадного, коваррного Клык-Клыка Гррумбумбеса вам не удррать. Он пррячется где-то ррядом. Всё рравно нас-стигнет. Ррастерзает...

— Что же нам теперь? — растерянно спросил Фомка, свивая вопросительным знаком длинный хвост.

— Как же мы? — забеспокоился и Ромка.

— Срочно разыщите хитрого Красного Лиса, — посоветовал Каррыкарр. — Кроме него, не выручит никто. Скорее. Скорее...

— Бегите, — зашумели кедры. И ели. И сосны. И осины.

— Бегите, — зашелестели травы и цветы.

— Бегите! Бегите! — разом крикнули птицы и звери.

И друзья напролом через чащу бегом. К потерянной тропе. По болоту, по траве. По колючим кустам. А за ними по пятам скачет Клык-Клык Грумбумбес. И вопит на весь лес:

— Не спасётесь! Не уйдёте! Все мне в зубы попадёте.

И в самом деле Клык-Клык Грумбумбес быстро нагонял друзей.

И хоть перед псами кусты раздвигались, и травы сгибались, и прятал шиповник шипы, и хоронила острое жало злая крапива — всё равно друзья выдохлись, притомились и бежали всё медленнее..

Красный Лис

Он был красный, будто пламя. От ушей до самых пят полыхал он, как закат.

Его знал весь лес, потому что другого такого Красного Лиса не было больше в тайге.

У него высокий рост. Огненный пушистый хвост. Коготок и зуб остёр. Он и весел, и хитёр.

Как факел носился Красный Лис по лесу, и всем было видно его издалека.

И охотнику.

И зверю недоброму.

И птице хищной.

А уж зимой и подавно негде было укрыться, негде спрятаться Лису от вражьих глаз.

Таёжный Властелин не раз предлагал Красному Лису сменить огненную шубку на серую или на зелёную, чтоб неприметным стать.

— Нет,— отвечал гордый Лис,— не хочу. Ни таиться, ни прятаться.

Его все птицы, звери знали и очень-очень уважали.

За храбрость и мудрость.

За ловкость и хитрость.

За доброту. За красоту.

В это утро Красный Лис сидел в малиннике и лакомился спелой душистой малиной.

Возьмёт ягоду в рот и сосёт, причмокивая и блаженно щурясь.

Вдруг донёлся протяжный жуткий вой и грозное рычание.

Вытянул шею Красный Лис. Навострил уши. Раздул ноздри. Раскрыл глаза во всю ширь и замер. «Не иначе Клык-Клык Грумбумбес за кем-то гонится. Интересно, за кем?»

Ещё сильнее напрягся Красный Лис, весь обратился в слух и наконец уловил отдалённый топот, надсадное, тяжёлое дыхание.

Сорвался с места Красный Лис, саженными скачками кинулся наперерез бегущим.

— Костёр! — вскричал Ромка, увидев огненный хвост Красного Лиса. — Скорей к огню!

— Пожар! — завопил Фомка. — Назад! Сгорим!

— Солнышко в лес скатилось, — изумился Артос.

Красный Лис и впрямь как огненный шар выкатился из-за куста и встал на пути, играя пышным пламенеющим хвостом.

— Собаки, — изумился он.

— Ты... ты... Красный Лис? — еле выговорил загнанный, перепуганный Фомка. — А почему ты красный? Ты не опасный?

— Пусть-ка тронет! — Артос задиристо выгнул тощую спину.

Глянул на него Красный Лис и рассмеялся.

— Ты смеёшься надо мной? Выходи на честный бой! — запальчиво крикнул Артос, показывая большие острые клыки.

— Погоди,— одёрнул его Ромка.— Чего задираешься? Забыл, что говорил Каррыкарр?

— На всех ворон со всех сторон чихаю и плюю! — распалился не на шутку Артос и небрежно сплюнул сквозь зубы.

— Каррыкарр — наш друг, а ты? — загневался Ромка. Поворотился к Красному Лису, поклонился: — Прости его. Он просто задира.

В этот миг совсем близко послышалось злобное урчание Клык-Клыка Грумбумбеса.

Задрожали листья на берёзах. Посыпались

шишки с кедров. Полетела хвоя с ёлок. В мох попрятались грибы. В траве укрылись ягоды. Птицы смолкли. Муравьишки забились в норки. Попрыгали в дупла бурундучки и белки.

Откуда-то сверху донёлся предостерегающий вскрик Каррыкарра:

— Беррегись!!!

— Некуда деваться — придётся драться! — Ромка повернулся в ту сторону, откуда долетал вой Клык-Клыка Грумбумбеса.

— Что за вопрос? Пусть сунет нос! — Грозно ощерясь, Артос встал рядом.

— Так и быть, придётся бить, — проворчал Фомка, становясь подле Артоса.

Храбрые, дружные псы так понравились Красному Лису, что он, не сказав им ни слова, встал на задние лапы и заметался, заскакал вокруг. Как набатный колокол, зазвенел над притихшей тайгой необыкновенно сильный, гулкий голос:

— Слушай меня, дремучий лес! Звери и птицы!.. Деревья и травы!... Слушайте!.. Слушайте!.. Слушайте все!..

Словно косматое жаркое пламя, метался меж деревьев Красный Лис. Всё быстрее и быстрее перелетал с места на место этот живой клубок огня. И скоро стало казаться, что лес вокруг охвачен пожаром. В немой зелёной тишине далеко-далеко был слышен трубный сигнальный клич:

— Злой и коварный Клык-Клык Грумбумбес снова ворвался в наш мирный лес! Надо его проучить. Маленьких псов защитить! Слышите? Проучить! Слышите? Защитить!

— Защитим! — грозно и дружно пророкотали могучие великаны кедры.

— Проучим! — разом выдохнули колючие ели.

— Отстоим малышей, — негромко, но внятно произнесли берёзы.

— В об-биду н-не д-дадим! Н-не д-дадим! Н-не д-дадим! — будто морской прибой, зашеле-стели высокие травы.

И тут над ощетинившимся лесом повис протяжный и резкий крик Каррыкарра:

— Карр! Трревога! Карр! Трревога! Злой Клык-Клык Гррумбумбес нарушил древние законы тайги. Прроучить злодея!

— Ну, теперь держись, Грумбумбес! Стал твоим врагом весь лес! — Красный Лис пригрозил в сторону, откуда ждал Клык-Клыка Грумбумбеса.

Проучили

А двенадцатиногий, мохнатый, когтистый и зубастый Клык-Клык Грумбумбес был совсем рядом. Он всё слышал, но не только не приостановился, а даже не замедлил бега.

Клык-Клык Грумбумбес был страшно зол на Ромку, Фомку и Артоса за то, что те не дали ему полакомиться поросятинкой, заставили целую ночь скакать за Самосвалом, ускользнули из ловушки.

Широкие, жадные ноздри Клык-Клыка Грумбумбеса уже чужали добычу. Горящие злобой глаза видели её. Из оскаленной клыкастой пасти текла голодная слюна.

Вот он увидел ощетилившихся, изготовившихся к схватке друзей и забормотал сквозь зубы:

— Двенадцать лап, пятьсот зубов, хватайте, рвите и грызите. Не жалеете, не щадите.

Пробормотав так, Клык-Клык Грумбумбес раскогтил все двенадцать лап, взъерошил, встопорщил длинную шерсть на спине, оскалил все пятьсот зубов да как прыгнет.

А Белая Берёза согнулась дугой, и Грумбумбес — об неё головой. Так треснулся лбом — из глаз искры столбом. В ушах — звон.

Очухался Клык-Клык Грумбумбес. Выпучил и без того огромные злые глазищи на Белую Берёзу. Стоит та прямёхонькая, не качается.

«С чего это меня на неё кинуло?» — ничего не понял он. Попятился. Подобрался. Разбежался. И снова прыгнул.

И тут же перед ним легли две ёлки. И Грумбумбес с разгону — в иголки. Взвыл от боли. Ошалел. На три метра отлетел.

Протёр глаза, а добычи уже не видно. Ни шагов, ни голосов не слышно.

«Это Каррыкарр колдует, — решил Клык-Клык Грумбумбес. — Загнать бы этих щенков в моё сонное царство Спиешпей. Я бы их... погоди, Каррыкарр. Я тебя перехитрю».

Опасливо озираясь, Клык-Клык Грумбумбес медленно затрусил по собачьим следам. Никто больше не трогал, не задевал разбойника. Он побежал быстрее. Потом заскакал на своих двенадцати ногах так, что в ушах засвистело, в глазах зарябило. И скоро услышал Фомкину

воркотню, увидел огненный хвост Красного Лиса.

— Нагнал! — обрадованно прорычал Клык-Клык Грумбумбес.

Вдруг что-то больно тукнуло его между глаз. Споткнулся он — и носом в сук. А по затылку снова — тук. Злодей от злости ошалел. Разинул пасть и заревел:

— Кто там ещё? Я вас сейчас!..

Тут в его разинутую острозубую пасть большая кедровая шишка влетела...

Клык-Клык Грумбумбес крякнул, будто квакнул. Смолистая ребристая кедровая шишка скользнула ему в горло да и застряла там. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. И рта не закрыть.

Это Белка метнула шишку прямо в жадную пасть.

— Вот так и сиди с разинутым ртом, — сказала Белка, — пока малыши не убегут в другой лес.

— Ха... А-а... Гы... Мы... — неслись непонятные звуки из пасти Клык-Клыка Грумбумбеса.

Тут ему в крючковатый хвост Муравьишка впился.

В нос Оса ужалила.

Подпрыгнул Клык-Клык Грумбумбес. И на дерево полез. Лезет, дерево качает. Что есть мочи завывает:

— О-о-о-у-у! У-у-о-о!

А на него со всех сторон вдруг налетели

сто ворон. И ну долбить, и ну щипать. И в хвост, и в нос, и в бок клевать.

Сорвался Клык-Клык Грумбумбес с дерева. Лежит на спине, двенадцатью лапами взбрыкивает. И всхлипывает, и вскрикивает.

А Каррыкарр сидел на пне и каркал:

— Так его, разбойника! Прроучить наррушителя!

Тут Грумбумбес так заголосил, что шишку проглотил.

— Н-ну, теперь!.. Н-ну, я ж т-тебя! — зарычал он и кинулся на Каррыкарра.

Да вдруг прямо перед собой увидел угрожающе нацеленные лосиные рога.

Метнулся Клык-Клык Грумбумбес влево, а там барсуки оскалились.

Бросился вправо, а тут кабаны зубы сверкают.

Кинулся назад.

А вслед ему со всех сторон:

— Вон!!!

Три плюс два

— **С**топ! — скомандовал Красный Лис. И все с разбегу — носом вниз!

Лежали и молчали, тяжело дышали.

Первым, как всегда, заговорил Ромка:

— Фух! Ловко мы провели Клык-Клыка Грумбумбеса.

— Жаль, удалось ему укрыться. Не пришлось нам с ним сразиться! — пророкотал Артос.

— Чего уж там сразиться! И так в глазах двоится, — проворчал Фомка, сиюсь свернуть восьмёркой хвост.

Вскочил Ромка. И громко-громко:

— Спасибо, Красный Лис, за выручку!

— Пустяки, — отмахнулся тот пышным огненным хвостом. — Сила в нас невелика. Чтоб отбиться от врага. Что нам надо? Вместе быть!

— Нас тогда не победить! — воскликнул Ромка.

— Правильно, — Красный Лис взмахнул огненным хвостом. — Так держать! И вскоре вы будете на Самотлоре.

— А я не знаю до сих пор, что такое Самотлор, — высказался Фомка, сделав хвост вопрошительным знаком.

— Это круглое озеро, — пояснил Красный Лис. — Под ним, глубоко-глубоко в земле, есть огромная каменная пещера, наполненная нефтью. Люди в потолке пещеры дыры сверлят. В них трубы вставляют. По тем трубам нефть из-под земли куда надо — туда и потечёт.

— Зачем она людям? — спросил Артос.

— Кто их знает? — почесал за ухом Красный Лис.

Тут Ромка вспомнил, что слышал о нефти от Степана Ивановича, и закричал:

— Я знаю! Я слышал! Без нефти автомобили не ходят. Самолёты и ракеты не летят.

— Да ну! — удивился даже Красный Лис.

— Пойдём и ты с нами. — Ромка положил голову на красную спину.

— Будем неразлучными, — Артос притопнул лапой.

— Всегда рады, — буркнул Фомка приветливо и помахал длинным гибким хвостом.

— Нельзя, — ответил Красный Лис. — Кто же со стариком Каррыкарром будет охранять в лесу порядок? В эту пору в каждом гнезде, в каждом дупле — малыши. Их надо охранять. Клык-Клык Грумбумбес только и ждёт, кого бы сцапать.

— Как же ты его не боишься? — восторженно спросил Фомка.

Красный Лис гордо выпятил широкую сильную грудь. Вскинул красивую лобастую голову. Распушил, распустил по ветру огненно-красный хвостище и пропел:

Я — Красный Лис,
Я — из огня,
Пылаю, как костёр.
Глаз — очень зорок у меня,
Слух — очень тонок у меня,
И коготь мой — остёр.
Я — Красный Лис.
Я — из огня.

Я — всюду на виду.
Попал в беду — зови меня,
Обидели — покличь меня,
И я к тебе приду.

— Согласен другом быть твоим и за тобой — в огонь и в дым! — откликнулся сразу Артос, протягивая Красному Лису тощую лапу.

— И я такому другу рад. И я люблю тебя, как брат, — растроганно пробормотал Фомка, обвивая своим длинным хвостом огненный хвостик Красного Лиса.

— Недавно мы друзьями стали, но крепость дружбы испытали. Теперь готовы за тобой идти на Грумбумбеса в бой! — воскликнул Ромка, обнимая Красного Лиса.

Послышался странный тревожный шум: бум-бум-бум. Будто железо с железом сбивали. Будто чугунные цепи качали.

— А-а, — улыбнулся Красный Лис, — Каррыкарр летит.

Да, это скрипели старые чёрные крылья Каррыкарра. Звенели его длинные смоляные перья.

Древний Ворон присел на траву под самым Ромкиным носом. Вид у Каррыкарра был недовольный.

Это сразу все заметили, и Фомка, сделав хвост вопросительным знаком, спросил:

— Что свершилось-приключилось? Иль опять беда случилась?

Подпрыгнул Каррыкарр, замахал крыльями, и такой шум поднялся, будто десять дюжих кузнецов разом грохнули о наковальни тяжёлыми стальными кувалдами.

С громким хрустом разомкнулся огромный крючковатый клюв.

— Карр! Я ррад, что прроучил рразбойника добррый храбрый Кррасный Лис!

— По совету и с помощью мудрого Каррыкарра, — почтительно сказал Красный Лис.

— Теперь мы с Красным Лисом — друзья навек! — выпалил Ромка.

— Мы цену дружбы знаем. Не подведём, — воркотнул Фомка.

— Мы за друга без оглядки — в бой любой, в любые схватки! — гаркнул Артос.

— Я очень рад друзьям таким, — сказал Красный Лис, крепко пожимая лапы Фомке, Ромке и Артосу.

— Я тоже ррад. Я очень ррад. И ррасцелую всех подрряд, — необычно растроганно и мягко прокаркал Каррыкарр. Легонько ткнулся клювом сперва в нос Ромке, потом в нос Фомке, потом в нос Артосу. — Хочу и я быть вашим другом.

— Ур-р-ра! Ур-р-ра! — грянули разом псы. — Теперь нас три плюс два!

И начали было свою любимую пляску — рок-кувырок, да Каррыкарр вдруг нахмурился. Ключнул сердито мох под ногами. И мед-

ленно, жёстким, скрипучим голосом заговорил:

— Порра рраставаться. Клык-Клык Гррум-бумбес обид не прощает, добычи не бросает. Уходите-ка быстрее. Ррядом рречка. Борр за ней...

— Смотрите, поплывёте через реку — к острову не приставайте. Там заколдованное царство Спиешней. Туда попал — пропал,— вставил Красный Лис.

— Трри рреки перреплывёте. Трри рравнины

перрейдете. В торрфяном рржавом болоте Чёрный Самотлорр найдёте.

— А в беду попадёте,— подхватил Красный Лис,— шепните о том любому деревцу, травинке любой. От стебелька к стебельку, от листка к листку, от ветки к ветке дойдёт ваше слово до нас, и мы примчимся на выручку. Только острова бойтесь...

— Почему? — нетерпеливо перебил Артос.

— Там владения коварного Клык-Клыка Грумбумбеса. На своём острове, в своём царстве Спиешьпей, он всесилен и непобедим. Из его заколдованного царства ни одна весть до берега не доходит. Там много пропало наших братьев.

Хотел было Ромка поподробней расспросить Красного Лиса и Каррыкарра об этом таинственном и страшном острове и о непонятном царстве Спиешьпей, да Красный Лис вдруг встрепенулся, напряжённо вслушиваясь, оглядываясь по сторонам.

И Каррыкарр засверкал огромными чёрными глазищами.

Ромка пал на землю, прижался к ней, вытянулся в струну и замер, принюхиваясь, прислушиваясь, приглядываясь.

— Слышу! Чьи-то когти землю скребут,— сказал Ромка.

— Это значит — Клык-Клык Грумбумбес скачет,— пояснил Красный Лис.— В добрый

путь, малыши. Счастья вам — от души. Наш совет не забывайте. О себе напоминайте.

— Догонит нас Клык-Клык Грумбумбес. У него же целых двенадцать ног, — сокрушённо выговорил Фомка.

— Мы его здесь подождём и как надо припугнём, — успокоил Красный Лис.

— Припугнём! — подхватил Каррыкарр. — Прощайте.

Взмахнул Каррыкарр чёрными, будто железными, крыльями и улетел.

И Красный Лис стал прощаться.

Сперва с Ромкой.

Потом с Фомкой. —

Потом с Артосом.

Каждого похлопал по бокам огненным пышным хвостиком.

Каждого в нос лизнул.

Каждому лапу пожал.

И на прощанье сказал:

— Запомню ваши я слова. Теперь нас стало три плюс два.

Длиннохвостые хвостатики

Вот и добрались друзья до реки.

Она была широкая-преширокая. Глубокая-преглубокая. И очень быстрая.

Ромка распушил усы:

— Сейчас бы ломтик колбасы.

Почесал Артос макушку:

— Хоть бы хлебушка горбушку.

Фомка сделал хвост кольцом:

— Лучше б каши с молоком.

— Хватить ныть. Переплывём — поедим и отдохнём, — решительно заявил Ромка, как будто и не сам первым начал разговор о колбасе.

— Пока туда переберёшься — четыре раза захлебнёшься, — не унимался Фомка.

Но Ромка не ответил ворчуну. Подошёл Ромка к береговой кромке. Понюхал мутную воду. Подул на неё. Даже лизнул. Подумал: «Вода как вода. И мокрая. И студёная. И не сладкая. Не солёная».

Сунул в воду лапу — не достал до дна.

Сунул другую — тоже не дотянулся.

Шагнул с берега в реку и сразу окунулся с головой. Вынырнул, крикнул:

— Тут глубоко! Прыгайте сразу, и поплыли!

Прыгнули Артос с Фомкой. Поравнялись с Ромкой. И поплыли к другому, далёкому, еле видимому берегу.

Их сразу подхватило сильное течение. Чем ближе к середине реки, тем оно становилось стремительней и неодолимей.

Отчаянно забарабанил по воде лапами Артос. Забулькал, забултыхался, пуская пузыри, Фомка.

— Спокойней! — подал голос Ромка. — Так мы выдохнемся, и река нас проглотит. Пусть течение тащит, а мы станем хвостами рулить, к тому берегу править. Смотрите, как это делается.

Опустил хвост в воду. Повернул им направо. И течение потащило Ромку влево. Повернул хвост влево, и тут же течение поволокло его вправо.

— Поняли? Это меня Степан Иванович научил, когда мы на Туру купаться ходили.

— Ах, как хитро! Ах, как ловко! Впрямь везде нужна сноровка! — ликовал Фомка.

— Да с таким хвостом, как твой, можно управлять баржой, — подтрунил Артос.

— А что? Я могу. Я... Ай! Сюда! Спасите! Помогите! Тону!

И в самом деле: из воды видны были только Фомкины ноздри, из которых вылетали водяные пузыри да брызги.

Подхватили друзья Фомку с двух сторон. А он и их за собой под воду потянул.

— Да это... — еле выговорил Ромка и нырнул.

Забурлила вода. Запузырилась. Закипела. Пошли по ней круги. Покатались волны. И вынырнул Ромка со Щукой в зубах. А во рту у Щуки кончик Фомкиного хвоста торчит.

Щука извивается, плюётся и ругается:

— Отпусти меня, нахал! Я же думала, что угорь. А это собачий хвост. Тьфу!

Ромка выпустил Щуку. Но та долго ещё плыла рядом и возмущённо кричала:

— Распустили хвосты. На три версты. Длиннохвостые хвостатики! Усатики и волосатики! За хвосты бы вас связать. К дну речному привязать. Наперёд чтоб знали. Хвостов не выпускали...

И ещё что-то выкрикивала.

Ругалась и грозила.

Но друзья её не слушали. Не до Щуки им было.

Хоть и удавалось им рулить хвостами к противоположному берегу и тот медленно, но всё-таки приближался, однако течение сносило их вниз.

Ромка, Фомка и Артос гребли из последних сил. А течение тащило и тащило псов в сторону.

Вот их донесло до крутого поворота русла. Вынесло за поворот.

А там...

Спиешьпей

Сразу за поворотом показался махонький островок, густо, словно щетиной, поросший какой-то странной растительностью. С виду она походила на обыкновенные деревья, только уж очень низенькие и, на удивление, разлапистые.

А листья на тех деревцах не зелёные, а синие, белые, чёрные и даже красные.

И что уж вовсе поразило друзей... Так это то, что на деревцах-карликах росли... Думаете, яблоки и груши? Нет. И не ягоды. И не орехи. А сосиски да сардельки. Пряники да конфеты. Пирожки. Пельмени. Булочки. И даже мороженое — пломбир и эскимо — болталось на ветках.

— Вот это да! — ахнул Артос. — Как в сказке. Срывай и ешь.

— Хочу мороженого, — захныкал Фомка. — Могу я раз в жизни досыта поесть мороженого?

— А мне бы пару пирожков, — бормотнул, облизываясь, голодный Ромка.

— Подплывём. Передохнём. Перекусим что-нибудь. И дальше в путь, — предложил Артос.

— А если это как раз тот самый остров? И то царство Спиешьпей, где владычествует Клык-Клык Грумбумбес? Тогда как? — забеспокоился Ромка.

— Чепуха, — проямлил Фомка. — Волшебники, призраки, Кащей — это бабкины сказки. Мы давно уже не щенки, чтоб верить сказкам.

— Да и было бы тут такое царство, — поддержал друга Артос, — оно бы наверняка охранялось.

— Факт! — обрадованно подхватил Фомка. — А тут — никого. Не видно. Не слышно. По-моему, на всём острове — ни души. Честное слово! Иначе бы там давно всё слопали.

— Нет! Нет! И нет! — решительно и неколенимо заявил Ромка. — Чую я, тут и есть то самое Спиешьпей. Вспомните, что о нём говорили Красный Лис и Каррыкарр.

— Пусть даже так, — сказал Артос. — И что же, станем вешать нос? Да чтобы мы втроём пропали? Откуда хочешь не удрали? Чтоб мы обманутыми были? Чтоб нас троих перехитрили? Такого не бывало сроду.

— И не будет,— добавил Фомка.

— Это верно,— поддакнул Ромка.

— А если тут в самом деле сказочное царство, разве не интересно побывать в нём? — спросил Фомка.— Все тюменские собаки от зависти лопнут, когда мы им расскажем...

— Тоже верно,— опять поддакнул Ромка.

— Тогда решается всё просто! Тогда вперёд! На этот остров! — задорно крикнул Артос.

И вот они на острове.

Трава под ногами была мягкой-премягкой и белой-пребелой. Белей и мягче ваты. Белей и мягче лебяжьего пуха. Хотелось упасть на эту белую пушистую траву и не подыматься. Наверное, так бы и сделали друзья, если б не голод.

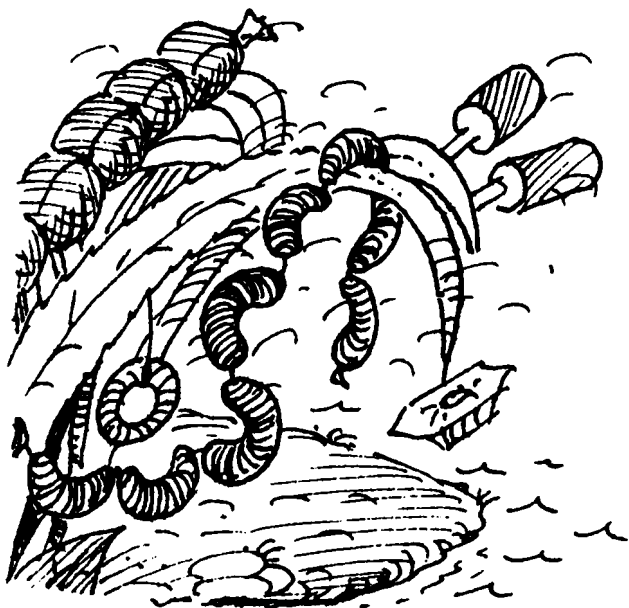
В крохотном озерке плавали небольшие голубые рыбки. Фомка лапой поддел одну и ахнул. Рыбка оказалась жареной. Суй в рот и жуй.

Рядом с озерком подымалась невысокая зелёная скала. Ткнулся в неё носом Ромка, а скала-то, оказывается, леденцовая. Вся как преогромная конфетина. И душистая, и сладкая. Лижи, грызи сколько хочешь.

У подножия леденцовой скалы крохотный красненький родничок журчал.

Понюхал Фомка и зажмурился от удовольствия. В родничке была не крашенная водичка, а настоящий малиновый сироп.

А с веток отовсюду свисали сосиски варёные, окорока копчёные, пирожки слоёные.

Расселись друзья у подножия леденцовой скалы, у малинового родничка, и принялись завтракать.

Всего отведали.

Всего попробовали.

Так наелись-напились — ни повернуться, нидохнуть. Куда уж там плыть дальше!

И, сами того не желая и не приметив как, все трое повалились на пушистую белую траву и крепко-накрепко заснули.

Сладкий плен

Первым проснулся Ромка. Зевнул громко. Хотел потянуться, да не смог шевельнуться. Хотел подняться, да не смог от земли оторваться.

«Что за чепуховина? — подумал сонно Ромка. — Наверное, я ещё не проснулся».

Открыл глаза. Поглядел.

И обомлел.

Все трое были крепко связаны верёвками. А вокруг сгрудились какие-то странные, неведомые существа.

Один был вроде бы чуть-чуть похож на зайца. Уши длинные, глаза косят, а губа раздвоенная. Но ни лап, ни хвоста не видно. Серый круглый шар, к которому прилеплена похожая на заячью голова.

Другой острой мордочкой напоминал белку. Но вместо гибкого беличьего тельца — всё тот же серый шар.

У самой Ромкиной головы заворочался такой же шар с длинным журавлиным клювом...

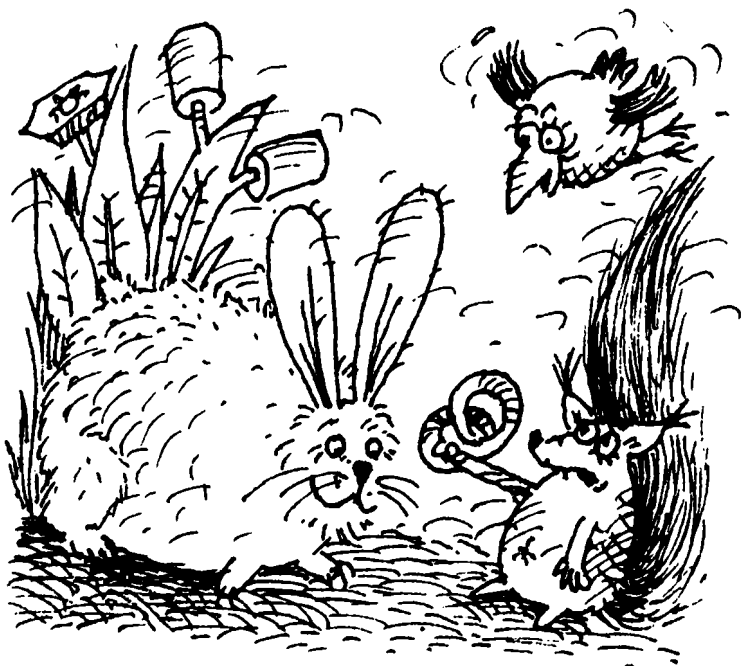
«Это сон», — решил Ромка, закрывая глаза.

Но тут его тихонько окликнул Артос.

И Фомка, оказывается, не спал. Таращился на диковинные шарообразные существа.

— Кто нас связал?! — грозно вскричал Ромка. — Зачем? За что?!

Из-за леденцовой скалы выкатился огромный

пушистый полосатый шар. К нему не было при-
ставлено никакой головы. Он сам походил на
голову. На нём были два жёлтеньких смотря-
щих пупырышка. Под ними — две дырочки и
крохотный разрез. Между дырочками и разре-
зом торчали две длинные не то соломины, не
то проволочки.

Странные колобки на поляне зашевелились,
закачались. Послышался сдавленный шипящий
шёпот:

— Соня Первый Котофеич пожаловал.

— Сам Соня Первый.

— Сам Котофеич.

Соня Первый Котофеич фыркнул негромко. Шевельнул усами-соломинками. И пропищал тоненько и тихо, будто махонький комарик:

— Эй, Ежи-стражники! Развязать!

И сразу как из-под земли вынырнули колючие серые клубки. Это и были Ежи-стражники.

Мигом развязали они верёвки. Ромка, Фомка и Артос поднялись. Растерянно озираясь, потоптались на месте, разминая перетянутые верёвками лапы. Уселись рядышком, не спуская глаз с Сони Первого Котофеича.

Тот снова пошевелил усами-соломинками и по-комариному тонко и тихо запищал:

— Слушайте, что говорю. Дважды я не повторю.

— Слушайте... Слушайте... Слушайте... — угодливо зашептали вокруг.

— Вы в царстве всесильного владыки, колдуна и чародея Клык-Клыка Грумбумбеса. Царство зовётся Спиешпей. Разделите это слово на три части — и всё станет понятным само собой. Спи. Ешь. Пей. Вот это вы и можете здесь делать. Сколько угодно. Когда угодно. И как угодно. Спите. Ешьте. Пейте.

— Не так уж это и страшно, — проворчал взъерошенный Артос.

— И не так плохо, — добавил Фомка.

— А чего в вашем царстве нельзя делать? — спросил Ромка.

— Громко разговаривать, — назидательно, даже угрожающе, запищал Соня Первый Котофеич. — Играть. Петть. Бегать. И вообще что-нибудь делать. Только спи. Только ешь. Только пей. Вот всё, что можно в этом царстве.

— Теперь я понимаю, отчего здесь все такие, — пробормотал Фомка.

— От безделья и обжорства стали они ко-
лобками, — сердито рокотнул Артос, и в глазах у него загорелись воинственные огоньки.

— И вы такими станете, вояки, — насмешливо пропищал Соня Первый Котофеич.

— А если мы не хотим? — вызывающе громко спросил Ромка.

— Тогда будет так, — пискнул Соня Первый.

И тут же Ежи-стражники со всех сторон тесно обступили Ромку. Приставили к нему пики. Попробуй шевельнись.

Только сигнала ждали Ежи-стражники, чтоб разом вонзить в Ромку остро отточенные пики и проколоть его насквозь.

— Не шевелись, — предупредил друга Артос, — иначе твоя шкурка станет дырявей решета.

— Совершенно так. Друг твой не дурак, — лениво промямлил Соня Первый Котофеич. — Хочешь жить? Есть и пить? Будь как все. А не то...

— Превратим в решето! — дружно и яростно, хотя и негромко, выдохнули Ежи-стражники, ещё плотнее прижав к Ромке кончики острых пик.

— Отъедайтесь. Отсыпайтесь. В колобочки превращайтесь. Или выбьем потроха. Всё понятно? Ха-ха-ха...

Заколыхался от смеха Соня Первый Котофеич.

И все шарики вокруг задвигались, зашевелились. Поплыл над полянкой многоголосый сдержанный шипящий хохоток.

«Все равно удерём», — подумал Артос.

Словно угадав его мысль, Соня Первый Котофеич пропищал:

— Не удрал никто от нас. И не удерёт. И не думайте об этом. Мигом изловим, поколотим и...

— В Кактусовую тюрьму! — хором рявкнули Ежи-стражники. — Там погибнете от голода и жажды. Поняли?

— Угу, — свирепо гукнул Артос.

— Ясненько, — проворчал Фомка.

— Понятно, — подтвердил Ромка.

Бунт

Напрасно искали друзья уголок, где громкое слово сказать кто-то мог.

Чуть голос повысил — замри и дрожи. Сейчас же появятся злые ежи.

Однажды Артос тихо песню запел. И стражников взвод на него налетел.

Вмиг искололи беднягу ежи. Так, что остался Артос еле жив.

Скоро друзьям так опостылело, так опротивело распроклятое царство Спиешьпей, что ни есть, ни пить, ни спать они уже не хотели и не могли.

«Хоть бы был тут кто неспящий», — мечтал Ромка, уныло бродя среди карликовых деревьев, увешанных колбасами, сосисками, булочками и прочей снедью да лакомствами.

И всё-таки однажды им встретилась настоящая живая Берёзка. Она росла в самом глухом уголке острова и была тонкая, невысокая и очень грустная.

— Как ты сюда попала? — спросил Ромка, лизнув белый ствол Берёзки.

— Прежде этот остров звали Берёзовым. Здесь росли пятьдесят две мои сестрёнки. А сколько было зайцев! И птиц разных. И бабочек. И кузнечиков. Тогда Соня Первый Котофеич был обыкновенным котом. Здоровенным и рыжим. Сюда его на бревне половодье выкинуло. Тут за ним рысь погналась. Котофеич спрятался от неё на моей верхушке.

— За это он и не тронул тебя? — догадался Ромка.

— Да. Когда Клык-Клык Грумбумбес заколдовал остров в Спиешьпей и Кот стал царём, он сгубил всех моих сестрёнок, а меня пощадил. И зря. Я умираю тут от тоски и всё время плачу.

— Что это за дурацкое царство! — гневно воскликнул Артос, воинственно скаля клыки.

— Тише-тише, — предостерегающе зашептала Берёзка. — Видишь?

Оглянулся Артос и увидел в кустах остроконечные пики Ежей-стражников.

— Непонятно, зачем Клык-Клыку Грумбумбесу этот глупый Спиешьпей? — проворчал Фомка, свёртывая хвост вопросительным знаком.

Вздыхнула Берёзка. Смахнула слёзки. И горестно зашептала:

— Злой волшебник Клык-Клык Грумбумбес — враг всего живого. Он бы давно всех зверей и птиц поел, все леса истребил, да его колдовская сила дальше этого острова не действует.

— Вот и хорошо, — обрадовался Ромка.

— Но Клык-Клык Грумбумбес не зря зовётся злым волшебником. Исхитрился он и вот что придумал... — Берёзка понизила голос и еле слышно зашептала: — Сейчас на острове девятьсот три дармоеда и засони. Когда их станет ровно тысяча — остров треснет. Из трещины подыметя Сонное Дерево. Дунет ветер и сонную пыльцу с дерева понесёт в лес. И сразу всё живое там навсегда уснёт. А сонная пыльца поплывёт дальше. И звери, птицы, деревья, цветы станут засыпать, каменеть. В омертвелых лесах даже муравьишки ни одного не будет...

— Но уж... Это уж... Совсем уж... Никак уж допустить нельзя! — возмутился Ромка.

— Никак! — рыкнул Артос.

— Нельзя! — подхватил Фомка.

— Вам не справиться с Клык-Клыком Грумбумбесом. Только человек это в силах сделать, — сказала Берёзка. — И то не всякий. А лишь добрый, весёлый и честный...

— Есть такой! — подпрыгнул Ромка. — Степан Иванович.

— Где же он? — воспрянула Берёзка.

— Мы к нему идём. Мы его найдём. Грумбумбесов Спиешпей с корнем изведём!

— Соню Первого — пинком. Прямо в речку кувырком! — воскликнул Артос.

— Стражников Ежей потом — тоже в речку колобком, — буркнул Фомка.

— Ну, Клык-Клык Грумбумбес! Ото всех

твоих чудес пыль останется да дым. Станет остров вновь живым! — крикнул Ромка.

Положив лапы на плечи друг дружке, псы, приплясывая, заголосили:

Мы — весёлые собаки
И совсем не забияки.
Между нами ссор и драки
Не бывает никогда.

Со всех сторон, нацелив острые пики, бежали к ним Ежи-стражники.

— Скорей ко мне! — крикнула Берёзка, склонив к земле толстую ветку.

Ромка, Фомка и Артос вцепились в ветку, и Берёзка тут же подняла её высоко-высоко.

Ежи-стражники никак не могли дотянуться пиками до нарушителей спокойствия. А те, болтая лапами, орали на весь остров:

Делим на троих добычу,
Лишь на праздник друга кличем,
А в беде — таков обычай —
Друг приходит сам всегда...

Отовсюду к Берёзке катились жёлтые, серые, чёрные колобки. Пищали на разные голоса:

— Бунт...

— Мятеж...

— Восстание...

Прикатился разгневанный Соня Первый Котофеич. Запищал, заверещал, подпрыгивая:

— Эй, Гадюки! Взять! Связать!

Три огромные Гадюки подползли к Берёзке. Мигом вскарабкались по белому стволу.

Кинулись разом на друзей. Опутали их, оплели своими гибкими, скользкими телами. И сбросили на землю.

Рычал, кусался Артос. Ворчал, царапался Фомка. Ромка отбивался зубами и когтями.

Всё напрасно.

Псам не удалось даже вмятинки оставить на чешуйчатых панцирях Гадюк.

— В Кактусовую тюрьму бунтовщиков! — пропищал Соня Первый Котофеич. — Одумаются. Попросят прощения — может, и смилуюсь. Может, и выпущу. А заупрямятся — пусть пропадают. Ха-ха-ха!

Кактусовая тюрьма

Это был крохотный пятачок. Со всех сторон непроходимо густо обсажен он высоченными кактусами. Шипы у кактусов длинные-предлинные, острые-преострые.

Острей булавок.

Острей иголок.

Острей ножа.

Шипастые кактусы караулили каждое движение пленников.

Чуть кто шевельнётся — в бок острый шип вопьётся.

Если кто вильнёт хвостом — сразу в нём колючек сто.

Лапой двинет невзначай — и занозу получай.

Вот какой была эта Кактусовая тюрьма, в которую бросили Ромку, Фомку и Артоса.

Кругом шипы.

Шипы.

Шипы.

И высоко-высоко недосягаемый кругляшок голубого неба.

Никакой еды. Ни капельки воды.

Ромка хвост опустил. Голову повесил. Примолк. Загрустил. Стал совсем невесел.

Артос дугой согнулся. Носом в землю ткнулся. Не говорит. Не лает. Тяжело вздыхает.

Фомка бубликом свернулся. От друзей он отвернулся. Уши вниз. Глаза закрыл. И сквозь зубы заскулил.

Так они сидели долго.

Очень долго. Слишком долго.

Первым опомнился Ромка.

Поднял хвост трубой. Выгнул шею дугой. Бороду распушил. Усами шевельнул.

— Что, друзья, приуныли? Наше правило забыли? Всюду и везде. При любой беде. Нос и хвост не опускать. Выход из беды искать.

Распрявил спину Артос. Засверкали его глаза. Взбугрились мышцы на груди.

— Ромка прав. Гав! Гав!

Размотал Фомка хвост. Свернул боевой восьмёркой.

— Не страшна и мне беда. Я за Ромкой — хоть куда!

— Теперь тихонько, дружно нашу любимую, — предложил Ромка и первым запел:

Мы — весёлые собаки
И совсем не забияки...

Песня взбудрила друзей. Стали думать они, как из тюрьмы вырваться.

— Надо попросить Берёзку, чтобы весточку о нас передала Каррыкарру и Красному Лису,— предложил Ромка.

— Попробуй докричись до неё,— проворчал Фомка.

— Докричусь. Я кое-что придумал.

Встал Артос. На Артоса Фомка запрыгнул. На Фомку Ромка вскочил. Высунул кончик носа из-за колючей кактусовой стены и увидел Берёзку.

— Как я рада вас видеть,— сказала Берёзка.— Если бы Клык-Клыку Грумбумбесу не надо было набрать в Спиешпей тысячу дармоедов, вас бы сразу убили. Чем я могу вам помочь?

— Передай о нас весточку на берег.

— Нельзя. Живые голоса поднимаются отсюда только в небо.

— Да-да. Нам говорил об этом Красный Лис.

И снова друзья приуныли. Не пели. Не говорили.

— Постой-ка,— встрепенулся Артос.— Помните, как Клык-Клык Грумбумбес хотел подобраться к поросятам?

— Верно,— подхватил Ромка.— Мы тоже ночью сделаем подкоп...

Целую ночь, сменяя друг друга, рыли они подкоп под колючую кактусовую стену.

Рыли тихо. Молча. На этом сонном остро-

ве каждый шорох, каждый вздох гремел как выстрел. К тому же подле Кактусовой тюрьмы днём и ночью сидели Ежи-стражники, пригнувшись, прислушивались к тому, что делается за колючими стенами.

К рассвету подкоп был готов. Оставалось пробить тонкую земляную корочку и вылезти на волю далеко от тюрьмы.

Ромка осторожно высунул чёрный бархатный нос из-под земли и обмер. Кругом стояли Ежи-стражники. Насмешливо скалились. Пиками в Ромку целились.

Пришлось спешно зарывать подкоп.

Прошло три дня.

От голода и жажды стала кружиться голова. Перед глазами мельтешили разноцветные блики.

— Эй! — кричали им Ежи-стражники. — Покоритесь! Смиритесь! Попросите прощенья!

— Нет! — кричал Ромка в ответ.

— Нет, — хрипел Артос.

— Н-нет, — отвечал Фомка.

Побег

Пленники обессилели. Исхудали. Шерсть на них свалилась и свисала грязными сосульками. Дрожащие, слабые ноги еле держали их. Псы неподвижно лежали — нос к носу.

Стоило им сказать только одно слово «винюсь» — и тут же бы их выпустили из Кактусовой тюрьмы. А там — спи, ешь, пей. Сколько угодно.

Всего одно словечко надо вымолвить. Но они его не говорили.

Трижды сам Соня Первый Котофеич приходил. Обещал простить, забыть, только бы повинились друзья.

— Нет,— отвечали те.

А время шло. За часом час. Вот день ещё один угас.

Сгустилась мгла. Настала ночь. Друзьям и говорить невмочь.

Лежат, прижавши к носу нос. Чуть слышно прошептал Артос:

— Погибнем мы здесь.

Горестно вздохнул Фомка. И снова прошептал Ромка:

— Всюду и везде. При любой беде. Нос и хвост не опускать. Выход из беды искать.

— Искать,— бормотнул Фомка.

— Искать,— выдохнул Артос.

А утром рано-рано, когда из-за тумана чуть солнышко взглянуло на остров первый раз. В тот самый сонный час. Вдруг что-то затрещало. Как гром загрохотало.

Вскочили друзья. И увидели над Кактусовой тюрьмой маленький краснобокий Вертолётик.

— Скорей! — крикнул Ромка.— Помните,

как нас учил Самосвал? Давайте дружно. Ну!

Из последних сил они закричали:

— Властелин любой дороги! Ты один пройдёшь везде. Я — твой брат четвероногий. Не покинь меня в беде!

Вертолётик качнул красным боком и полетел дальше.

Тогда подставил Артос спину Фомке. А на Фомку вспрыгнул Ромка. Высунув голову из-за колючей ограды, Ромка закричал:

— Властелин любой дороги! Ты один прой-

дёшь везде! Я — твой брат четвероногий. Не покинь меня в беде!!

Снова качнулся Вертолётик. Развернулся и круто стал снижаться над Кактусовой тюрьмой.

На сонном острове поднялся такой большой переполох. Сам Соня Первый испугался. И от испуга вдруг оглох.

А стражники Ежи схватились за ножи. Выставили пики. Изошли в крике:

— Караул! Скорей сюда! Приключилась беда!!

Гадюки ошалели. От злобы посинели. И тоже зашипели:

— Ш-ш-шюда! Ш-ш-шюда! Ш-ш-шюда! Ш-ш-шлушилася беда!

И все ползли, бежали, катились к Кактусовой тюрьме.

Но Вертолётик подлетел к тюрьме быстрее всех. Из него выпала длинная верёвочная лестница. Сквозь треск и шум друзья услышали:

— Цепляйтесь скорей!

Дверь Кактусовой тюрьмы распахнулась.

Показалась Гадюка с раззявленной пастью.

Следом протиснулся Ёж-стражник.

Изловчился Фомка и сунул свой хвост Гадюке в раскрытую пасть.

А Ромка швырнул в глаза Ежу-стражнику горсть земли.

Поперхнулась Гадюка. Крутанулась Гадюка.

Сбила с ног ослеплённого Ежа-стражника.

Тот упал под ноги другому Ежу.

На другого повалился третий.

Такую кучу малу устроили, не поймёшь, где чья голова, где чьи ноги.

Тем временем Ромка, Фомка и Артос схватились зубами за лесенку.

Вертолётик стрелой взмыл в голубое небо. Подтянул лесенку с друзьями к распахнутой дверке. И те в неё попрыгали.

Дверка захлопнулась.

Краснобокий Вертолётик поднимался всё выше.

Вслед ему несло:

— Лови!

— Держи!

— Хватай!

Ещё один друг

Всё выше поднимался Вертолётик. Всё дальше увозил он друзей.

От страшного острова.

От царства Спиешьпей.

От Гадюк и Ежей-стражников.

От Сони Первого Котофеича.

От проклятой Кактусовой тюрьмы.

Ромка, Фомка и Артос обессиленно лежали на какой-то подстилке, медленно приходя в себя.

— Э-эй! — послышался рокочущий бодрый голос Вертолётника. — Живы вы там?

— Живы, — вяло откликнулся Ромка, с трудом поднимаясь на ноги.

— Еле-еле, — проворчал Фомка.

— Вполне, — громче других отозвался Артос.

— Откройте-ка дверку с круглой ручкой. Там в коробке найдётся кое-что...

В картонной коробке нашёлся круг колбасы, большой кусок сыра, яйца и три бутылки свежего холодного молока.

С хрустом и сладким причмоком изголодавшиеся друзья уплетали всё подряд, запивая молоком.

— Вот теперь мы снова ко всему готовы, — проговорил сыто Ромка, стряхивая крошки с усов и бороды.

— После закуски такой поспать бы часок-другой, — сонно пробормотал Фомка.

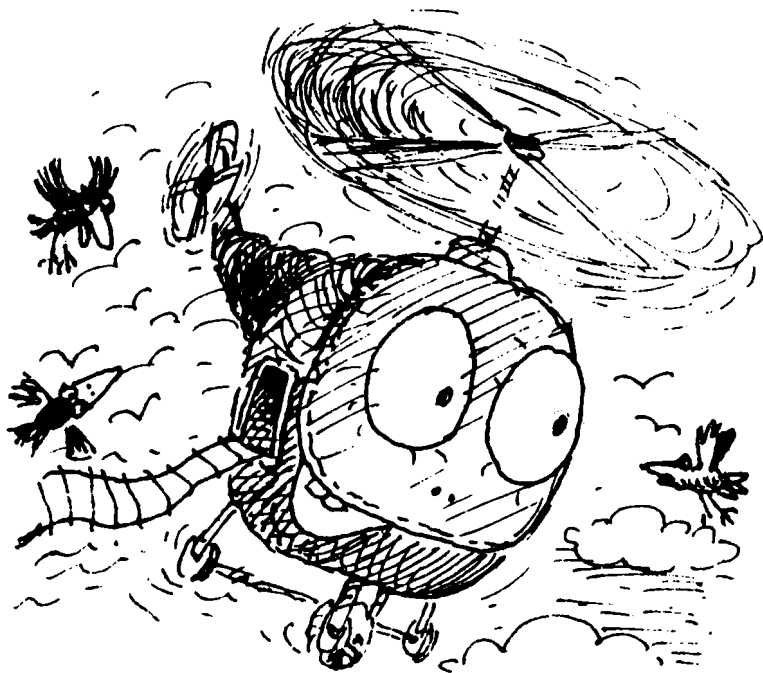
— Прилетим, поспим потом. Глянем, что там за окном, — предложил Артос, прижимая к оконцу нос.

А за окном под Вертолётником щетинилась Зелёная Тайга.

Огромный дремучий лес.

В котором до самых небес. Сосны растут и кедры-великаны. Ели — в колючих и мрачных кафтанах.

Там бродят медведи. Там рыскают рыси. И белки — как птицы: не страшны им выси. Там

лоси рогатые трубно ревут. Лиса, и куница, и соболь живут.

Глазастые вещие совы гнездятся. Сороки, дрозды и кедровки роятся. Глухарь-великан и сиротка Кукушка. Там рядом живут, не мешая друг дружке.

В каких буераках там спеет малина. Краснеет калина. Краснеет рябина. Блестит голубика ли-
тыми боками. Брусника и клюква лежат под ногами.

Рыжие рыжики водятся там. Царь Белый Гриб растёт по буграм. Млеют в траве молодые маслята. Грузди белеют. Желтеют опять...

Залюбовались друзья тайгой и, наверное, долго бы не отошли от оконца, если б Ромка не воскликнул вдруг:

— Ой! Что же это мы? Поели. Попили. А спасибо сказать забыли? — И громко-громко: — Спасибо за обед, Вертолётник!

— И за то, что мимо не пролетел, спасибо! — добавил Артос.

— И за то, что лестницу спустил, спасибо! — договорил Фомка.

— Ну что вы, право, — засмутился Вертолётник. — Подвиг, что ли, я совершил? Жаль, не довезу вас до Самотлора. Горючее кончается, а мне ещё воротиться надо.

— Куда ж ты летел? — изумился Артос, тараща и без того большие выпуклые глаза.

— Прискакал к нам на Вертолётную Красный Лис. А с ним...

— Каррыкарр, — угадал Ромка.

— Примчались. Рассказали, что ваши следы потеряли. Уговорили слетать поискать. Не иначе, говорят, попали они в Спиешьпей, потому как от них никаких вестей. Я и полетел. А чтоб с пути не сбиться, прихватил проводников...

Тут дверца пилотской кабины распахнулась, и оттуда выскочил Красный Лис.

А за ним выпрыгнул Каррыкарр.

Ну, тут началось такое веселье, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Обнимались.

Целовались.

Кувыркались.

— Потихе, пожалуйста, — взмолился Вертолётник, — не то я свалюсь.

Не успели Ромка, Фомка и Артос рассказать о царстве Спиешпей, как Вертолётник подал сигнал и стал снижаться. Пришла пора прощаться.

— Так скоро? — подсадовал Ромка.

— Только и прощаемся, — пробурчал Фомка.

— Раз пора — значит, надо, — отчеканил Артос.

— Учтите только, — сказал на прощание Красный Лис. — Вчера из нашего лесу исчез Клык-Клык Грумбумбес.

— Прравда, — подхватил Каррыкарр. — Карраульная Соррока видела, как он переплывал рреку. Беррегитесь рразбойника!

— Сорока проболталась ему, что вы отправились на Самотлор. Клык-Клык знает, где вас искать. Будьте осторожны.

— Сперрва пррямо, — наставлял друзей Каррыкарр. — До широкой тверрдой дорроги. Та приведёт к Самотлорру. Пррощайте...

— Прощайте! Прощайте! — Красный Лис замахал огненным хвостом.

— До встречи, — рокотнул Вертолётник.

В ловушке

Клык-Клык Грумбумбес развалился в густой мягкой траве, поджав двенадцать когтистых лап.

Подставил тощую мохнатую спину горячим солнечным лучам. Оскалил пятьсот острых зубов. Довольно сощурился и еле внятно замурлыкал про себя:

Пускай ворчит дремучий лес,
Пусть молнии летят с небес,
Всегда спокоен Грумбумбес.
Да. Клык-Клык Грумбумбес.
Пусть всё вокруг полно чудес,
Пусть сам бы чёрт сюда прилез,
Всегда спокоен Грумбумбес.
Да. Клык-Клык Грумбумбес.
Зря Каррыкарр из кожи лез
И Красный Лис хитрил, как бес.
Всегда спокоен Грумбумбес.
Да. Клык-Клык Грумбумбес...

Вдруг он оборвал песню. Зашевелил двенадцатью когтистыми лапами. Приподнялся. И замер, вслушиваясь.

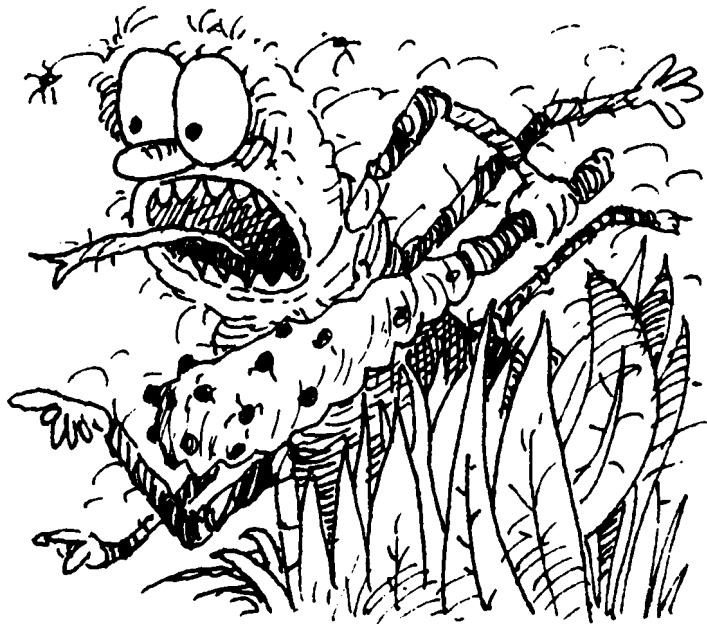
Довольная, алчная улыбка покривила похожую на зубастый клюв морду.

— Голубчики. Хе-хе-хе!.. Топотят. Ха-ха-ха!.. Прямо в мою пасть. Хо-хо-хо!.. Сперва я съем усатого. Потом сглотну хвостатого. И третьего затем я преспокойно съем...

Из лесу всё явственней доносилась весёлая песенка трех друзей.

Клык-Клык Грумбумбес словно окаменел. Он не спускал глаз с тропы, на которой должны были появиться Ромка, Фомка и Артос.

«Чего они там застряли?» От нетерпения длинные когтистые лапы сами собой стали приплясывать, шерсть на взгорбленной спине встопорщилась, с оскаленных клыков закапала слюна. Клык-Клык Грумбумбес еле сдерживал

себя, чтоб не кинуться в лес навстречу беззаботно распевающим друзьям.

Невдомёк ему было, что пели-то только Фомка и Артос, а Ромка в это время неслышно крался по траве вдоль тропы, раздув чёрные бархатные ноздри, распахнув во всю ширь глаза.

Ещё издали учуял Ромка затаившегося врага. Неслышно подполз пёс к опушке. Всё, что надо, разглядел и так же бесшумно скрылся в лесу.

Слушая Ромкин рассказ, Артос и Фомка запели ещё громче. Во всю мочь. На весь лес.

Так и пошло у них. Один говорил, а двое слушали и пели, да так, чтобы Клык-Клык Грумбумбес не беспокоился да на поиски не кинулся.

— Не миновать нам схватки с этим двенадцатилапым,— сказал сердито и решительно Ромка.

Артос кивнул.

Фомка задрал хвост восклицательным знаком.

— Только в открытом бою его не одолеть,— добавил Ромка.

Фомка и Артос, не прерывая песни, согласно наклонили головы.

— Я придумал, как его осилить. Выкопаем глубокую яму. Прикроем сверху веточками. И заманим в эту ловушку Клык-Клыка Грумбумбеса.

Выговорился Ромка и запел.

А Фомка заворчал недовольно:

— Прыткий ты, Ромка, больно. Мы когти напрочь оборвём, а такую яму не выроем.

— А если и выроем, как из неё вылезем? — поддержал Фомку и Артос.

— Верно, друзья. Не подумал я.

Растерянные, хмурые псы разом оборвали песню.

И тут же всполошился Клык-Клык Грумбумбес.

Вскочил и вприпрыжку ринулся в лес.

Вдруг остановился.

Назад воротился.

На прежнем месте развалился.

— Никуда не денутся, субчики. Слева — непроходимое болото. Справа — непролазные колючие кусты. Позади — озеро. Один путь — по этой тропке. А на тропке — я! Ха-ха-ха!

Да. Это была страшная правда.

Выйти к дороге, ведущей на Самотлор, можно было только по тропе, на которой лежал коварный и злой Клык-Клык Грумбумбес.

Когда друзья поняли это, совсем расстроились.

— Вот так да, опять беда, — проворчал Фомка.

— Вряд ли выйдем мы одни из проклятой западни, — сердито и нехотя признался Артос.

— Рано хныкать и сдаваться. Если надо — будем драться! — браво выкрикнул Ромка.

Железный журавль

Темнело.

Таёжные буераки и прогалины залила мрачная, угрюмая чернота. С озера потянуло затхлой

горьковатой сыростью. Всё прохладней, неуютней и страшней становилось в тайге. Где-то близко в пугающей черноте протяжно и жутко ухнул и захохотал Филин — ночная вещая птица.

Тревожно гукнула Выпь.

Верховой ветер взворошил верхушки деревьев, и те испуганно прошумели.

Ромка, Фомка и Артос, тесно прижавшись друг к другу, чутко вслушивались в непонятные, незнакомые голоса засыпающей тайги.

Так и не придумали друзья, как им вырваться из ловушки, в которую их загнал беспощадный и злой Клык-Клык Грумбумбес.

— Слышите? — встрепенулся вдруг Ромка, топорща уши-лопушки.

— Чего ещё там? — проворчал Фомка, несмотря свёртывая длинный хвост вопросительным знаком.

— Да! Гудит! — Артос вскочил. — Это же машина. И совсем близко.

— Вперёд! — скомандовал Ромка, и они гуськом двинулись туда, откуда доносился рокот.

Эта странная машина походила на журавля. Широкие гусеничные лапы. Короткое туловище. Длинная гибкая шея с огромным клювом на конце.

Железный Журавль стоял на берегу озера. У самой воды. То и дело он окунал раззявленный зубастый клюв в воду и что-то старательно и долго нашаривал там. Вытащив из воды пук мокрой тины. Журавль выплёвывал её себе под ноги и снова окунал нос в воду.

— Чего она ищет в озере? — недоуменно говорил Артос.

— Наверное, пьёт,— подсказал Фомка.

Ромка не стал гадать. Подошёл поближе к Железному Журавлю. Почтительно поклонился. Спросил:

— Скажите, пожалуйста, кто вы и что здесь делаете?

Не повернув головы, Железный Журавль проурчал полным ртом:

— Занят я! Занят я!

И продолжал своё дело.

Тогда Ромка выговорил вещие слова:

— Властелин любой дороги, ты один пройдёшь везде. Я — твой брат четвероногий. Не покинь меня в беде.

Тут Железный Журавль повернулся к Ромке и тихо сказал:

— Я — Экскаватор. Рою канавы. Котлованы. Ямы. А здесь дно чищу...

— Нам опять повезло. Грумбумбесу назло,— обрадованно пробормотал Фомка, сворачивая хвост в замысловатые фигуры.

— Кто знает, куда и зачем идёт, тому всегда и во всём повезёт,— степенно, с достоинством проговорил Артос.

— Послушайте, железный друг. Хоть вам и очень недосуг. Но вы нас не гоните. В беде нам помогите,— обратился Ромка к Экскаватору.

— Я не прочь. Но чем помочь? — миролюбиво откликнулся тот.

Ромка рассказал о Клык-Клыке Грумбумбе-

се, о ловушке, которую тот подстроил, и попросил Экскаватор вырыть яму-западню для двенадцатиногого страшили и злодея.

— Я согласен. Так и быть. Где вам надо яму рыть? — спросил Экскаватор.

Оказывается, Ромка уже облюбовал и местечко. На крохотной полянке, через которую змеилась единственная тропка от озера к дороге.

— Ну-с, в сторонку отойдите. Посидите. Поглядите. Покажу своё проворство, силу, ловкость и упорство.

Сказав это, Экскаватор с размаху клюнул землю и сразу выкусил в ней глубокую ямку.

Ещё раз клюнул в то же место — ямка стала шире и глубже. И снова с размаху железный зубастый клюв вонзился в землю.

Звенел металл.

Скрипели тросы.

Урчал мотор.

Но вот в этом шуме стали отчётливо различимы слова. Прислушались друзья.

Вот что, работая, негромко выговаривал Экскаватор:

Без меня не в силах люди
Строить дом. Растить сады.
Без меня у них не будет
Ни тепла и ни воды.
Заменить меня не смогут
Даже сто рабочих рук.
Если строится дорога,

Экскаватор тут как тут.
Я усталости не знаю,
Я всегда готов помочь.
И копаю.
И копаю.
День и ночь.
День и ночь...

— Ну вот, яма готова, — выдохнул Экскаватор, обрывая песенку. — Делайте что надо. Я пошёл. Меня работа ждёт.

И, раскачиваясь, заковылял на гусеничных лапах к озеру и скоро пропал в темноте.

Расплата

Голод поднял Клык-Клыка Грумбумбеса чуть свет.

Над тайгой занимался ранний рассвет.

— Ох, как я проголодался. Ох, обеда я заждался, — проскрежетал Грумбумбес, клацая длинными острыми зубами, сверкая клыками.

Вскочил на двенадцать когтистых лап. Вздвигал шерсть на спине. Вытянул шею. Раздул ноздри. Долго с шумом втягивал ими воздух.

— Где-то рядышком голубчики. Со сна тёпленькие. Мягонькие. Вкусненькие. Сейчас подзакусим. Хо-хо! Усатый — на закуску. Хвостатый — вприкуску. А лупоглазого — глотаю сразу я!

Встопорщил он уши, прищурился и стал слушать.

Тихо в рассветной тайге. Птицы и те не проснулись. Листья не встрепнулись. Травы не разогнулись.

«Сейчас я всех подыму», — решил Клык-Клык Грумбумбес.

Выгнул он лохматую спину. Задрал в небо клыкастую морду. Да как рывкнет.

До того жутко, до того злобно, что вся колючая дремучая громадина тайга пугливо дрогнула.

Зябко полегли травы.

Свернули лепестки цветы.

Забились глубже в дупла бельчата.

Съёжились в гнёздах птенцы.

Ещё пуще, ещё страшней прежнего заголосил Клык-Клык Грумбумбес.

«Теперь-то, голубчики, проснулись», — злобно подумал он, и вдруг...

На весь перепуганный лес зазвенела бравая, весёлая, лихая песенка друзей:

Мы — весёлые собаки

И совсем не забияки...

— Вот как! — вознегодовал Клык-Клык Грумбумбес. — Эти желторотые наглецы позволяют себе... Да они, никак, идут сюда? Хорошо!

Тут из кустов высунулась Ромкина голова.

— Привет, Клык-Клык Грумбумбес. Пойдём, старик, с нами в лес. Подзакусим, отдохнём. Нашу песенку споём...

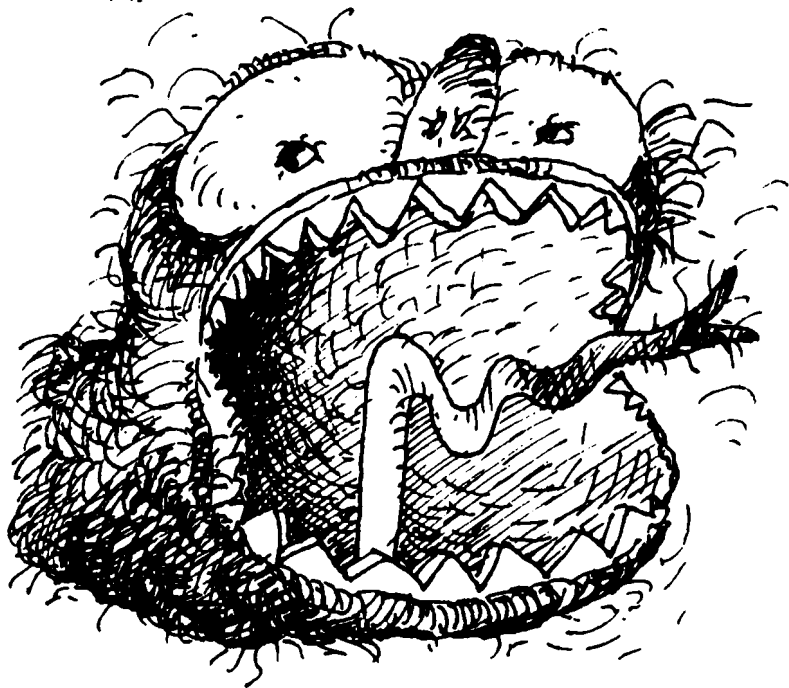
От удивленья Грумбумбес под ель мохнатую
полез. Там зубы наострил, когти распустил да
как рявкнет:

— Ко мне, негодник!

— Ну уж... Нет уж. Это уж шалишь! До-
гони, если можешь!

От ярости у Клык-Клыка Грумбумбеса на
спине и на брюхе шерсть поднялась и заше-
велилась, как трава на ветру. Он рявкнул:

— Дрожи, наглец! Настал твой конец!

А Ромка вышел из кустов и притворно дрожащим голосом:

— Ой, боюсь! Ой, дрожу! Ой, без памяти лежу! Пощади нас, Грумбумбес. Отпусти живыми в лес...

Присел Клык-Клык Грумбумбес да как прыгнет! Но Ромка успел отскочить. И Грумбумбес ударился носом, взвыл. А Ромка юркнул в лес. И по тропе... со всех ног... к озеру.

Только где же Ромке ускакать от двенадцатилапого злодея? И минуты не прошло, как разъярённый Грумбумбес нагнал пса.

Раскрыл Клык-Клык Грумбумбес огромную пасть, наострил все пятьсот зубов, нацелил длинные кривые клыки, выпустил когти, прыгнул и... провалился в глубокую яму.

Зарычал. Закричал.

Хвостом о землю застучал.

Головою забился о земляные стены.

Скрёб их когтями. Кусал...

Наконец, обессилев, поутих и увидел наверху, на краю ямы, Ромку Фомку и Артоса.

— Откуда эта яма! Почему вдруг яма на тропе! — снова взъярился, заорал Клык-Клык Грумбумбес. — Я вас!..

И опять запрыгал бешено, завертелся, завопил.

Хвостом и лапами по стенам замолотил.

А сам заклинания бормотал.

Но здесь его колдовство было бессильно.

Только на сонном острове, в царстве Спиешпей, он мог колдовать и волшебничать.

Понял своё бессилие Клык-Клык Грумбумбес и умолк.

Съёжился. Сморщился.

Лапы подогнул.

Голову опустил.

Клыки и когти спрятал.

— Вот теперь сиди, покуда не уйдём мы все отсюда, — сказал Ромка присмирившему Клык-Клыку Грумбумбесу.

Обнялись друзья и зашагали по тропе, напевая свою любимую песенку...

Бетонка

Эта дорога была выложена из огромных серых железобетонных плит и потому называлась Бетонкой.

Под ней пузырились, пищали, хлюпали гиблые, топкие болота.

Бетонка пересекала непроходимые таёжные чащи.

Переползала крутые увалы.

По мостовым опорам, как на ходулях, переходила глубокие реки.

По Бетонке днём и ночью!

Друг за другом.

В обе стороны.

Шли и шли машины.

Голубые, зелёные, жёлтые, красные автобусы.

Грузовики с прицепами и грузовики без прицепов.

Похожие на жирафов краны.

Рычащие, как львы, тягачи.

Чего только не везли на себе грузовые автомашины!

Большущие чёрные трубы.

Станки и механизмы.

Огромные-преогромные, похожие на аэростаты, баки.

Ящики и мешки.

Вот из-за поворота выкатилась длинная серая машина, похожая на слона. Только без хвоста. И вместо ног у неё были гусеницы. Они скрежетали, грохотали, гремели и звенели так оглушительно, что Ромка попятился, Фомка поджал хвост, Артос зарычал.

А похожая на слона машина на гусеницах подкатила и остановилась.

— Фу-у-ух! — жарко выдохнула она. — Привет, четвероногие! Кто вы? Откуда? И куда? Уж не случилась ли беда?

— Я — Ромка Ромазан. Это мои друзья — Фомка и Артос. Идём из Тюмени на Саяногорск. А кто вы?

— Вездеход, — густым рокочущим басом выговорил гусеничный слон. — Самая сильная из

всех машин. Ни болота, ни реки, ни чащи мне не страшны. Везде пройду. Продерусь. Пробе-
русь. Проплыву. Поняли?

— По-о-оняли! — хором ответили друзья. —
Куда вы торопитесь?

— Как и все. На Самотлор.

— Зачем туда бежит так много машин? —
и Фомка сделал из хвоста вопросительный знак.

— А как же, — рокотнул ответно Вездеход, —
Самотлор каждый год даёт людям много нефти...

— Очень занятно, хоть и непонятно, — про-
бормотал Фомка, свивая хвост в кольцо.

— Это сколько — «много»? — почтительно
осведомился Артос.

— Целая река. Чёрная. Горючая. Да ещё
гремучая... И течёт река по трубам. Много-много
тысяч вёрст.

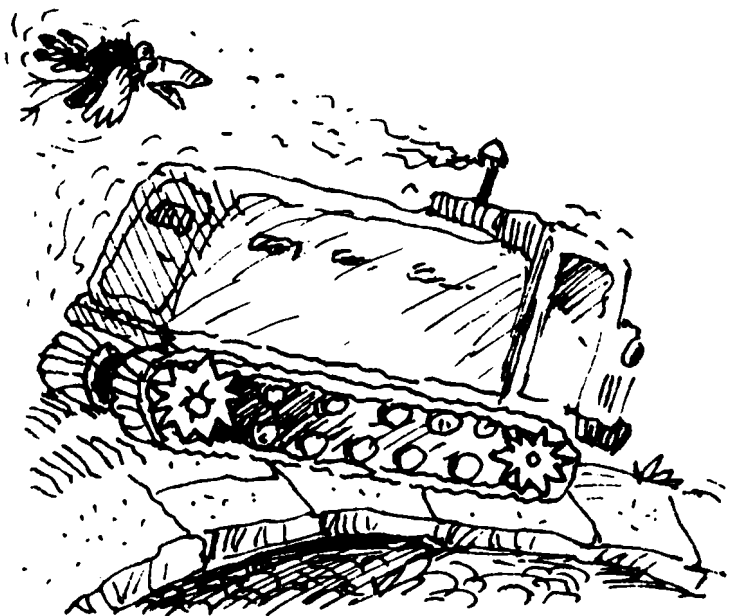
— А вытекает из-под земли, — сказал Ромка,
вспомнив рассказ Красного Лиса.

— Точно, — молвил Вездеход. — Вы — до-
гадливый народ. Есть там вышки буровые. Вы-
соченные, стальные...

— Чтобы сверлить дырки в подземных ка-
менных пещерах, полных нефти? — снова не
утерпел Ромка. — Нам это Красный Лис рас-
сказывал. Знаете его?

— Здесь каждый Красного Лиса знает. И лю-
бит его. И почитает...

— Скажите, мы скоро дойдём до Самотло-
ра? — спросил Артос.

— Ну, садись ко мне на спину. Или полезай в кабину, — скомандовал Вездеход. — Вон река. За речкой — бор. А за бором — Самотлор. Через час доставлю вас.

— Лучше на спину, — решил Ромка. — Оттуда видней.

— Тогда полезайте на спину скорей.

Сперва Ромка. За Ромкой — Фомка. А за Фомкой — Артос. Запрыгнули на подножку Вездехода. Оттуда — на капот. С капота — на кабину. С кабины — на спину.

— Готовы? — спросил Вездеход.

Пыхнул.

Ухнул.

Уркнул.

Фыркнул.

И покати́л что было сил.

Великанша

Гудела серая Бетонка. Звенели гусеницы звонко. Разгорячённый Вездеход, ревя мотором, мчал вперёд.

— Что это? Смотрите!

Фомка от удивления подпрыгнул и повалился с Вездехода. Едва поспел Ромка ухватить приятеля за длинный хвост.

— Да смотрите же! Смотрите! — не унимался Фомка.

По зелёной по низине. По болотистой равнине. Широко и величаво. Выступала будто пава. Из железа вся литая Великанша Буровая.

Облаков она касалась шлемом ярко-золотым. И того гляди, казалось, сбросит Солнце с высоты.

На ногах её обу́ты стопудовые калоши.

Шаг шагнёт — земля качнётся.

Из реки вода плеснётся.

Листья падают с берёз.

А пыхтит — как паровоз!

— Вот она какая — Великанша Буровая, — сказал Вездеход. — И не мешкая сейчас с ней я познакомлю вас.

Соскользнул Вездеход с Бетонки и покатил к Буровой.

А та не успела остановиться, как вокруг, словно из-под земли, вынырнули и встали рядом вагончики.

Закурился синий дымок над котельной.

Зашипел по-змеиному, вырываясь из труб, белый пар.

Гулко и ровно загудели зеленобокие электромоторы.

Буровая так вздохнула, что с неба облако сорвалось и пало на землю дымным мокрым лоскутом. А Ромку, Фомку и Артоса сдуло со спины Вездехода, и они кувырком скатились к шипастым ногам Великанши.

— Эт-то что за мелюзга?! — гроыхнула сердито Великанша Буровая.

— Властелин любой дороги, ты один пройдёшь везде. Я — твой брат четвероногий. Не покинь меня в беде, — хоть и робко, но чётко выговорил Ромка.

— Ну, коли братья, — миролюбиво загрохотала Буровая, — подымайтесь-ка наверх. Вон по той лесенке.

Ох, какой крутой и высокой оказалась лесенка. Одолев её, приятели очутились на ко-

зырьке шлема, надетого на самую макушку Великанши Буровой.

Стоять на крохотном козырьке было и жутко, и неловко, зато уж видно оттуда на много вёрст вокруг.

— Ой! — воскликнул Фомка. — Отсюда я могу хвостом до солнышка дотянуться.

— А я на облако запрыгнуть, — проговорил Артос.

— А я, если захочу, прыгну вниз и полечу, — сказал Ромка.

— Не галдите. Вокруг поглядите. Это и есть Самотлор! — прогремела Великанша Буровая.

А вокруг... насколько хватало глаз... величаво и гордо возвышались такие же великанши буровые.

Меж ними сновали вездеходы, самосвалы, тракторы, экскаваторы и ещё какие-то неизвестные машины на гусеницах и на колёсах.

Гигантскими удавами во все концы ползли и ползли трубы — тонкие и толстые, чёрные и белые, гнутые и прямые.

Огромными стрекозами роились в небе большие и маленькие вертолёты: голубые, красные, серебристые.

Белыми молниями прочерчивали небо самолёты: «Яки», «Аны», «Антей», «Илы» и «Ту».

Всюду полыхали огромные жаркие факелы. До самого неба вздымались их огненные языки, похожие на пушистый хвост Красного Лиса.

От гула, грохота и рёва тысячи тысяч моторов дрожала земля, покачивалось синее небо.

— И всё это... И это всё... Делаете вы... Сами? — отчего-то заробев, спросил Ромка.

— Что значит «сами»? — не поняла Великанша Буровая.

— Ну, сами машины, — пояснил Артос.

— Мы сделаны рабочими руками. Они и управляют всюду нами. Без рабочих добрых рук станет мёртвым всё вокруг, — назидательно прогремела Великанша Буровая.

— А вы мастера... Степана Ивановича не знаете? — спросил Ромка и замер.

— Кто ж его не знает. Поглядите-ка вниз. Он там...

— Где? — хором вскричали друзья.

— Да вон же. Глядите!

Сперва они поискали Степана Ивановича в кабинах автомобилей. Потом в кабинах тракторов, бульдозеров, экскаваторов, трубоукладчиков. Потом поискали у электросварщиков подле строящегося нефтепровода.

После у буровиков, на площадке Великанши Буровой.

Тут Ромка и увидел Степана Ивановича.

— Ур-р-ра! — крикнул Ромка и кубарем подкатился к его ногам.

— Ур-ра! — подхватили Артос и Фомка и полетели следом.

Выслушав длинный-предлинный рассказ друзей об их приключениях, Степан Иванович сказал:

— На тот сонный остров, где царство Спишьпей, мы завтра повезём буровую. Поселятся там буровики. Задымит котельная. Запыхтят электромоторы. И от всей нечисти во главе с Соней Первым Котофеичем не останется никакого следа. А вот Каррыкарру и Красному Лису надо немедленно передать весточку о том, что вы добрались до Самотлора и теперь мы вместе...

РОМКА И МЕДВЕДЬ

3

Откуда взялся медведь

На окошке дремлет пёс. Солнце лижет чёрный нос. Чёрный, бархатный, блестящий. Будто бы ненастоящий.

Пёс вздохнул спросонья громко. Да ведь это... это ж Ромка!

Отчего же он вздыхает? Не поёт? И не играет?

В самом деле, отчего?

За окном — лето...

Зелёные берёзы. Зелёная трава. Зелёные кузнечики скачут по дворам. Зелёные лягушки до утра кричат. Зелёные макушки из воды торчат.

Поют, летают птицы: скворцы, стрижи, синицы.

Поют, играют дети: Серёжи, Маши, Пети.

В его лучах улыбается с небесной высоты. В его лучах купаются и травы, и цветы.

Всем хорошо.

Всем весело.

И только Ромка грустит.

Потому что остался один.

У Фомки заболел зуб, его показали врачу и увезли на дачу.

Артос куда-то уехал с хозяином.

Степан Иванович целые дни на работе.

А Ромка...

Вот на лапы он привстал. Распушил бородку.

На пол скок и зашагал твёрдую походкой.

Шагал-пошагивал, а сам приговаривал:

— Ну уж. Нет уж. Это уж совсем уж никуда не годится! Надо что-то придумать.

И придумал...

Подошёл Ромка к стульчику, на котором Степан Иванович сидел, когда обувался.

Стульчик — низенький, с четырьмя ножками. Сиденье — зелёным плюшем обито.

Положил Ромка голову на зелёный мягкий плюш и тихо, просительно сказал:

— Стульчик, а стульчик. Давай поиграем. Ты будешь лошадкой...

Ничего не ответил стульчик и даже не пошевелился.

— Эх ты, — обиделся Ромка и пошёл в комнату.

Там на полу распласталась огромная медвежья шкура. Её подарил Степану Ивановичу его друг — старый охотник.

Обошёл Ромка шкуру, потрогал медвежьи когти, шевельнул медвежий хвост. И лёг напротив медвежьей головы. Нос к носу.

Лежал-лежал Ромка да и дунул Медведю в ноздри.

— Фу-ух!

Подождал чуток. И снова дунул, сильнее прежнего.

— Ф-фу-у-ухх!

Вдруг на макушке медвежьей головы шевельнулась шерсть.

И ухо как будто встопорщилось.

Ромка охнул. Ромка ахнул. Лапой по полу бабахнул. Будто мячик подскочил. Что есть сил заголосил:

— Ур-р-ра!

Легонько постукивая лапой по медвежьей голове, заговорил грустно и ласково:

— Мне скучно: я зачах совсем. И плохо сплю, и мало ем.. Мне не с кем книжку почитать и не с кем поиграть...

Медвежья шкура не шевелилась.

Ромка подлез под неё. Приподнял с полу медвежью голову и снова:

— Мне не с кем просто посидеть. И не с кем поболтать. Ну, Миша! Мишка! Ну, медведь. Да перестань же спать!

И вдруг почувствовал: шкура вроде бы ожила и стала медленно отрываться от пола. Ромка изо всех сил помогал ей, приговаривая:

— Хватит спать тебе! Проснись, Мишка ко-солапый! Поскорее поднимись на четыре лапы...

И Медведь проснулся.

И Медведь поднялся.

Огромный бурый медведище.

Набрал он полную грудь воздуха да как рыкнет:

— Кто меня разбудил? Кто меня оживил?

— Я! — откликнулся Ромка и выскочил из-под Медведя.

— Кто таков? — спросил Медведь, оглядывая и обнюхивая Ромку.

— Ромка Ромазан.

— А я — Мишка, — довольно проурчал Медведь. — Спасибо, друг, за то, что вдруг я снова стал живым.

Мишка Ромку подхватил. Закачал, закружил. И при том ему на ухо потихоньку говорил:

— Я считал — храбрей медведей никого на свете нет. Полагал — умней медведей никого на свете нет. Оказалось — есть храбрее. Оказалось — есть умнее. И храбрее, и умнее — друг мой Ромка Ромазан.

Польщённый Ромка довольно сощурился и сказал:

— Ты такой большой, лохматый, у тебя четыре лапы. У меня четыре тоже. Значит, мы с тобой похожи. Значит, будем мы друзья. Куда ты — туда и я...

Друзья развлекаются

— **Т**а-ак,— выдохнул Мишка, бережно опуская на пол Ромку.— Можно считать, мы познакомились и почти подружились. Теперь бы чего-нибудь перекусить.

— Это мы сейчас. Это мы живо,— откликнулся Ромка и помчался к холодильнику.

Встал на задние лапы, ухватился передними за ручку, давай её изо всех сил тянуть.

— Чего ты хочешь сделать с этим ящиком? — спросил Мишка.

— Надо дверку открыть. Там мясо, сыр и...

— Пусти-ка...

Мишка легонько отстранил Ромку. Положил

лапы на дверцу. Качнул её, и... дверца отвалилась от холодильника.

— Да ведь это... это мёд... — Мишка взволновался. Опрокинул банку в рот. Сладко облизался.

Выпил он кувшин сметаны. Съел лимоны и бананы. Мясо, масло, колбасу.

Ромка ахнуть не успел — всё, что было, Мишка съел.

Потом он приставил к холодильнику дверцу. Обтёр и облизал нос. И весело спросил Ромку:

— Что будем делать дальше?

— Древний Ворон Каррыкарр так говорил: «Если сыт — берись за дело. Дела нет — играй и пой».

— Ой, люблю играть! Ой, люблю развлекаться! — И Мишка, встав на передние лапы, прошёлся по комнате. Сперва двигался неуверенно, боясь что-нибудь задеть, зацепить. Потом разыгрался, разошёлся, разгулялся и...

Вмиг диван перевернул. На него закинул стул. В люстру запустил подушкой. В самовар ударил кружкой... Он на стол налетел — оторвал ножку. На ведро с разгону сел — и ведро в лепёшку...

Никогда в жизни так не играл и не веселился Ромка.

Мишка подкидывал его, как воздушный шарик. И на люстру. И на шкаф. А потом закутал в одеяло так, что Ромка еле-еле из него выбрался.

Наконец они устали. Задохаться оба стали.

Мишка на пол плюх мешком. Ромка — рядышком с дружкой.

— Вот так рок-кувырок, — выговорил Ромка, немного отдышавшись. — Стол без ножки! Стул без спинки! Кресло — на две половинки. Люстра набок покосилась. Дверца шкафа отвалилась...

— Ты меня ещё не знаешь, оттого и унываешь. Вмиг починим. Всё наладим. Будет чисто и красиво. Ну! Взаймись за дело. Живо!

Опять Клык-Клык Грумбумбес

Мишка и впрямь оказался мастером на все руки.

Вот уже и люстра висит как надо. И всё, что было оторвано, отколото, отломано, всё встало на своё прежнее место.

Чистотой сияет дом. Ни сориночки кругом.

Потом друзья помылись под душем. Высохли. Улеглись рядышком. И Мишка вдруг загрустил.

Заметил это Ромка и говорит:

— Не грусти. Давай вдвоём нашу песенку споём.

— Я же не знаю вашей песни, — расстроено пробормотал Мишка.

— Тогда я спою один. И совсем другую. Новую. Я её только-только придумал.

Вскочил Ромка и, притопывая, запел:

Как у Ромки Ромазана
Потайных есть два кармана.
Два кармана потайных —
Что же прячет Ромка в них?
Может, прячет пистолет?
Нет!
Может, деньги на обед?
Нет!
Может быть, в кино билет?
Нет!
Что же прячет Ромка в них,

В тех карманах потайных?
А ответ совсем простой:
Тот и тот карман — пустой!..

Очень понравилась песенка Мишке. Он долго жал Ромке лапу, довольно урча:

— Ах, какой ты молодец! Распеваешь, как скворец!

— Теперь, Мишка, твоя очередь петь. Ну-ка! Спой свою любимую песенку.

— Слушай, Ромка! Я пою ого как громко! Не могу я тихо петь. Потому что я медведь. Запою я — сразу вдруг всполошатся все вокруг! Люди, звери и цветы. Испугаешься и ты...

— Чепуха! — воскликнул Ромка. — Хоть львом зарычи. Хоть слоном затруби. Не испугаюсь! Я даже Клык-Клыка Грумбумбеса...

Мишка сразу вскочил. Лапой по полу хватил. Скребанул его когтями. Клацнул острыми клыками. Да как рывкнет потом, вздрогнул весь огромный дом:

— Ты видел врага жителей леса? Злого врага Клык-Клыка Грумбумбеса?!

— Д-да... — почему-то растерянно ответил Ромка и рассказал о том, что произошло с ним, Фомкой и Артосом по пути на Самотлор.

Мишка внимательно выслушал друга, а потом сказал:

— Клык-Клык Грумбумбес и его старший брат, злой и коварный Орангул, — мои давние, заклятые враги. Сколько птиц и зверей погубили

они. Орангул хотел заколдовать и меня. Потом навёл на охотника. Я должен отомстить Орангулу! За себя! За лесных братьев!..

— Отомстим! — воинственно воскликнул Ромка и протянул Мишке лапу.

Мишка сграбастал Ромку. Прижал к груди. Но ничего не сказал. Да и зачем? Они без слов поняли друг друга, как настоящие друзья.

Первым негромко и мечтательно заговорил Мишка:

— Нам бы только выбраться отсюда и попасть в лес. До ночи ждать нельзя: скоро придёт твой Степан Иванович. А днём мне на улицу как показаться?

— Как? В самом деле, как? Вот задачка!

Ромка подёргал себя за ус. Почесал за ухом. И подумал: «Жаль, посоветоваться не с кем. Был бы рядом Каррыкарр или Красный Лис...»

Понуро молчал Ромка.

Грустно опустил голову Мишка.

А время бежало... «Тик-так, тик-так».

«Ну уж. Это уж совсем уж ни к чему... — раздумывал Ромка, поглядывая на Мишку. — Как же всё-таки отсюда выбраться?»

И Мишка о том же думал. И чем дольше думал, тем мрачней становился.

Ну, а если плохо кому-то, плохо и Ромке. Если больно кому-то, больно и Ромке.

Если грустно кому-то, грустно и Ромке.

Такой уж он чувствительный...

Мишке стало так грустно, что он сел в угол, засунул лапу в рот — и давай сосать-причмокивать.

Ромка решительно кинулся к шкафу, достал бутылку. Протянул Мишке:

— Брось ты лапу. Не соси. Лучше вот перекуси!

Вынул Мишка лапу изо рта. Раздул ноздри. И тоска исчезла из его добрых коричневых глаз.

— Это ты, Ромка, мудро придумал, — пробормотал он, беря булку.

Шире круг!

Кто-то в дверь вдруг постучал.

Ромка глухо заворчал.

Приложил он к двери нос. Да как крикнет вдруг:

— Артос!

Из-за двери в ответ:

— Ромка, привет. Тут и я, и Фомка!

— Ой! — подпрыгнул Ромка.

— Мне зуб запломбировали, — донёсся негромкий голос Фомки. — А ты как?

— Я, друзья, заждался вас — это раз! — крикнул Ромка и подпрыгнул, как резиновый мячик. — Был от скуки жив едва — это два! — И он снова подпрыгнул, ещё выше.

Ромке не терпелось поскорее выложить друзьям главную новость, и он торопливо продолжал:

— Ну, а три — у нас теперь Миша есть — хороший зверь. Я вам его сейчас покажу...

А дверь-то заперта. Ключ у Степана Ивановича.

Как же впустить Артоса и Фомку?

Опять задачка. И опять — трудная.

Ромка в задумчивости тёр лапой чёрный,

бархатный, блестящий нос. Шевелил рыжими усами. Притопывал лапами. Но... Придумать ничего не мог.

И Фомка с Артосом за дверь нетерпеливо с ноги на ногу переминались, но тоже ничего не придумали.

Двадцать две восьмёрки и девять вопросительных знаков сделал Фомка из своего длинного хвоста — не помогло.

Задира Артос запертую дверь и покусал, и когтями поскрёб, а та хоть бы шелохнулась.

Глянул Мишка на расстроенного Ромку — всё понял.

Мишка к двери боком встал. Правой лапой ручку взял. Повертел и так и сяк. Упёрся плечом в косяк. Поднажал что было сил. И конечно, отворил.

— Ой! — воскликнул Фомка. — Это же... Медведь! Ой! Жжуть!!

Но тут из-за Мишкиной спины выскочил Ромка:

— Урр! Брр! — только и мог сказать Артос.

— Ну, друзья, не надо! Тише! Это друг наш новый, Миша! Мы с ним тут весь день играли...

Обнялись покрепче псы. Гордо подняли носы. И запели:

Мы — весёлые собаки
И совсем не забияки.
Между нами ссор и драки
Не бывает никогда.

Делим на троих добычу,
Лишь на праздник друга кличем,
А в беде — таков обычай —
Друг приходит сам всегда...

Мишка послушал-послушал песню и вдруг обиделся. И отвернулся от поющих друзей.

— Ах! — поморщился Фомка, сворачивая вопросительным знаком хвост. — Как же это мы? Ни за что обидели.

— М-м-да, — подхватил Артос. — Нас же теперь четверо. Значит...

— Значит, и песню надо новую, — решительно проговорил Ромка. — Я придумал. Мишка! Становись, давай лапу! Ну! Вместе! Начали.

И они пошли хороводом все четверо, при-
топывая и подпевая Ромке:

Мы — весёлые собаки —
Будем с Мишкой век дружить.
Между нами ссор и драки
Никогда не может быть.
Ценим мы в друзьях отвагу.
Нас попробуй только тронь.
Друг без друга мы — ни шагу!
Друг за друга — хоть в огонь!
Мы — весёлые собаки,
Три собаки и медведь,
Мы совсем не забияки,
Не хотим ни ссор, ни драки,
Любим лишь играть да петь...

Они пропели новую песенку раз. Потом ещё раз. Потом ещё.

Очень довольные и счастливые, уселись в круг. И тут Мишка вымолвил со вздохом:

— Скоро вечер.

— Давно пора уходить, — подхватил Ромка. — Но как?

— Во дворе сейчас — никого, — решительно и смело заговорил Артос. — Малышня спит после обеда. Пионеры — на реке, в лесу, в лагере. Балкон выходит во двор...

— А как с балкона? — Фомка сделал хвост вопросительным знаком.

— С балкона по верёвке! — тут же придумал Ромка.

— Через калитку — в сад... — подал голос Фомка.

— Садам — до реки... — предложил Артос.

— А рекой — до леса, — договорил Мишка. — Здорово придумали!

Все четверо тотчас вскочили и во всю мочь свою завопили:

— Урр-рра!!!

Чёрный Кот

Вышли друзья на балкон. И впрямь никого вокруг. Не видно. И не слышно.

Под ними — камнем мощённый дворик. За двориком — сад. Там вишни и яблони. И много-

много больших и маленьких птиц. А прямо за садом — голубая река.

Первым восторженно заговорил Фомка:

— Вон журчит, бежит река, в ней ныряют облака. За рекой темнеет бор. И какой вокруг простор!

Мишка зажмурился от удовольствия и, втянув ноздрями воздух, пробормотал:

— Пахнет мёдом и сосной. Как чудесно! Ой-ой-ой!

— Хватит, Миша, любоваться. Не пора ли в путь пускаться? — напомнил Ромка.

— Пора! — уркнул Мишка.

Стали они бельевую верёвку вчетверо скручивать, чтоб по ней Мишка мог с балкона спуститься.

Быстро свили-скрутили. Конец на землю спустили. Другой привязали к перилам.

— Полезай, Миша!

А сами во все стороны смотрят: нет ли кого во дворе или в саду. Ни-ко-го! Ти-ши-на!

Перелез Мишка через балконную решётку, повис на верёвке. А та сразу — тре-еск!! И — пополам.

Мишка лапой за перила. Ухватил что было силы. А перила гнутся. Вот-вот оторвутся.

Мишка лапой за карниз. Отвалился тот и — вниз.

Ромка, Фомка и Артос вцепились в Мишку. Кое-как помогли влезть обратно.

Тут на соседний балкон вышел проветриться препротивный Чёрный Кот.

Этот Кот чернее ночи и черней чернил. Даже сажи. Сажи даже. Он чернее был. И когда-то он однажды чуть друзей не погубил.

Помните, когда они летели на зонте?

Вот и теперь, увидев друзей, Чёрный Кот разинул рот:

— Мья-ау! Мья-ау! Все сюда!.. Мья-ау! Мья-ау! Ой, беда! Лезут в дом грабители! Я-я-я их — мрр!

Аварийка

Заслышав вопли Чёрного Кота, из окон стали выглядывать люди.

Раздались встревоженные голоса:

- Медведь в квартиру лезет!
- Разбойник медведем нарядился!
- С вертолёта прыгнул!
- По крыше пробрался!
- Лови!
- Держи!
- Хватай!
- Ах!
- Ох!
- Ай!

С гудками. Свистом. Громом. Шуршаньем шин. Несутся. Мчатся к дому пятьдесят машин.

Машины санитарные.

Машины пожарные.

Машины милицейские.

Мчатся сторожа с ружьями в руках.

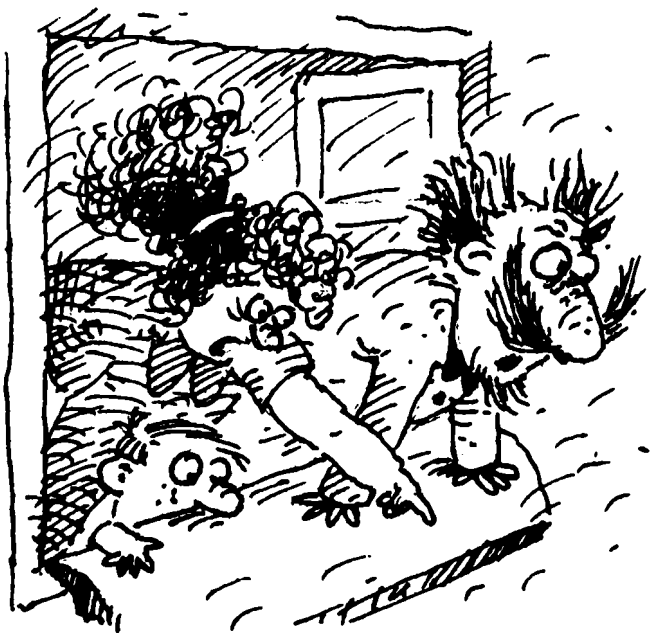
Бах!

Бах!

Бах!

Дворники бегут, аж земля дрожит. Слышно там и тут:

- Стой!
- Лови!
- Держи!

Ромка лапой по усам:

— Вот уж это тарарам. Как же вывернуться нам?

Фомка выгнул хвост дугой:

— Мы пропали! Ой-ой-ой!

А Артос клыки наружу:

— Будем драться, если нужно!

— Бросайте меня. Бегите, — прошептал убито Мишка.

— Стоп! — воскликнул Ромка. — Видите: в саду Аварийка. Аварийная машина, значит.

С подъёмником и люлькой. В ней садовники сидели. Сухие ветки срезали... Некогда объяснять. Ну-ка! Хором!

Ромка, Фомка и Артос закричали Аварийке:

— Властелин любой дороги! Ты один пройдёшь везде. Я — твой друг четвероногий. Не покинь меня в беде!..

Аварийка с подъёмником вдруг шевельнулась. И, тихо гуднув, к ним повернулась. Тронулась с места и покатилась. И под балконом остановилась.

Послышался негромкий невнятный говорок:

— Что случилось? Чем помочь?

— Удирать нам надо прочь,— проворчал Фомка.

А Ромка попросил:

— Пожалуйста, подними свою люльку до самого балкона. Мы сядем в неё. И ты побыстрее и подальше увези нас отсюда.

Мигом поднялась к балкону люлька. Мишка мешком плюхнулся в неё. Следом попрыгали Ромка, Фомка и Артос.

Чёрный Кот зацепился одной лапой за балкон и, так повиснув, вопил на всю улицу:

— Мья-ау! Мья-ау! Убега-ау! Улетау! Мья-ау! Мья-ау!!.

Погоня

Вот это была погоня так погоня! Такую ни в кино, ни по телевизору не увидишь. По радио не услышишь. Не придумаешь. Не опишешь.

Серединой улицы, непрерывно гудя, мчалась Аварийка. Высоко поднятая люлька с друзьями качалась, кренилась, кружилась, того гляди, оторвётся и рухнет на землю.

Мишка вцепился в перильца люльки. Ромка, Фомка и Артос вцепились в густую и длинную Мишкину шерсть.

Сзади.

Слева.

Справа.

Катит погоня лавиной.

Машина летит за машиной.

На них:

дворники — мётлы на изготовку,

сторожа — ружья на взводе,

пожарники — брандспойты в руках.

А следом милиция на мотоциклах. Те трещат, как тысяча пулемётов: тра-та-та-тарах-тах-тах!

В люльке последнего мотоцикла, распушив чёрный хвост, изогнув чёрный хребет, разинув чёрную пасть, вопил Чёрный Кот:

— Мья-ау! Мья-ау! Ловиау!.. Мья-ау! Мья-ау! Убегау!..

Жмутся прохожие к стенам домов. Воздух

дрожит от гудков и звонков. Листья летят с придорожных кустов. Пыль поднимается выше столбов.

Тут из музея выпрыгнул дед. Длинный старинный в руке пистолет. Дед на курок нажимает. Выстрел, как гром, гроыхает. Пламя клубится. Вздвигается дым. Нет пистолета. А дед невредим.

На мётлах верхом — с разных сторон. Дворников целый летит эскадрон.

Мётлы вперед — попробуй пройти. Встали они посредине пути.

Аварийка пыхтит на бегу:

— Ехать туда я не могу.

А рядом — сквер. С аллеями. Скамейками. Припесоченными тропками.

На скамейках сидят бабушки. Вяжут варежки. По аллеям внучата бегают. На велосипедах и педальных автомобильчиках разъезжают.

Тут и взрослые люди прохаживаются. Смеются. Разговаривают. Даже песни поют.

— Остановись здесь, — попросил Ромка Аварийку. И едва она остановилась, Ромка вниз кувырком, Артос и Фомка — следом. Последним Мишка бухнулся.

— За мной! — крикнул Ромка.

И напрямик. Через кусты. По цветникам. По зелёным лужайкам. Во всю прыть. К широко распахнутым дверям какого-то странного круглого здания.

Следом погоня. Вот-вот догонит.

Уже нагоняют.

Ловят.

Хватают.

Кто-то вцепился Мишке в бок. Вырвал у Мишки шерсти клочок.

— Подберите хвосты! — крикнул Ромка.

И с разбегу. С ходу. С гамом. С шумом. С треском.

Четвёрка беглецов вихрем ворвалась в распахнутые двери. Промчалась по странному решётчатому коридору. И вдруг оказалась на...

Господа-товарищи львы!..

Пятьсот семь мальчишек. Восемьсот четырнадцать девчонок. И двести двадцать пять бабушек, дедушек, пап и мам сидели вокруг цирковой арены, обнесённой высокой металлической решёткой, и с нетерпением ожидали начала представления.

Вышел ведущий. В чёрном фраке с четырнадцатью большими блестящими пуговицами. В высоком чёрном цилиндре на голове. Он поклонился затихшей публике и громко объявил:

— Дрессированные львы!

Захлопали в ладоши мальчишки и девчонки. Заулыбались папы и мамы. Тихо охнули дедушки и бабушки.

Погасли люстры. Только арену освещали прожектора.

По специальному, сделанному из толстых железных прутьев тоннелю на арену с рыком выбежали пять большущих сильных львов. Они сразу принялись скакать по арене и так рыкали, что у зрителей первого ряда холодок побежал по спинам.

— Дрессировщик... — снова послышался голос ведущего, — заслуженный...

Он кашлянул, будто поперхнулся, и умолк.

А на арену вместо дрессировщика выскочили Ромка, Фомка и Артос. Чуть приотстав, ввалил-

ся Мишка. Походя он зацепил какую-то железку. С грохотом упала решётка, закрыв выход с арены.

У львов от удивления ноги ослабели. Где они стояли, там они и сели.

Но уже через миг загремел львиный рык.

Самый старший и самый сильный лев по имени Эд начал стегать себя хвостом по бокам, приговаривая:

— Такого не бывало, чтоб лез к нам кто попало. Нахалов надо наказать — схватить их всех и шкуры снять.

И Львица разинула пасть, на Ромку готовясь напасть.

— Мы пропали... Мы погибли... — Фомка вымолвил в тоске. И длиннющий хвост бессильно распластался на песке.

Выставив клыки наружу, дрожит Артос, как будто в стужу.

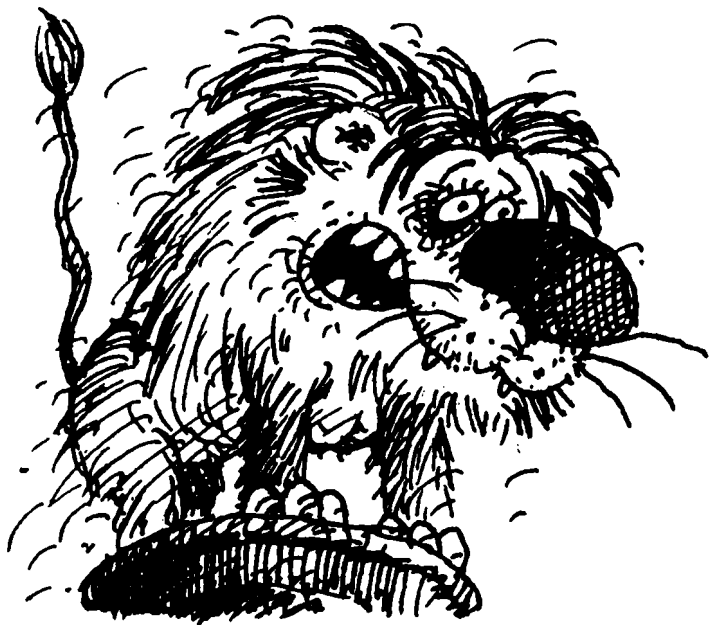
Мишка тоже задрожал. На четыре лапы встал. Бьёт медведя лихорадка. Стукотит о пятку пятка. — Хвост трясётся. Нос дрожит. По щеке слеза бежит.

Только Ромка — хвост трубой. Шея выгнута дугой. В глазах — ни страшинки. В ногах — ни дрожинки. Подошёл он к львам вплотную. Громко начал речь такую:

— Господа-товарищи львы! Все мы знаем, какие вы. Вы сильнее всех на свете — это ведают и дети. Вы храбрее всех вокруг — это знает

враг и друг. Но ведь вы ещё добры. Но ведь вы ещё мудры. Вы храбрее, и добрее, и мудрее всех зверей!

Храбрый, грозный, сильный Эд только хмыкнул в ответ.

А Львица спросила:

— Кто ты? И что тебе надо?

— Я — Ромка Ромазан. Это мои друзья. Мы решили спасти зверей и птиц и всё живое от Клык-Клыка Грумбумбеса и Орангула...

Тут все львы вскочили и подняли такой рёв,

что зрители помертвели от страха, решив, что сей миг разъярённые хищники разорвут на части непрошенных гостей.

— Распроклятый Орангул! Это он нас обманул! — прорычала Львица.

— Самый страшный враг на свете. Это он завёл нас в сети! — яростно рыкнул Эд.

— Отомстите ему и за нас! За всех отомстите! — грянули львы хором, выстраиваясь перед Ромкой.

— Отомстим, если сами выберемся отсюда, — вздохнул Ромка. — Видите, вокруг арены... И пожарники. И дворники. И охранники. Ждут не дождутся, когда вы нас разорвёте. А если выйдем, сцапают и — в мешок...

— Нет! — промолвил грозный Эд. — Не бывать этому! Уж мы вам покажем!

— А пока, — сказала Львица, — нам топтаться не годится. Начинаем представление!

— По местам! — скомандовал Эд.

Представление

Львы проворно расселись по высоким тумбам. Каждый на свою.

Ромка взял хлыст дрессировщика. Нацепил на голову его шляпу. Звонко щёлкнул хлыстом:

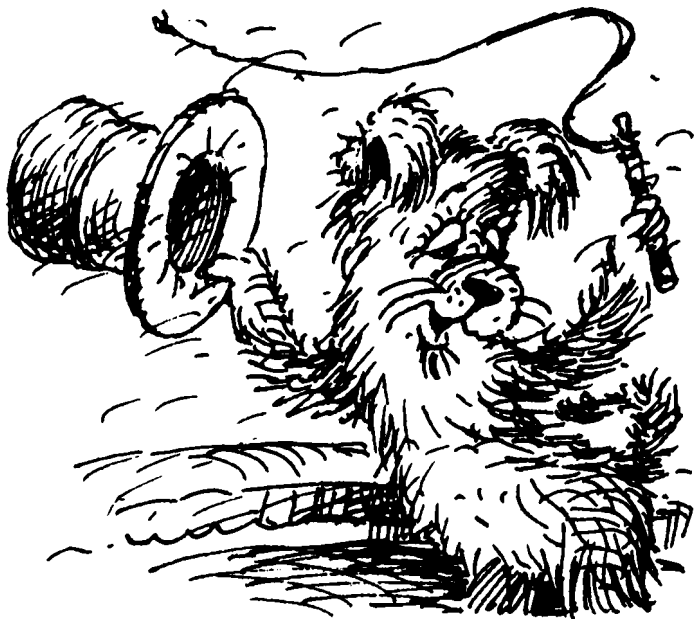
— Гон-ля-ля!

И пять львов одновременно встали на задние лапы и закивали головами.

Снова щёлкнул Ромка хлыстом:

— Тру-ля-ля!

Львы сыркнули с тумб и понеслись по кругу.

Ромка запрыгнул на спину Эда. Фомка — на спину Львицы, Артос вскочил на третьего льва по имени Леопольд. И начались настоящие скачки.

Мишка встал на пути несущихся по арене львов, и те перепрыгивали через его спину.

В цирке ребячьи звенят голоса:

— Здорово!

— Bravo!

— Вперёд!

— Чудеса!!!

Разметав гривы, вытянув хвосты, друг за другом несутся львы по кругу.

Мишка перед ними металлическое кольцо поднимает — и львы прыгают в кольцо.

Вскинет рейку. И львы скачут через рейку.

Потом Мишка подбочился и, пританцовывая, вдруг запел во всю силу своего таёжного могутного голоса:

Туби. Дуби. Доби. Да!

Что случилось — не беда!

Это просто лабуда!

Лабуда зелёная-я!

Он пел всё громче, всё раскатистей, заглушая даже вдруг грянувший оркестр.

А львы вместе с Ромкой, Фомкой и Артосом устроили доселе нигде ещё не виданный фантастический перепляс, выделявая удивительные коленца.

Сперва отбили трепака. Чуть когти не отпали. А после, подперев бока, вприсядку танцевали. А потом — колесом. А потом — кувырком.

А когда, охрипнув, Мишка смолк, запели львы:

Мы — не просто звери.
Мы — цари зверей.
Отворите двери.
Слышите? Скорей!

Львы маршировали под песню.

Яростные.

Разгорячённые.

Готовые к бою за свою свободу.

От их дружной и грозной песни Ромка забыл, что и сам с друзьями находится в западне. Что и его окружают железные стены, которые ни за что не сломаешь.

— Мы поможем вам вырваться на волю! — торжественно и громко воскликнул Ромка. — Клянусь!

— Клянусь! — подхватил Артос.

— Клянусь, — проворчал Фомка.

— Клянусь, — уркнул Мишка.

Тут послышался странный, всё усиливающийся металлический звук. Будто железом о железо тёрли. Будто железом по железу били.

Что-то большое и чёрное мелькнуло в воздухе.

И перед затихшими вдруг зверями появился Древний Ворон Каррыкарр.

Совет Каррыкарра

— Здрравствуй, Рромка! — проскрежетал Каррыкарр, складывая свои огромные, будто из чёрной жести откованные крылья и усаживаясь на тумбу.

— Здравствуй, добрый. Здравствуй, мудрый Древний Ворон Каррыкарр, — почтительно откликнулся Рромка, низко кланяясь Каррыкарру.

Артос и Фомка тоже поклонились Древнему Ворону Каррыкарру. При этом Фомка вскинул хвост восклицательным знаком.

И Мишка поклонился, приложив правую лапу к груди.

И львы отвесили поклон.

Зрители, решив, что начинается новый аттракцион, громко и дружно захлопали в ладоши, закричали, засвистели.

— Рразыгррали вы спектакль хорроший. Но порра его прреккращать. Пожаррники вас давно б рразогнали, да крраны пожаррные вдруг отказали. Пока все глазели, рразинув ррот. Мы перреккрыли водопрровод! Вот!

— Значит, Красный Лис тоже здесь? — сразу догадался Рромка.

— Он — веррный ддруг. А...

А в беде — таков обычай —
Друг приходит сам всегда...

Это тихонько пропел вдруг Фомка и, тут

же изогнув хвост вопросительным знаком, спросил:

— Только как нам выбраться из этой беды?

— Рраз пришла к тебе беда — не спеши сдаваться. Побеждает тот всегда, кто умеет драться...

— Мы готовы драться! — откликнулся Ромка.

— Давно готовы! — подхватил Артос, показывая свои белые, длинные, острые клыки. Древний Ворон Каррыкарр молчал.

На арене и на трибунах цирка вдруг наступила полная тишина.

Стояли львы полукольцом.

Ромка, Фомка и Артос встали кругом — к носу нос. Встали кругом и молчат, друг на друга не глядят. Замер и Мишка.

Склонив тяжёлую, будто из чёрного чугуна литую голову, Древний Ворон Каррыкарр думу думал и молчал.

Но вот он поднял голову, и все услышали:

— Если Оррангула вы не рразгрромите, бедных львов из плена не освободите. Лишь один Оррангул заклинанье знает, от которого железо, как сосулька, тает...

— Но как нам отсюда вырваться? — нетерпеливо спросил Артос.

— Вверх!.. Вверх!..

С хрустом, звоном и скрежетом расправил Каррыкарр огромные чёрные крылья. Взмахнул ими и полетел вверх, к круглому, похожему на дыру отверстию в куполе цирка.

— За мной! Карр! Карр!..

И, проскользнув в отверстие, пропал.

Вверх

— **В**от задача так задача, — молвил Фомка, чуть не плача.

— Безответнейший вопрос, — поддержал его Артос.

— Ворону пора бы знать: мы не птицы, чтоб летать!

Это Мишка проворчал.

Только Ромка промолчал.

Ромка знал, что Каррыкарр — очень мудр, хотя и стар.

Вот и стал Ромка думать, как же им добратся до отверстия в цирковом куполе.

Была бы лесенка...

Но лесенки — нет.

Был бы длинный шест...

Но и шеста нет.

Нет и верёвки.

Лишь высоко-высоко над ареной висит трапеция. Чуть повыше — ещё одна трапеция. А от неё — до самого циркового купола протянут толстый канат.

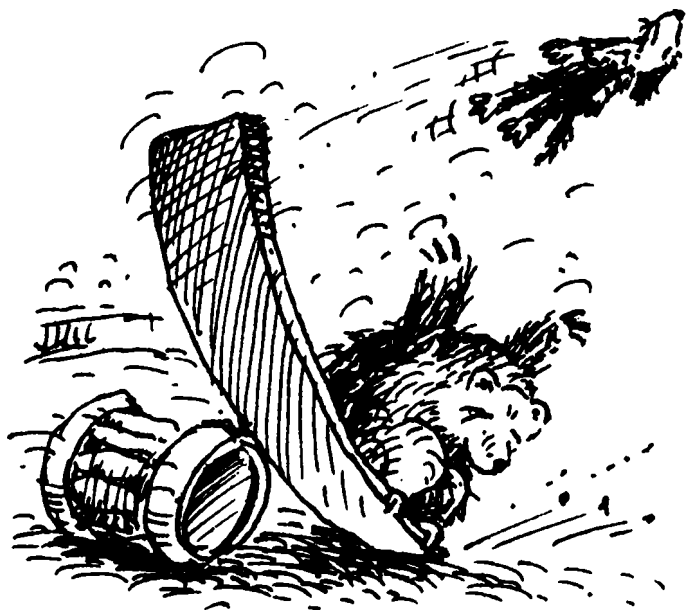
— Если бы подпрыгнуть до нижней трапеции... — мечтательно проговорил Ромка.

Самый старший и самый сильный лев по имени Эд, глянув на трапецию, сказал:

— Даже я. И даже с разбегу... Не допрыгну.

— Постойте! — обрадованно воскликнул Ромка. — А ведь я, кажется... кажется... приду-мал...

Все придвинулись к нему. Торопливо и негромко Ромка что-то сказал друзьям, и те заметили по арене.

Музыканты, решив, что представление возобновилось, грянули марш.

Заскучавшие было зрители захлопали в ладоши.

Мишка притащил чурбак. Положил на него доску. Получилась качель, на каких малыши во дворах качаются.

На опущенный конец доски встал Ромка. Подле другого, приподнятого конца встал Мишка.

— Готов? — спросил Мишка.

— Готов, — ответил Ромка.

Тогда Мишка подпрыгнул и на поднятый конец доски — бух!

Ромка ахнуть не успел, как под купол полетел. Так, что ветер засвистел.

Вот он изловчился. В трапецию вцепился. Подтянулся. Прочно сел. На арену поглядел.

А там уже Артос изготовился к прыжку-полёту.

Медведь на доску снова — бух! И ввысь Артос летит, как пух.

А следом Фомка — хвост крючком. Несётся вверх, вертясь волчком.

Публика хлопает.

Публика топает.

Публика громко свистит.

Публика дружно вопит.

— Браво!

В самом деле, где доселе вы ещё видали. Чтобы звери. Сами звери в цирке выступали.

Без постановщика.

Без дрессировщика.

Ромка, Фомка и Артос, как три птички, сидели рядышком на трапеции почти под самым куполом цирка.

В цирке бушевали аплодисменты. Били в ладоши даже пожарники, дворники и охранники.

Медные трубы оркестра едва не лопались от напряжения: так азартно и громко играли оркестранты туш.

А на арене снова заминка. Как подбросить на трапецию Мишку? Он ведь весил в двадцать раз больше Ромки. Только слон мог бы топнуть по доске так, чтобы Мишка взлетел. Но слона на арене не было.

Друг за друга хоть в огонь

Мишка беспомощно вверх поглядел. Мишка насупился и засопел.

— Всё... Я попался. Крышка...— грустно промолвил Мишка.

Ремонтники уже нашли, где Красный Лис перекрыл водопровод. Потекла вода по трубам. Пожарники стали разворачивать шланги.

Ещё минута-другая, и хлёсткие, жёсткие, неумолимые водяные струи из пожарных брандспойтов обрушатся на арену. Сметут с неё и львов, и Мишку.

— Я сейчас разбежусь, подпрыгну как можно выше и ударюсь о конец доски,— сказал самый старший и самый сильный лев по имени Эд.

— Нет,— возразила Львица.— Мы разбежимся вместе. Подпрыгнем вместе. И о доску ударимся вместе!

Два хвостатых, ловких, жёлтых, яростно рычащих шара. Так ударились о доску — цирк качнулся от удара. И неведомая сила Мишку

разом подхватила. Завертела. Закрутила. Вверх под купол подняла.

Ромка, Фомка и Артос помогли Мишке сесть на трапецию.

А по арене забили водяные струи. Будто плети витые, хлестали они львов, прогоняя с арены.

Вверх, к трапеции, где сидели четверо друзей, стала подниматься лестница.

Выше, выше!

Ближе, ближе!..

Сквозь грохот воды, крики переполошённых зрителей и львиный рёв долетел голос самого старшего и самого сильного льва по имени Эд:

— Прощайте! Не забывайте! Ждём!

— Будем перепрыгивать вон на ту трапецию, повыше,— сказал Ромка.— Оттуда по канату до купола и...

— Я — не голубь. Я — медведь. Мне туда не долететь. Если б можно разбежаться... Ухватиться, поддержаться... А иначе разобьюсь. Что поделать? В плен сдаюсь...

— Да, ему не доскочить,— согласился Ромка.

— Что же делать? Как же быть? — всполошился Фомка.

Мишка совсем расстроился и захныкал:

— И зачем меня, бедняжку, разбудили? Для чего меня, беднягу, оживили?

— Ну-ка! Качнём трапецию. Дружно. Раз! — скомандовал Ромка.

Все встали, упёрлись в деревянную перекладину задними лапами и качнули. А когда взлетели вверх, Ромка, будто кузнечик, скакнул на вторую трапецию, что была подвешена немного выше и к которой был привязан толстый канат, спускавшийся из-под самого купола.

Отвязал Ромка канат и по нему спустился к друзьям.

— Цепляйтесь живо за канат и — вверх! Первым полез по канату Фомка, бормоча: — Никакая погоня нас теперь не нагонит. Следом полз Артос, рыча себе под нос:

— Ах, как лихо, смело, ловко мы ушли из мышеловки.

Потом молча карабкался Ромка.

Последним пыхтел Мишка.

Не успели и половину пути одолеть, как Фомка выдохся и заворчал:

— Я не кошка. Не мартышка. Не могу я дальше. Крышка...

Тут и Артос повесил нос:

— Ничему и я не рад: нету сил держаться. Из-под лап скользит канат. Вверх мне не подняться.

И Ромка вдруг почувствовал, что у него разжимаются когти. Не собачье это дело — по верёвкам лазить.

— Нет и у меня сноровки удержаться на верёвке.

Тут подал голос Мишка:

— Боюсь я плена, как огня. К чему пустые речи? Скорей садитесь на меня. На спину. И на плечи. Я вместе с вами поднимусь. И быстро. И надёжно. Не беспокойтесь, не сорвусь. Ведь я медведь — таёжный...

Ромке, Фомке и Артосу очень неловко было

садиться на Мишку, который висел на канате, но... другого выхода не было.

Вцепились они в густую, крепкую медвежью шерсть. Прижались к жаркой, широкой Мишкиной спине. И замерли.

А Мишка вздохнул раз, вздохнул два и... полез по канату вверх. К спасительному круглому отверстию в центре купола, куда уже робко заглядывали ранние блёклые звёзды.

Опять в ловушке

Едва выбрались друзья на крышу цирка, как тут же послышалось:

— Скорее... Скорее... Направо... Направо...

По круглому куполу Ромка, Фомка, Артос и Мишка кубарем скатились вниз и очутились на крыше невысокого пристроя, в котором жили цирковые звери.

И снова голос Каррыкарра:

— Деррево ррядом... Деррево ррядом... Прыгайте...

У стены пристроя рос высокий раскидистый тополь. Прыгнул на него Ромка и по стволу спустился вниз. За ним — Артос. И Фомка. И Мишка.

А под тополем их ждал Красный Лис.

Друзья крепко обнялись с Красным Лисом, потёрлись носами.

— Ну и задали вы нам задачку,— весело проговорил Красный Лис.— Еле успели.

— Как вы узнали? — изумился Фомка, сворачивая хвост вопросительным знаком.

— Любая весть до нас дойдёт. Листок листку её шепнёт. И эхом повторится... Травинка скажет птице. А дальше Стрекоза помчит, трубя вокруг тревогу. О ней Кедровка прокричит. И так вот, понемногу. От травки к дереву. К воде. Незримо, не приметно. К нам весть приходит о беде. Приходит непременно.

— Да...— вспомнил Ромка.— Ты говорил нам об этом, перед тем как мы угодили в царство Спиешпей.

— Там теперь буровики поставили Великаншу Буровую. На острове разрослись берёзы. Цветут цветы. Зеленеют травы...

— А Соня Первый Котофеич? — грозно спросил Артос.— И эти гадюки...

— Все они укрылись в Каменном лесу страшного и непобедимого Орангула,— ответил Красный Лис и вдруг насторожённо умолк.— Слышите? Вас ищут. Надо уходить. Немедленно. В лес!

— Как уходить? Скажи скорей. На улицах полно людей,— растерянно спросил Мишка.

— А может быть, нам переждать? Наступит ночь — тогда бежать,— неуверенно высказался Фомка.

— Может, нору вырыть нам и укрыться вместе там,— предложил Мишка.

— Нам не нору надо рыть. К речке нужно уходить,— сказал Ромка.

— Очень правильный совет. И пути другого — нет! — поддержал Ромку Красный Лис и вдруг предостерегающе вскинул лапу.— Тсс!.. Сделаем так...

Мишка, Фомка и Артос спрятались в густом кустарнике. А Ромка и Красный Лис отправились на разведку.

Цирковой скверик примыкал к большому

городскому парку. В этот вечерний час в парке былолюдно, шумно и весело.

Кто качался на качелях. Кто сидел на каруселях. Кто мороженое ел. Кто гулял да песни пел.

По аллеям бродят пары. В чайной пьют самовары. В тире выстрелы гремят. На площадке для ребят — пыль столбом, и визг, и крик: внучку потерял старик. Ищет бедный. Чуть не плачет. Внучка с куклой сзади скачет.

Сиреневые сумерки по парку разлились. И, словно звёзды жёлтые, фонари зажглись.

Листья на деревьях всё тише шелестели. Птицы спать устроились и уже не пели.

Ромка еле уговорил Красного Лиса, чтобы тот не высовывался из высокой густой травы у изгороди. Там не было ни тропинок, ни аллей. Никто не гулял, не играл.

Ромка — в зубы палочку. И пошёл вразвалочку.

Хвост у Ромки — трубой. Шея выгнута дугой.

Ниже подбородка — рыжая борода. И как будто для красы — тоже рыжие усы.

Он идёт, хвостом колышет. Всё он видит. Всё он слышит. Всё он чувствует вокруг. Вдруг...

Увидел Ромка Мороженщицу с тележкой. Повесив халат на ручку тележки, Мороженщица старательно примеряла высокую белую шапочку.

Тут Ромку и осенило...

Лисий воротник

Мороженщица стала было натягивать свой халат, как вдруг замерла, увидев в траве у забора что-то красное.

— Как огонь... — пробормотала она, вешая халат на ручку тележки. — Что бы это?..

В высокой зелёной траве неподвижно лежала необыкновенно большая, очень красная и дивно красивая лиса.

— Ах, какая красота! Как она попала? Я такого хвоста сроду не видала!

Бесшумными маленькими шажками Мороженщица стала подкрадываться к безжизненно распластавшемуся Красному Лису.

Замер Лис. Лежит, не дышит: шевельнуться не моги. Глаз закрыт. А ухо слышит. Слышит робкие шаги.

Подошла Мороженщица, наклонилась, погладила пышный лисий хвост.

— Ах, какой воротник! Ах, какая шапка! Как бы только унести...

Сняла косынку с плеч, примерила, не завернуть в неё лису, мала косынка!

Кинулась к знакомой продавщице за мешком.

Едва Мороженщица отошла от тележки, как тут же подбежали Артос, Фомка и Мишка.

Напялил Мишка белый халат Мороженщицы.

— Ну, как?

— Хорошо, — ответил Ромка.

— Хорошо, — поддакнул Фомка.

— Хорошо, — сказал Артос. — Только надо спрятать хвост.

Мишка нахлобучил на голову белый колпак. Повязал шею цветным платочком и опять спросил:

— Ну, как?

- Халат застегни,— посоветовал Ромка.
- Голову ниже нагни,— подсказал Фомка.
- И чтоб ни звука. Ни-ни! — предупредил

Артос.

Мишка голову нагнул, ссутулился и покатил тележку к выходу из парка.

Обогнав немного Мишку, Ромка семенил вприпрыжку. Он прохожих отвлекал. Будто мячик, вверх скакал. Делал стойку. А потом. Раз пятнадцать кувырком.

Фомка и Артос прикрывали Мишку с флангов.

Улыбается народ:

— Глянь, собачий цирк идёт.

Вот и кончился забор!

Вот зелёный светофор!

Друзья не спеша пересекли самую людную главную улицу.

Потом перешли улицу поуже и потише.

Вот тогда они поняли, что опасность позади.

Мишка разогнулся и звонко шлёпал босыми пятками по пыльному асфальту. Белый колпак съехал набок. Куцый хвост высунулся из-под халата.

И Ромка почувствовал, что устал, тихо и медленно зашагал.

И Фомка с Артосом — как на прогулке. Шагают неспешно по переулку.

Шагают, не глядя даже вокруг.

А в это самое время вдруг...

Тётя Капа

А в это самое время вдруг вышел из калитки мальчик с папой.

Папа был задумчив и по сторонам не глядел.

А мальчику думать пока было не о чем. И он сразу заметил трёх псов, шагающих вокруг странной толстой Мороженщицы.

Заметил и говорит отцу:

— Погляди-ка, папа. Это тётя Капа.

— Наверное, — буркнул отец, не глянув.

— А почему у Капы вместо ног лапы? А из-под халата — хвост?

— Какие лапы? Какой хвост? — переспросил отец, а сам всё-таки присмотрелся к странной Мороженщице. Да вдруг как закричит:

— Это никакая не тётя Капа! Это переодетый медведь! Люди! Сюда! Медведь!!!

Из калиток и ворот повалил валом народ. Кто с поленом. Кто с колом. Ну, а кто и с топором.

И сказал Ромка:

— Ну-ка, братцы, выше ноги! Драпанём-ка вдоль дороги! Здесь до речки близок путь. Доберёмся как-нибудь!

Мишка скачет — пыль клубится. За медведем Фомка мчится. Подгоняя Фомку с Мишкой, Ромка катится вприпрыжку. Сбоку стелется Артос: не поймёшь, где хвост, где нос.

А погоня по пятам. Слышен крик и тут, и там:

— Догоняй!

— Лови!

— Хватай!

Собачьи хвосты и лапы мелькают. Никак не понять, кто кого догоняет? Собаки медведя? Иль — наоборот? Кто разглядит? Кто разберёт?

Но вот и берег реки.

— За рекою — лес.

— За рекою — спасенье.

Но берег оказался высоченным, обрывистым и крутым. А внизу у воды — свалка: железки, кирпичи, обломки бетонных плит. Прыгнешь с кручи — обязательно врежешься в эти железобетонные обломки. Не убьёшься, так непременно кости переломашь.

Что же делать?

А погоня ближе.

Что же делать?!

А погоня — рядом.

— Видно, нам придётся драться. Становитесь кругом, братцы! — крикнул Артос, обнажая клыки.

Тут Ромка увидел высоченный Тополь, росший на самом берегу. Прямо над обрывом.

Подлетел к нему Ромка с поклоном:

— Милый Тополь, выручай. Ствол сильнее раскачай. Посади нас на вершину. Кинь в реку. На середину.

Тополь качнулся. Дугою согнулся.

Ромка, Фомка, Артос и Мишка вцепились в кудлатую зелёную макушку Тополя.

Хрустнув, Тополь резко распрямился и зашвырнул друзей чуть не на середину реки.

Тут и погоня подлетела:

— Ах!

— Ох!

— Вот так на!

Вдруг донёлся громкий крик:

— Ой! Держите воротник!

Что-то красное мелькнуло и, описав дугу, ухнуло в речку, далеко от берега.

Это был Красный Лис.

Чёрное царство

Лес на берегу реки — весёлый, нарядный.

Белые берёзки. Белой стаяей. На опушке леса. Неподвижно встали. Тонкие осинки трепетно дрожат. А на них росинки серебром блестят.

Гибкая рябина — лесная балерина. Влево, вправо гнётся — вот-вот взлетит, взовьётся.

Даже колкая боярка зеленеет ярко-ярко.

Вот какой нарядной, яркой, цветущей и пахучей была опушка леса, к которой направились Ромка, Фомка, Артос, Мишка и Красный Лис.

За нарядной опушкой начинался сосновый бор. Высоченные и стройные, чуть тронутые краснотой сосны подпёрли макушками облака и глухо, напевно гудели.

За бором сосновым начинался бор кедровый. Могучие, кряжистые кедры стояли поодаль друг от друга — величаво и гордо, как лесные богатыри. В косматой тёмной зелени кедров голу-

бели большие, тяжёлые и сочные шишки с очень вкусными орешками.

А за кедровым бором начинался дремучий лес.

Плотными шеренгами стояли угрюмые ели, воинственно оцетинясь длинными и колкими тёмными иголками.

Густой чёрный пихтач заступал подступы к ельнику. Пихтовые цепкие лапы сплелись паутиной, которую нелегко разорвать.

Кто паутину эту разорвёт, сквозь колючий ельник прошмыгнёт, в буерак глубокий попадёт.

Там ни солнца нет, ни света. Мрачно там зимой и летом. И гнездится по углам вся лесная нечисть там.

За буераком начинались болота. Топкие. Непроходимые.

А вот за болотами были владения самого Орангула.

В чёрном-чёрном Каменном лесу было укрыто Чёрное озеро.

Вода в том озере черней, чем чёрные чернила. Нет в нём ни щук, ни окуней. Ни ряски нет. Ни ила.

Густа и клейка в нём вода. Кто угодил в неё — беда: уже не выплыть никогда.

На озере каменный остров стоит. На нём есть дворец из каменных плит.

В нём жил владыка чёрного каменного царства — злой и беспощадный волшебник Орангул, старший брат Клык-Клыка Грумбумбеса.

Орангул

— Ты помнишь Клык-Клыка Грумбумбеса? Он похож на огромного. Ну, прямо преогромного. Наигромаднейшего паука.

Двенадцать лап — когтистых, волосатых.

Спина — черна, мохната, полосата. Глазищи жёлтые, как факелы, горят. Сверкает саблями клыков загнутых ряд. А на конце хвоста — огромный крюк. Кто на него попал — тому каюк.

Вот каков был Клык-Клык Грумбумбес.

А Орангул в сто раз Клык-Клыка Грумбумбеса крупнее. Коварнее, жаднее его и страшнее.

Если он на лапы встанет, то упрётся в небосвод. На кого свирепо глянет, сразу тот навек уснёт.

Если рывкнет Орангул — сотрясает горы гул. Звёзды валятся с небес. Падает дремучий лес.

Но главная сила Орангула была в волшебстве. Он один знал заклинание, от которого камень и железо превращались в прах.

Он такие знал слова — с плеч слетала голова. Потухал костёр любовью. Закипал кровавый бой. Подымался ураган. Волновался океан.

Всех ему непокорных рыб, птиц и зверей Орангул околдовал, и те, утратив вдруг нюх и слух, либо попадали под выстрел охотника, либо забредали в сети, силки и капканы, либо срывались с круч, проваливались в топи, словом — погибали.

Всё это Ромке, Фомке, Артосу, Мишке и Красному Лису рассказал Древний Ворон Каррыкарр.

— Его презируют все звери и птицы. Но

даже оррёл с ним встречаться боится. Коваррен и страшен враг Оррангул...

— Спасите меня от него. Караул! — Это крикнул Фомка, свивая восьмёркой хвост.

Никто не засмеялся над Фомкиной шуткой. А Ромка спросил Каррыкарра:

— Так что ж, Орангул непобедим? Нам никогда не справиться с ним?

Каррыкарр долго сидел и молчал. То ли он думал. То ли дремал.

Приуныв, умолкли псы. Ромка ворошил усы. Фомка сделал хвост вопросом. Почесал Артос под носом.

Мишка сонно тёр глаза.

Ну а Красный Лис сказал:

— Мудрый Ворон Каррыкарр. Ты всё ведаешь, всё знаешь. Неужели нет средств одолеть Орангула, вывести у него волшебное заклинание, спасти бедных львов и всех других околдованных им зверей и птиц?

— Добрро, и пррравда, и дрружба сильнее любого врага. В Чёррном озере пррастёт Чёрная Кувшинка. Кто Кувшинку прраздобудет, тот Оррангула одолеет... Я устал. Я очень старр. Карр... Карр... Карр!!!

Древний Ворон Каррыкарр расправил чёрные, будто из железа сделанные крылья.

С шумом и звоном взмахнул ими.

Оторвался от земли.

И пропал из глаз...

Чую вражий дух

Чёрное озеро спит. Не колышется.

Чёрное небо над ним ни одной звездой не светится.

Чёрный лес вокруг не шелохнётся.

Из чёрных каменных глыб сложенный чёр-

ный замо́к Орангула трубами не дымит, дверями не скрипит — тоже спит.

Чернота... Чернее ночи — чернота...

Немота... Немее камня — немота...

Слепота... Слепей слепого — слепота...

И в этой немой слепой черноте бесшумно, незримо движется ночная патрульная охрана Орангулова владения: сторожевые Гадюки и стражники Ежи.

Неусыпно стережёт волшебную Чёрную Кув-

шинку Краб-великан. Он и с закрытыми глазами всё видит.

Храпит всесильный Орангул. Не спит у спальни караул. Ждёт замок не дожётся. Когда злодей проснётся.

И вот проснулся Орангул. Поплыл по замку грозный гул. Владыка песню затянул. Всегдашнюю. Любимую:

Я — всемогущий Орангул!
Я — вездесущий Орангул!
Я подпираю небеса,
Мне всё вокруг подвластно:
Моря. И реки. И леса,
И даже солнце красное.
Я кашляну — и вспять река,
Ложится в лёжку лес.
А если крикну — облака
Срываются с небес.
Всех страшил страшнее — Я!
Силачей сильнее — Я!
Хитрецов хитрее — Я!
Я — никем не победим.
В целом свете Я — один
О-ран-гул!..

И долго под высокими каменными сводами замка плескалось гулкое, раскатистое эхо:

— Гу-у-у...

— У-уу...

Выкатилось эхо из замка на остров, и дрогнул тот от страха.

Скакнуло эхо в Чёрное озеро, и то заколыхалось, заволновалось.

И только Чёрная Кувшинка не шелохнулась. Она не боялась Орангула. Тот сам боялся, как бы кто-нибудь не сорвал Чёрную Кувшинку, которую день и ночь неусыпно стерёг всевидящий, всеслышащий Краб-великан.

Долго ворочался Орангул на каменной кровати, которая занимала самую большую, самую тёмную залу каменного дворца.

По-настоящему Орангула, кроме Клык-Клыка Грумбумбеса, никто не видел. Потому что все боялись смотреть на Орангула.

Одни говорили: он похож на птицу. Другие говорили: он похож на ящерицу. Третьи утверждали: он — как огромная летучая мышь.

А на самом деле? На самом деле никто не знал, какой он.

В самом деле — верь не верь — он полуптица, полузверь.

Он мог летать и плавать, прыгать и бегать. Вот он пошевелил ноздрями и рывкнул:

— Чую вражий дух!

Слуги Орангула

И тут же в спальню Орангула колобком вкатился Соня Первый Котофейч. Тот самый, ко-

торый управлял царством Спиешьпей и посадил в Кактусовую тюрьму Ромку, Фомку и Артоса.

Соня Первый Котофеич от порога запищал:

— С добрым утром, повелитель. Наш владыка. Наш учитель. Наш великий господин. В целом мире ты — один. Как изволил почивать? Можно ль завтрак подавать?

Орангул очень любил подхалимов, потому и улыбнулся Соне Первому Котофеичу и милостиво проурчал:

— Что там на завтрак?

— Приказали вы вчера: трёх телят и осетра.

— М-м... Пожалуй, маловато. Может, есть ещё волчата? — спросил Орангул.

Соня Первый Котофеич ещё тише и ещё угодливей пропищал:

— Должен ты повелевать, наше дело — исполнять. Услужить тебе я рад. Подадим сейчас волчат.

Злой, коварный Орангул питался живой рыбой, живыми птицами и зверятами. Орангуловы слуги целые дни рыскали по лесам, отнимая малышей у птиц, у рыб и у зверей.

Если же кто не повиновался Орангулу, не отдавал своего детёныша, того Орангул съедал либо околдовывал, превращая в каменного.

Соня Первый Котофеич уже приоткрыл дверь, чтобы выкатиться из спальни, как вдруг Орангул крикнул:

— Стой!

Соня Первый Котофеич так и замер от страха.

А Орангул вытянул длинную шею. Покрутил змеиной головой. Принюхался. Грозно спросил:

— Чуешь вражий дух?

— Н-нет, повелитель... — проямлил перетрусивший Соня Первый Котофеич.

— Ну, лентяй! Балбес балбесом! Кликни живо Грумбумбеса!

Тут же Клык-Клык Грумбумбес в дверь открытую пролез:

— Что случилось?

— Слушай, Клык-Клык Грумбумбес! Надо весь обшарить лес! Ночью враг туда пролез. Негодяев изловить. Допросить! И всех казнить!

Каменный лес

Ромка, Фомка и Артос вместе с Мишкой и Красным Лисом быстро миновали нарядную лесную опушку. Бесшумно проскользнули по тенистому, пахучему сосновому бору. Пересекли кедровник. Пробились сквозь заросли пихтача и через густой колкий ельник. По невидимой тропке проскочили буерак, перешли болото. И опять очутились в густом лесу.

Тут друзья поубавили прыть: где-то совсем рядом начинались владения Орангула, и надо было держать ухо востро.

Впереди шли Красный Лис и Ромка.

Мишка косолапый семенил следом.

Артос и Фомка шагали, чуть приотстав.

Все пятеро прислушивались. Принюхивались.

Приглядывались.

Вот встала Ёлочка на Ромкином пути. Надо было Ёлочку сбоку обойти. Ну, а Ромка Ёлочку наклонить хотел. Только даже ветку сдвинуть не сумел.

— Она что, каменная? — удивлённо пробормотал Ромка.

Потрогал Красный Лис Ёлочку, понюхал её и говорит:

— Верно. Каменная.

Иглы зелёные — не шелохнутся. Ствол — не колышется. Ветви — не гнутся. Нет белой серы. Не пахнет смолой... Лес-то вокруг совсем неживой...

Мох под ногами — твёрдый, как камень.

Каждая травка — будто булавка.

Словно железные листья берёз. Бабочек нет.
И нету стрекоз.

В мёртвом лесу нет и птиц. Не поют.

Жутко.

И мрачно.

И холодно тут.

Вдруг из-за ёлки донеслось:

— Скорей сюда! Смотрите, Лось!

Кинулись все к Лосю, а тот будто из камня
вытесанный.

И ручей перед Лосем — не живой, а будто
стеклянный.

— Ну уж... Это уж. Совсем уж. Ни к чему
уж... — озадаченно пробормотал Ромка.

Фомка сделал из хвоста огромный вопро-
сительный знак.

— Что за фокус, в самом деле? Все вокруг
окаменели! — сердито проговорил Артос.

— Как же быть? Кого спросить? И трави-
ночки живой — ни одной! — озадаченно пробор-
мотал Ромка.

— Выход есть, — Медведь сказал. — Гляньте-
ка Лосю в глаза. Ведь они живые. Только
что немые.

Глянул Красный Лис в живые горящие
глаза Каменного Лося и тихо, задумчиво про-
изнёс:

— Этот взгляд, немой и гневный, не поймёт
ни мал, ни стар. Разве только Ворон Древний,
Древний Ворон Каррыкарр...

И тут же послышались хорошо знакомые металлический скрежет, скрип и позвякивание. На окаменелый пенёк среди окаменелой травы опустился Древний Ворон Каррыкарр.

Он уже знал, зачем понадобился друзьям.

Вот Мишка встал на задние лапы — нос к носу с Каменным Лосем, Каррыкарр взлетел на Мишкин затылок и оказался с Лосем глаза в глаза.

Тихо и невнятно Каррыкарр спросил что-то у каменного Лося и стал читать ответ в его глазах.

А потом, усевшись на пенёк, Каррыкарр сказал:

— Вы вступили в Оррангуловы владенья. Этот Лось не дал Лосёнка на съедение. Вот Оррангул его и наказал. Всё живое Оррангул либо съедает. Либо сразу в мёртвый камень превращает. Из владений Оррангула — прочь сейчас! А не то он в камень превратит и вас...

— Нет! — Артос воскликнул. — Нет! Хотя и мудрый твой совет. Мы пришли сюда сражаться. С Оррангулом насмерть драться. А не прятаться в кусты. Как советуешь нам ты!

И Артос оскалил клыки. Поднял когтистую лапу.

— Одолеет Оррангула только тот, кто Кувшинку в Чёрном озере сорвёт.

— Но ведь озеро-то там, куда нет дороги нам, — подал негромкий голос Мишка.

— Тихо! — Красный Лис припал ухом к земле.

Ромка тоже приложил ухо к земле и сразу услышал знакомый перестук лап Клык-Клыка Грумбумбеса.

— Клык-Клык Грумбумбес к нам несётся через лес, — сказал Ромка.

— С ним Гадюк — восемь штук. Шесть Ежей-сторожей, — добавил Красный Лис.

И снова воинственно закричал Артос:

— Нам теперь они не страшны! Мы теперь грозны и сильны! С нами Мишка. С нами Красный Лис. Клык-Клык Грумбумбес, поберегись!

Военный совет

Невдалеке от заколдованного Каменного леса в высокой густой зелёной траве затаились Ромка, Фомка, Артос, Красный Лис и Мишка.

Затаились и стали ждать.

А Каррыкарр взлетел на макушку самой высокой ели и тоже замер, выжидая.

Вот на опушку каменного леса в окружении сторожевых Гадюк и Ежей-сторожей выскочил Клык-Клык Грумбумбес. И сразу скомандовал:

— Нос утри! Прочисти ухо! Зорче смотри! Слушай и нюхай!

Вытянули шеи сторожевые Гадюки. Ощети-

нили иглы Ежи-сторожа. И нюхали. И слушали. И во все стороны глядели.

— Знакомый дух, — злобно бормотал Клык-Клык Грумбумбес. — Опять эти псы? Помните? Те самые, что удрали из Кактусовой тюрьмы?!

— Как ше, как ше, — зашипели сторожевые Гадюки. — Ошчень хорошо...

— Помним злодеев! Помним врагов! — откликнулись Ежи-сторожа.

Клык-Клык Грумбумбес на ёлку каменную влез. Оглядел окрестный лес.

— Угадай попробуй сам: что же надо этим псам?.. Жалко мне их. Ха-ха-ха! Участь их — совсем плоха. Это им не Спиешьпей. Орангул их всех сильнее! Ровно через десять дней. Всё вокруг окаменеет. Всё живое онемееет. Рыба, зверь, трава и птица в мёртвый камень превратится.

Тут Гадюки и Ежи заприплясывали, го-
лося:

Каменному лесу — не страшен топор!

Каменному лесу — не страшен мотор!

— Скажем Орангулу. Утроит караулы! —
решил Клык-Клык Грумбумбес.

Привстав на шести лапах, другими шестью он погрозил невидимым врагам и крикнул:

— Всех найдём, голубчики! Будете вы в суп-
чике! За один присест Орангул вас съест!

— Подавится, — тихо проговорил Ромка.

А Клык-Клык Грумбумбес со свитой сорва-
лись с места, кинулись в гущу Каменного леса
и скоро пропали из виду.

В круг друзья сошлись опять. Стали думать
да гадать. Что им делать? Как им быть? Как
врага перехитрить? От злодея Орангула лес, зве-
рей и птиц спасти. Из железного из плена львов
несчастных увести?

Долго думали. Молчали.

Фомка сжался от печали.

А Артос повесил нос.

Ромка вдаль глядел угрюмо.

Красный Лис молчал и думал.

Древний ворон Каррыкарр бормотал:

— Ах, как я старр...

Тут совсем неожиданно поднялся Мишка и не очень громко, не шибко уверенно проговорил:

— Здесь нужна разведка. В Орангулов тыл.

— Точно! — гавкнул Ромка. — Я пойду и Фомка. Мы пройдем, где сроду никто не проходил.

Артос промолвил тут:

— Друзья! Идти в разведку должен я.

Тут и Красный Лис ввязался в спор, доказывая, что скорей, бесшумней и верней его никто в Орангулов тыл не проникнет.

Так они спорили долго и громко. До тех пор пока Каррыкарр не спросил, как же они надумали пробраться через Каменный лес, перехитрить Клык-Клыка Грумбумбеса и многочисленную охрану Орангула?

И опять всех удивил Мишка. Отбежав в сторону, он рухнул на землю и окаменел.

Его и щекотали, и мяли, и трепали. Дули в уши. Дули в нос. Мишка будто в землю врос. Даже глазом не моргнул. Волоском не шелохнул. Каменный — да и только!

— Прекррасно! — каркнул Каррыкарр. — Но ты пахнешь медведем.

— Вымажем его глиной. Она засохнет корочкой. Через нее никакой запах не пробьётся,— предложил Ромка.

Так они и сделали...

Мишкина разведка

Чёрной ночью в чёрном Каменном лесу ничего не видно.

В кромешной каменной тьме Мишка двигался осторожно и медленно, крохотными шажочками.

Ноздри Мишка раздул.

Глаза Мишка раскрыл.

Уши Мишка наострил и торчком поставил.

Сделает два-три шажка и остановится, замрёт.

Понюхает.

Послушает.

Пошарит лапами вокруг.

И снова вперёд.

Вдруг впереди замаячили огоньки. Это патруль сторожевых Гадюк. На каждой Гадюке сидел Светлячок и горел, как фонарик.

Подползли сторожевые Гадюки к Мишке. Замер тот, будто окаменел, даже дышать перестал.

Гадюки его кольцом обступили. Со всех четырёх сторон осветили.

И заспорили: каменный он или живой?

Тычут Мишку пиками. Кусают и жалят. Да только ни зубы, ни пики, ни жала гадючьи не могут глиняную скорлупу пробить.

А Гадюки всё равно не унимаются. Пуще прежнего спорят:

Одна шипит:

— Чего стоиш-ш-шшь? Чего ты ждеш-ш-шшь, начальник караула? Спеш-ш-шши... Ползи... Скорей буди... владыку Орангула.

Другая Гадюка наперекор первой:

— Орангула не тревош-ш-шшь. Сам в ловушку попадеш-ш-шшь...

— Пропадёш-ш-шшь...

— Пропадёш-ш-шшь...

— Пропадёш-ш-шшь...

— Ш-ш-шша! — прошипел Начальник Караула. — Медведь попался в чары Орангула. При-ш-шшёл сюда и враз окаменел. И пусть лежит. У нас по горло дел.

И вот уж нет сторожевых Гадюк. И снова темень страшная вокруг.

Перевёл Мишка дух и только поднял лапу, чтобы шагнуть, как вдруг...

Замер Мишка, вновь не дышит. Отдалённый шорох слышит.

Ш-ш-шшуурх...

Ш-ш-шшарх...

Ш-ш-шширх...

Это хитрый Начальник Караула послал своих Гадюк проверить исподтишка, не шевелится ли Медведь.

Вот уже совсем рядом ползут, сопя, Гадюки. Ползут без Светлячков, в сплошной темноте.

«Сколько их? — гадает Мишка. — Кажется, четыре».

Одна Гадюка замерла подле самой Мишкиной лапы. Приподнял её Мишка и беззвучно опустил на голову Гадюке. «Ещё три осталось».

Скоро Мишка и с ними расправился так же.
И снова вперёд разведчик идёт.

Каменные сучья цепляются, как крючья. Каменная травка колет, как булавка.

В царапинах и шишках. Медленно, чуть-чуть продолжает Мишка свой опасный путь.

Осторожно, Мишка! Не зевай, гляди...

Чёрное озеро...

Коварное озеро...

Волшебное озеро...

Где-то впереди...

А где?

И всё-таки разведчик Мишка добрался наконец до Чёрного озера, в котором росла волшебная Чёрная Каменная Кувшинка.

Но едва он вышел к озеру, как начался рассвет.

Надо было спешно убираться. В каменную чащу забиваться.

Но Мишка в чащобу не побежал. Не спрятался он. Не задрожал.

Он знал: только на восходе солнца можно было увидеть в чёрной воде Чёрную Кувшинку. И Мишка решил дожидаться утренней зорьки. Найти место, где под водой прячется Чёрная Кувшинка.

Взошло красное солнце. Окаатило золотым дождём Чёрное озеро. И сразу стала видна Чёрная Кувшинка.

Трижды всплывала она из воды и снова

погружалась. А в том месте, где показывалась Чёрная Кувшинка, неподвижно торчали из воды три странных каменных гриба.

«Что за грибы?» — подумал Мишка. И только подумал, как грибы эти вдруг зашевелились, заворочались и стали высовываться из воды, поднимаясь над озером всё выше и выше.

Оказывается, это и никакие вовсе не грибы, а три головы главного стража Чёрной Кувшинки — беспощадного, кровожадного Краба-великана.

Мишка отродясь не видывал таких страшилищ, как Краб-великан. И сказок про такое чудище не слышал.

А Краб-великан открыл вдруг сразу три огромных жёлтых глаза. На солнце красное взглянул. В три широченных рта зевнул.

— Ох-хо-хох! Ах-ха-хах! Не держусь я на ногах. Ночь Кувшинку сторожил. Спать охота — нету сил. Вот сейчас на дно нырнём. До обеда храпанём!..

«Кто же победит злодея, если я окаменею?» — подумал вдруг Мишка, разглядывая Краба-великана.

И таким решительным, смелым и воинственным стал Мишкин взгляд, что Краб-великан его сразу почувствовал. Навёл он на Мишку сразу три глаза — огромных, жёлтых и ярких, как горящие тракторные фары.

— От-ку-да-да э-то чу-до?

Краб-великан выговорил это так тяжело и медленно, будто вместо слов швырял тяжеленные, грубые, неотёсанные каменюки.

Схватка

Стоило Крабу-великану выговорить свой вопрос, как тут же из-за каменных кустов выскользнуло шесть сторожевых Гадюк.

За ними взвод Ежей-сторожей.

Клык-Клык Грумбумбес будто бы упал с небес. Иль из-под земли явился. Праз — и тут!

Выступил вперёд Начальник Ночного Караула и сказал:

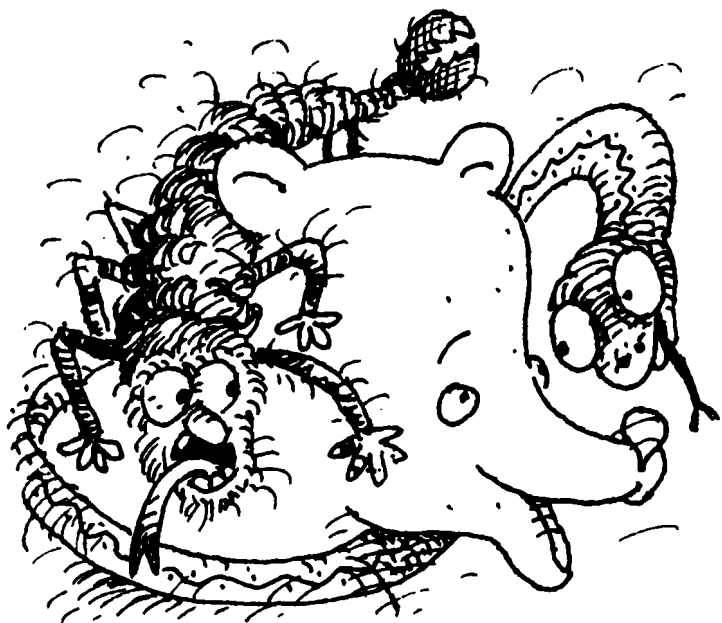
— Мы видели этого медведя ночью. Он лежал окаменелый. Как же он сюда пробрался? Почему здесь оказался?

— Слушайте... Да это ведь... Это ведь живой медведь... — пробормотал Клык-Клык-Грумбумбес, оглядывая Мишку со всех сторон.

— Э-то Ла-зут-чик, — медленно, по слогам выговорил Краб-великан. — Ну-ка е-го про-верьте. Ко-ли-те! Щи-пай-те! Бей-те!

Гадюки хвостами Мишку пороли. Ежи иглами Мишку кололи. А Клык-Клык Грумбумбес ему на спину влез. И когтистой лапой Мишку исцарапал.

Мишка не шелохнулся. Не пискнул. Будто и в самом деле каменный.

— Сам я е-го сей-час ис-пы-таю, — грозно молвил Краб-великан.

Приподнялся страшный Краб и клешней медведя цап.

Мишка ойкнул. Отшатнулся. Правой лапой замахнулся. По макушке трахнул Краба. Да ударил, видно, слабо.

Только рыкнул Краб-великан.

Только гикнул Краб-великан.

И вся вражья стая кинулась на Мишку.

Тут такой начался бой... Ой-ой-ой!

Бьются, не щадя друг друга. Треск и гул на всю округу.

Мишка всё же изловчился. В Краба лапами вцепился.

От земли он Краба оторвал. Выше леса Краба приподнял. И с размаху. Что есть духу. Бах о камень Краба брюхом.

Краб не ждал такой напасти. И рассыпался на части.

Сторожевые Гадюки и стражники Ежи кинулись кто куда. А перепуганный Клык-Клык Грумбумбес метнулся за подмогой к Орангулу.

Тут бы Мишке и пуститься наутёк из заколдованного Каменного леса. Но вновь всплыла Чёрная Каменная Кувшинка. Стоит её сорвать — оживёт лес и его обитатели. А уж они-то защитят, не дадут в обиду.

Мишка разбежался и скакнул в озеро.

Но в тот самый миг, когда Мишка разбегался, разбуженный Орангул торопливо прошептал:

— Ораглыз... Орагез... Орагей... Кто пришёл незванным в лес — камней...

В тот же миг распластавшийся в прыжке Мишка окаменел.

Рухнул каменной глыбой в озеро и потонул. И лёг на дно безмолвным, бурым камнем.

А там, где он упал в озеро, вспучилась высокая чёрная волна, очень похожая на взгорбленную медвежью спину.

Вспучилась волна... И застыла. Осталась. Будто специально для того, чтобы отметить место, где утонул сражённый колдовством отважный Мишка.

Будем драться

Три долгих, хмурых, грустных дня. Три чёрные ночи напролёт. Друзья всё ждали и ждали возвращения Мишки.

Ждали и не дождались.

Не вернулся Мишка из разведки.

— Погиб наш друг, — грустно сказал Ромка.

— Или его заколдовал Орангул, и стал Мишка каменным, — тихо молвил Фомка, уронив на землю длинный хвост.

Наступило долгое-предолгое горестное молчание.

Чтоб не выдала слеза, Красный Лис закрыл глаза.

В землю спрятал нос Артос. Загрустил отважный пёс.

Фомка уныло сгорбился.

Каррыкарр глядел сердито.

Медленно поднялся Ромка. Расставил широко передние лапы, выгнул грудь и запел:

Не жди! Сама собою
Победа не придёт.

Её лишь только с бою,
Рискуя головою,
Отважный достаёт...

Поднялся Красный Лис. Распушил огненный хвост. Встал рядом с Ромкой. И они повели дальше песню вдвоём.

Вскочил и Артос. Встал с другой стороны подле Ромки.

И Фомка поднял хвост восклицательным знаком. Встал рядом с Артосом. И зазвенела песня на четыре голоса.

Отважно. Лихо. Дружно.
Вести мы станем бой!

С железным хрустом и звоном расправил широкие крылья Каррыкарр. Встал и он в ряд с друзьями. И загремела во всю мощь бравая песня:

Тревога боевая —
Вы слышите? — звучит!
На бой нас созывает,
На бой нас подымает
И победить велит!..

И они выстроились боевым полукругом перед Каррыкарром.

— Будем пробираться к Чёрному озеру сразу с трёх сторон. Ромка — справа. Фомка — слева. Артос — прямо. Красному Лису не укрываться. Пусть огонь на себя принимает, стражу отвлекает.

Бой

С вечера подул сильный верховой ветер. Нагнал туч с Севера. Те задёрнули небо. Спрятали луну. Накрыли звёзды.

И стало темным-темно.

Никем не видимые в темноте, Ромка, Фомка и Артос умчались на свои позиции.

Красный Лис и Каррыкарр сидели рядыш-

ком. Прислушивались к звукам, долетающим из Каменного леса, и молчали.

Вот за их спинами, в настоящем, живом лесу, гулко и тревожно прокричал Ночной Филин:

— Гу-у-ух! Фух-фух-фу-ухх!

Это значит — наступила полночь.

— Порра,— промолвил Каррыкарр.

Взмахнув жёсткими, звонкими, будто железными, крыльями, взлетел на макушку высоченной сосны. И сразу загремело над округой:

— Карр!

— Карр!

— Карр-р-рр!!!

И Красный Лис, как солнца шар, вкатился в тёмный лес. А стража думает: пожар. И мчит наперерез.

А стража голосит:

— Ой-ой!

— Туши!

— Гаси!

— Беги!

И к Лису Красному гурьбой сбегаются враги...

Забыты тайные посты. И спящий Орангул.

Прёт сквозь колючие кусты Секретный Караул.

И, пользуясь этой суматохой, никем не отмеченные, неслись сквозь Каменный лес к Чёрному озеру Ромка, Фомка и Артос.

Красный Лис клубком катился. А потом волчком крутился.

А страже кажется, что пожар всё разгорается и вот-вот охватит весь лес.

И кричит Начальник Караула:

— Разбудите срочно Орангула!

Тут примчался Клык-Клык Грумбумбес.

— Трус! — кричит Начальнику. — Трус ты и балбес! Разве загорается Каменный лес?

— Посмотрите сами. Вон какое пламя!

— Ты не волнуйся. Спокойно взглядишь.

Это — не пламя. Красный Лис! — сказал Клык-Клык Грумбумбес. И вдруг рывкнул: — Живого изловить! Задушить!

Услышал это Каррыкарр и крикнул:

— Прощай, Красный Лис!

А Красный Лис метнулся в гущу Каменного леса, увлекая за собой стражу всё дальше от Чёрного озера.

Он мчался, распустив огненно-яркий длинный хвост.

Когда стражники нагоняли, Красный Лис резко перекидывал хвостище вправо, и погоня, сбивая друг друга, кидалась направо.

Тогда хвост стремительно летел влево, и погоня кувырком шарахалась налево.

Но вот Красный Лис устал. Выбился из сил и встал.

Его сразу обступили. Оцепили. Окружили.

— Сдайся в плен — и пощадим! Будешь цел и невредим! — прокричал Красному Лису Клык-Клык Грумбумбес.

— Красный Лис не сдаётся!

Так ответил Красный Лис. И они дрались. Дрались!!

Насмерть бьётся Красный Лис.

Не сдаётся Красный Лис.

— На колени становись! Покоряйся и ви-
нись!

Но опять гремит в ответ:

— Нет!

И снова бой.

Неравный бой.

Жестокий бой.

Последний бой Красного Лиса.

Израненный, ослабевший Красный Лис понял: не одолеть ему врагов и помощи ждать неоткуда.

Почувяв близкую гибель, гордо выпрямился Красный Лис и, собрав остаток сил, громко запел:

Я — Красный Лис,

Я — из огня.

Пылаю, как костёр.

Глаз — очень зорок у меня,

Слух — очень тонок у меня

И коготь мой — остёр!

Я — Красный Лис,

Я — из огня,

Я — всюду на виду.

Попал в беду — зови меня!

Обидели — покличь меня!

И я к тебе приду...

И столько мужества, непоколебимой силы и гордости было в этой последней песне Красного Лиса, что, пока он пел, молчали и не двигались, будто заколдованные, и сторожевые Гадюки, и Ежи-сторожа, и даже сам Клык-Клык Грumbес.

Допев свою песню, Красный Лис покачнулся и бездыханным упал на землю.

А в это время...

А в это время...

В это время Ромка, Фомка и Артос мчались с трёх сторон к Чёрному озеру, в котором росла Чёрная Каменная Кувшинка.

Им не мешали.

Их не преследовали.

Вся стража была занята сперва погоней, потом битвой с Красным Лисом.

Друзья слышали шум этой погони.

Слышали они и прощальную песню Красного Лиса.

Им очень хотелось помочь Красному Лису. Но...

Но они мчались и мчались к Чёрному озеру, к заветной Каменной Кувшинке.

Стоило сорвать Кувшинку, и всё живое вокруг скинет колдовскую окаменелость и, конечно же, кинется на подмогу Красному Лису.

А если сорвать только один из трёх лепестков Каменной Кувшинки, Орангул тут же лишится своих всемогущих колдовских чар.

Если же сорвать второй лепесток, Орангул превратится в махонького, беззащитного паука, которого запросто может склевать любой воробышек.

Ну, а ежели сорвать последний, третий лепесток Каменной Кувшинки — Орангул погибнет.

Вот почему, сцепив зубы, смирив боль и гнев, укротив ярость, мчались Ромка, Фомка и Артос к Чёрному озеру, к заветной Каменной Кувшинке.

И вот столкнулись к носу нос — Ромка, Фомка и Артос.

Перед ними — озеро. Вода — чернил черней. Ни жучки, ни рыбки не резвятся в ней.

Три друга от озера глаз не отводят. Ищут Кувшинку. И не находят.

— Может быть, она пропала? Утонула иль увяла? — Фомка сделал хвост вопросом.

А Артос пофыркал носом:

— Позабыл ты всё на свете. Ведь Кувшин-

ку на рассвете можно только увидеть. Надо нам рассвета ждать.

— Нам рассвета не дожидаться: скоро стражники примчатся. И конечно, этот бес — распроклятый Грумбумбес, — проговорил уныло Фомка.

— Уж не хочешь ли сдаваться? Надо драться? Будем драться! — рыкнул Артос.

— Не ворчи ты втихомолку. Не кричи и ты без толку, — укорил Ромка друзей. — Надо лес раскопдовать. Надо бедных львов спасать.

Тут вдруг громоподобно и протяжно ухнул кто-то:

— У-у-у-ууух! Чую вражий дух! Эй! Стража! Ко мне!

Это проснулся Орангул.

И тут же на голос повелителя понеслись отовсюду сторожевые Гадюки, стражники Ежи, охранники Пауки.

— Мы пропали, — прошептал Фомка, поджимая хвост.

— Встретим врага как надо! — оскалился Артос.

— Смотрите, — воскликнул Ромка. — Какая странная застывшая волна на озере. Она похожа на...

— Мишкину спину, — подхватил Артос. — Очень даже похожа...

Каменная Кувшинка

— **З**а мной! — и Ромка скакнул на волну, которая застыла над тем местом, где утонул Мишка.

Тут чёрную, озёрную, недвижную гладь вдруг начало кренить, вдруг начало качать.

Поднялась волна крутая. А за ней — волна другая.

Вынырнул Двуглавый Змей. Да как гаркнет:

— Эй! Орангул! Вставай! Беда! Пробрались враги сюда!

Заворочался в постели Орангул. Покатился по округе страшный гул.

— Кувшинка, Фомка, за тобой! А мы с Артосом — примем бой!

И едва Ромка с Артосом скакнули на берег, на то самое место, где недавно дрался Мишка, как к ним подскочил Двуглавый Змей.

Поднял Змей восемь лап. Ромку и Артоса — цап. И давай их рвать когтями. И давай кусать зубами.

Псы не хнычут, не сдаются. Псы с Двуглавым Змеем бьются.

Тут примчался Грумбумбес. С ходу в драку он полез.

— Теперь нам не отбиться! — прокричал Артос.

— Держись, друг! — ответил Ромка.

А из чёрных каменных глыб сложенного дворца вышел сам Орангул. Он сразу всё понял и забормотал своё заклинание:

— Ораглыз... Орагез... Орагей... Кто пришёл незванным в лес — ка...

Тут страшенный гром раздался. Зámок дрогнул. Закачался.

Ожил лес. Трава проснулась. Звонко озеро плеснулось.

Волны тут пошли вокруг — всплыл медведь и ожил вдруг.

Это Фомка углядел всё-таки Чёрную Каменную Кувшинку. Сорвал её. И отломил первый лепесток.

И утратил волшебную силу Орангул. Он выкрикивал своё заклинание, но оно уже не действовало.

А ожившие вдруг звери и птицы вместе с Мишкой кинулись на подмогу Артосу и Ромке.

Лоси Двуглавого Змея и Клык-Клык Грumbес бодают. Волки — кусают. Птицы — клюют. Пчёлы, осы и шмели — жалят.

Как волчок, как дикий бес, закрутился Грumbес и удрал в зелёный лес.

Следом кинулись сторожа Ежи, сторожевые Гадюки и охранники Пауки.

А за ними вся звериная рать, все, кто проснулся.

Змей Двуглавый колечком скрутился и в озеро скатился. Только булькнула вода, и от Змея — ни следа.

Оторвал Фомка ещё один лепесток от Каменной Кувшинки. Треснул и развалился Орангулов замок. А сам Орангул стал маленьким паучком. Запищал он, заюлил и пощады запросил.

— Скажи заклинание, от которого железо и камень превращаются в прах! — потребовал Ромка. — Только не ври. Не то сорвём последний лепесток, и конец тебе.

Ах как не хотелось Орангулу расставаться

со своей тайной.. Он и морщился. И корчился. Даже плакал и стонал. Ну а всё-таки сказал:
— Крупбарело. Колдовело. Тири... Тури... Тах... Размыкайся, разлетайся, рассыпайся в прах...

Спасите Красного Лиса

Израненный, истерзанный врагами Красный Лис умирал.

Он уже не шевелил пышным огненно-красным хвостом.

Не открывал больших ярких глаз.

И не дышал.

Даже волшебный отвар, изготовленный Древним Вороном Каррыкарром, не смог исцелить Красного Лиса.

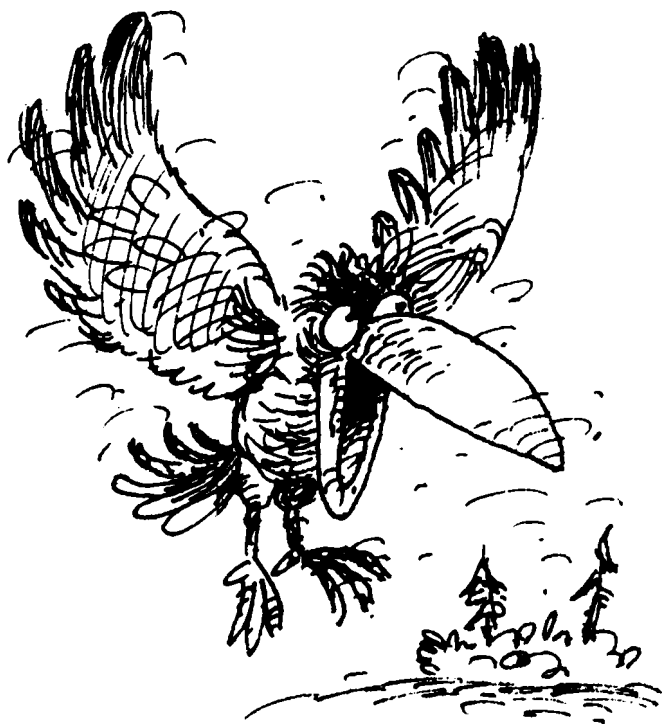
Красного Лиса друзья обступили. Головы скорбно молча склонили. Стояли, не глядя друг другу в глаза.

Ромка вдруг громко и внятно сказал:

— Не могу как столб стоять. Не хочу молчать и ждать. Пока друг наш. Верный друг наш. Храбрый Красный Лис умрёт.

Тут встрепнулся Каррыкарр. Широкими, звонкими, будто железными, крыльями взмахнул. Взмыл под самое небо. И оттуда, с высоты, закричал на весь лес:

— Карр!.. Карр!.. Карр!.. Карр!.. Слушай,

млад меня и старр. Слушай, лес сосновый. Слушай, борр кедровый...

Онемели звери и птицы. Стих шелест листы. Замерли, не шелохнутся травы. Застыли в неподвижности цветы. Где кого Каррыкарров голос застал, тот там и встал. Замер и слушает Древнего Ворона.

А Каррыкарр продолжал вещать с высоты:
— Врагами изранен наш друуг Кррасный Лис! Он умирает...

— Вы слышите... Слышите... Слышите... — зашелестели травы, передавая друг другу печальную весть.

— Красный Лис не должен умереть, — дружно и гулко пророкотали кудлатые, лохматые, зелёные Кедры.

— Нельзя допустить, чтобы он погиб, — подхватили белые, тонкие и стройные Берёзы.

— Спасём Красного Лиса! — звонко, на весь лес прокричал маленький голосистый Зяблик.

И вдруг всё живое, что было в лесу, разом выдохнуло:

— Спасё-ё-ём!.. Спа-а-а-асё-ё-ё-ём!

И сейчас же две Синички принесли живой водички.

А потом Бурундучок трав целебных приволок.

А потом больному в дар пчёлы принесли нектар.

Вмиг целебною травкою Лиса обложили.

Ключевой живой водой Лиса окропили.

Шевельнулся Красный Лис, повернулся Красный Лис.

На четыре лапы встал. Цел и невредим. Громким голосом сказал:

— Отомстим!

Все звери и птицы, кто долгие годы простоял окаменелым в заколдованном Каменном Лесу, — все ринулись вслед за Красным Лисом, Ромкой, Фомкой, Артосом и Мишкой.

И прогнали из леса Клыка-Клыка Грумбумбеса. И тогда Грумбумбес вырыл яму. В неё влез. И исчез.

Свобода

Давно закончилось представление в цирке.

Разошлись по домам зрители.

И артисты ушли.

Только остались в клетках дрессированные звери и птицы.

Да ещё остались ночные сторожа.

Поздняя тёмная ночь окутала город.

Погасли огни в домах.

Потухли витрины магазинов. На пустых полутёмных улицах — ни прохожих, ни автомашин.

Густая.

Ночная.

Непроницаемая тишина.

Потому так далеко-далеко слышен храп цирковых сторожей.

Так крепко спали сторожа, что не слышали и не видели, как мимо них скользнули одна красная и четыре чёрные тени.

Скользнули туда, где жили птицы и звери.

Те мигом очнулись и замерли, прислушиваясь к голосам вошедших.

Стукнувшись головой о какую-то железяку, Фомка заворчал:

— Тут можно покалечиться! Безобразия, как темно!

— Не слышно ничего, как под водой, — Артос потряс сердито головой.

— В этой железной, вонючей берлоге голову можно оставить и ноги,— поддакнул Мишка.

— Эй вы! Где тут львы?! — крикнул Ромка Ромазан.

— Мы тут! — ответил сразу Эд. — Зажгите-ка скорее свет.

Красный Лис нашарил выключатель. Вспыхнул свет.

Что тут началось! Ни сказать, ни описать.

От радости львы обнимались. Прыгали. Кувыркались. Лапы тянули. Кричали:

- Ромка! Привет! Мы вас ждали!
- Фомка, здорово! Хвост твой на месте?
- Мишка! Какие принёс ты нам вести?
- Здравствуй, Артос! Лапу давай!
- Эй, Красный Лис! Не зажги наш сарай!
- Где Каррыкарр?
- Сторожит сторожей. В путь собирайтесь.

Да поскорей,— ответил Ромка.

— А Орангул?

— Орангула в паучка превратили. Всем зверям свободу воротили,— ответил Красный Лис.

— И деревьям, и цветам. И конечно же, вам! — договорил Фомка, поднимая хвост восклицательным знаком.

Львы обнялись и трижды прокричали «Ура!».

А Ромка тем временем, чуть отступив от клетки, негромко выговорил заклинание:

— Крупбарело. Колдовело. Тири... Тури... Тах... Размыкайся. Разлетайся. Рассыпайся в прах...

Послышался лёгкий треск, и клетка, в которой сидели львы, растаяла. Будто и не было никогда этих толстенных железных прутьев.

Пять освобождённых. Пять ликующих. Пять могучих львов обступили друзей.

И давай им лапы жать. И давай их обнимать. Нежно-нежно в нос лизать.

Потом львы выстроились в шеренгу, и самый старший и самый сильный лев по имени Эд запел:

Все говорят: я — царь зверей,
И мне должны служить,
А я хотел бы без царей
И без холопов жить.
Будь ты хоть кроха бурундук
Иль малая пичуга,
Ты всё равно мой добрый друг,
И, коль тебя обидают вдруг,
Я заступлюсь за друга...

Пять львов грянули хором:

Долой царей!
Не надо слуг!
Скорее встанем в общий круг,
Пусть кто-то запоёт.
За друга грудью встанет друг
И от беды спасёт...

Песенка так понравилась Ромке, Фомке, Артосу, Мишке и Красному Лису, что они ещё раз пропели её все вместе.

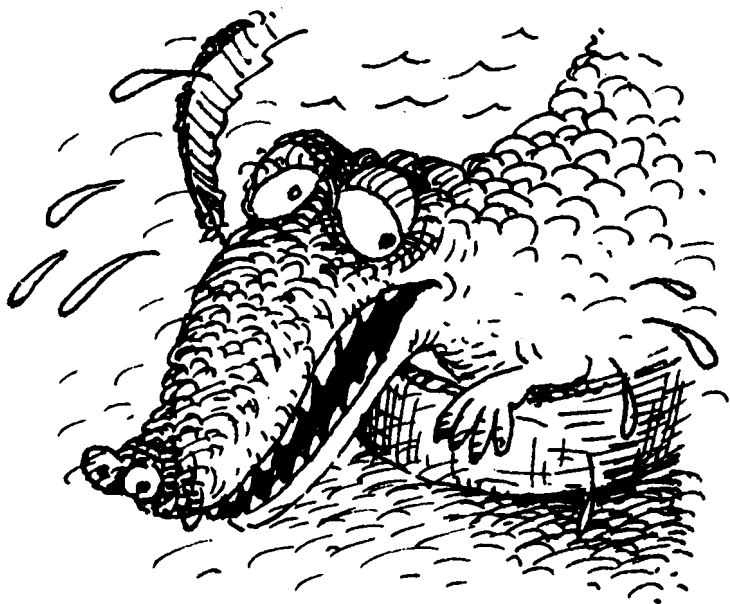
— Пора в путь, — сказал Ромка. — Скоро рассвет.

— Давно пора, — промолвил Эд.

И все направились к выходу. Как вдруг...

Зелёный Крокодил

Как вдруг раздался тихий всплеск. Как будто морская волна накатила на песчаный берег и снова сползла в глубину.

«Откуда здесь вода?» — подумал Ромка и тут же увидел в клетке громадный железный чан. Целое озеро с железными берегами.

В озере лежал кто-то длинный и зелёный. И глядели на Ромку два большущих, выпуклых, очень грустных глаза.

— Кто ты? Чего хочешь? — сочувственно спросил Ромка.

Тут заговорил Зелёный Крокодил:

Я — вырос в Ниле.
В целом мире
Нил всего один.

Я спал на мягком тёплом иле,
Жил, как господин.
Я плыл туда, куда хотел,
Когда хотел, я спал и ел.
Теперь живу в корыте,
Как бессловесный раб.
Спасите!
Помогите!
Я гибну!
Я ослаб...

И Зелёный Крокодил слёзы молча проглотил.

Но они потекли снова. И в грустной тишине было слышно:

Кап...

Кап...

Кап...

Это падали в чан крупные, солёные, тяжёлые Крокодиловы слёзы.

У Ромки от сострадания перехватило дыхание.

Фомка горестно вздохнул и хвостом слезу смахнул.

— Крокодил, — сказал Артос, — тоже зверь. Кто ж утешит его, бедного, теперь?

Красный Лис сказал:

— Конечно. Будет мучиться он вечно.

— Нет! — воскликнул Мишка. — Нет! Мы Крокодила не бросим!

Самый старший и самый сильный лев по имени Эд согласился с Мишкой.

Повернулся Ромка к клетке, в которой плескалось маленькое озеро с железными берегами, а в озере плавал Зелёный Крокодил. И снова произнёс заклинание.

Распались, будто растаяли, железные прутья решётки.

— Вылезай живо! — сказал Ромка Зелёному Крокодилу. — Пошли!

— Я лишь в воде умею жить. Мне надо плавать — не ходить, — горестно ответил Зелёный Крокодил.

— Ну уж. Это уж. Совсем уж. Никуда уж, — вконец расстроился Ромка, не зная, что же делать теперь.

— Понесём его вместе с озером, — предложил Мишка.

Пять львов, Мишка, Ромка, Фомка, Артос и Красный Лис взялись за огромный железный чан, в котором плавал Зелёный Крокодил. Еле подняли чан, пронесли шага четыре и остановились.

— Нет! — промолвил Эд. — Нам его не унести. Может, можно увезти?

А Зелёный Крокодил снова две слезы пролил. И сказал негромко он:

— Унесёт меня лишь Слон.

Вот он и Слон

Тут зашевелился Слон. Как огромный дом. Сарай качнулся, накренился и едва не развалился.

Слон вздохнул:

Ох-хо-хо!
Ох-ха-ха!
Жизнь моя совсем плоха.
Я никого не обижал
И никого не трогал,
По жаркой Африке гулял
Своей себе дорогой.
И вдруг меня схватили,
В клетку посадили
Да ещё железной цепью
К полу прикрепили...

— Ну уж. Это уж... — решительно начал Ромка и, не договорив, повернулся к клетке несчастного Слона.

И снова Ромка прошептал заклинание.

И вот Слон на свободе.

— Ух, как я рад! — протрубил он.

С улицы долетел негромкий призывный клич Каррыкарра.

— Пора, — спохватился Ромка.

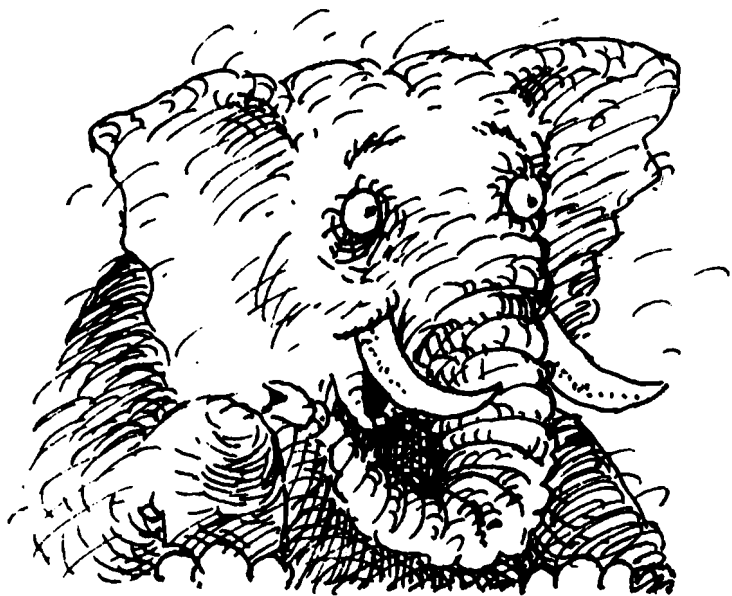
Львы подхватили чан с Зелёным Крокодилом и ахнули: до чего же тяжёл. Как же его поднять на спину Слону?

— Надо отлить из этого корыта половину воды, — предложил Красный Лис.

Тут Зелёный Крокодил запричитал:

— Ой! Не троньте воду!

И тогда Слон опустил на колени, а пять

львов вместе с Мишкой подняли железный чан, в котором плавал Зелёный Крокодил, и поставили его Слопу на спину. И чтобы чан по дороге не свалился, его привязали к Слопу верёвками.

Слон поднялся и зашагал к выходу.

— Ах как мудро! Ах как хорошо! — пробормотал Зелёный Крокодил.

Перевернулся на спину и стал пускать пузыри.

Вот так задачка

К выходу они двинулись цепочкой. Ромка — Фомка — Артос — Красный Лис — Мишка — пятеро львов.

И наконец, Слон. С огромным железным чаном на спине, в котором блаженно посапывал довольный и счастливый Зелёный Крокодил.

У самого выхода стояла большущая клетка с мартышками. И когда Ромка поравнялся с этой клеткой...

Вдруг мартышки в клетке. Взрослые и детки. Как по команде встали. И хором закричали:

— Мы тоже хотим на свободу!!!

— Бедные, бедные мартышки! — воскликнул басом Мишка.

И снова Ромка перед клеткой встал. И заклинанье тихо прошептал.

Целая дюжина больших и маленьких мартышек уселись на львов и на Слона и завопили:

— В Африку!!! В нашу милую Африку!

Тут откуда-то сверху донёсся негромкий голос, полный горечи и обиды:

— Я сижу на ветке. Посредине клетки. Также в Африку хочу. Но об этом не кричу.

Все взглянули вверх и увидели нарядного и пышного Синего Попугая. Настоящего африканского Синего Попугая.

Тот сидел на ветке. Посредине клетки. И жалобным, тоскливым взглядом смотрел на всех.

— Не могу себе простить. Как могли его забыть? — укоризненно покачал головой самый старший и самый сильный лев по имени Эд. Снова Ромка прошептал заклинание.

И счастливый, весёлый и совсем синий от радости, самый синий в Африке и во всём мире Синий Попугай уселся на хобот Слону и крикнул:

— Нас Африка ждёт! Скорее! Вперёд!

Все изготовились дружно и громко крикнуть «Ура!», да им помешал странный звук. Будто железом о железо тёрли. Что-то звенело, скрежетало и побрякивало.

Да-да. Ты угадал. Это влетел рассерженный Каррыкарр.

— Скорро сторожа прроснутся! Прроттрубят трревогу! Быстрро в доррогу... Быстрро в доррогу!..

Стараясь не дышать, бесшумно прошли они мимо спящих сторожей и оказались в сквере. В том самом сквере, где совсем недавно Красный Лис перехитрил Мороженщицу.

Была предрассветная тишина.

Город ещё не очнулся от сна.

Люстры в домах не горели.

Птицы на ветках не пели.

На улицах пусто, не видно машин.

Ещё не открыт ни один магазин.

Нету ни пыли, ни гари.

Никто не бренчит на гитаре.

Тихо... Свежо...

Пахло молодой зеленью и цветами.

— Как хорошо пахнет свобода! — чуть слышно выговорил самый старший и самый сильный лев по имени Эд.

Фомка вдруг зашмыгал носом. Хвост сложил он в знак вопроса. И Фомка спросил:

— Как же мы доберёмся до Африки?

— А где она, Африка? Далеко? — поинтересовался Мишка.

— До Африки семь тысяч вёрст... — прокаркал Каррыкарр.

— Туда и за год не дойти, — сказал со вздохом Слон.

— Туда можно только долететь, — задумчиво вымолвил Красный Лис.

— Но у нас нет крыльев, — сказал самый старший и самый сильный лев по имени Эд.

— Надо срочно что-то придумать! — решительно проговорил Артос.

И все затихли. Задумались.

— Та-ак, — протянул в раздумье Ромка. — Значит, туда можно только долететь? А у нас нет крыльев? Но у нас... У нас есть верные железные друзья. Бежим на аэродром!

Аэродром

По глухим узким улочкам.

По обочине автострады.

Сторонясь встречных автомашин.

Ступая как можно тише, незаметнее.

Пробирался Ромка с друзьями на аэродром.

Впереди летел Каррыкарр, высматривал, свободен ли путь.

Краем автострады мчались Ромка, Фомка и Артос. Едва показывался на дороге редкий автомобиль, псы затевали смешную чехарду, привлекая внимание к себе, а Красный Лис в это время спешил укрыть беглецов.

А попробуй-ка спрятать Слона с огромным чаном на спине. Заставь молчать и не проказничать мартышек.

Но вот наконец и лётное поле аэродрома. Подле него в густом кустарнике укрылись беглецы.

Ромка сказал им:

— Будьте всё время вместе, зря не двигайтесь. Вас уже ищут, так и знайте. Из кустов не вылезайте. Не заденьте ствол и ветку. Мы — помчались на разведку.

И вместе с Фомкой и Артосом Ромка помчался на лётное поле.

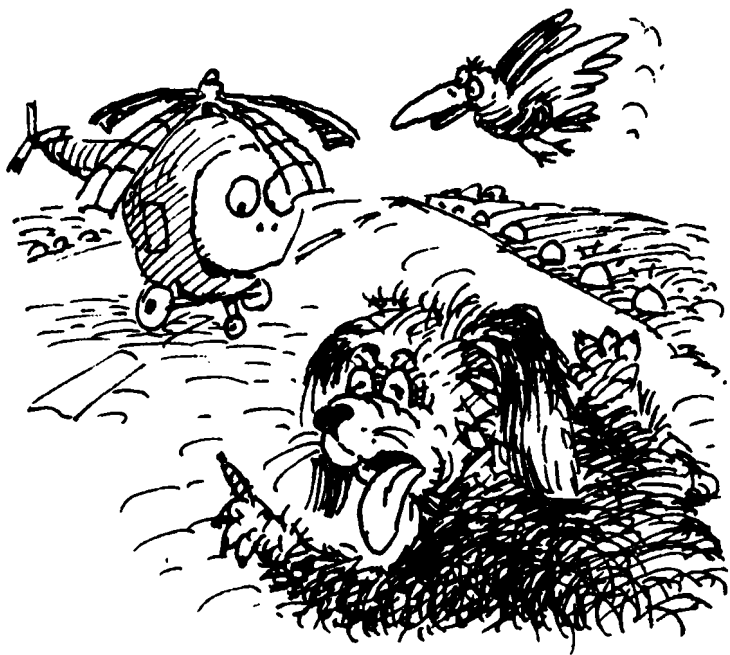
Только выбежали на поле, и вот он — их старый знакомый Вертолётник. Краснобокий. С длинными лопастями над головой. Ах, как обрадовались они Вертолётнику. Ведь это он спас их из страшной Кактусовой тюрьмы в царстве Спешпей.

Ромка постучал лапой по колесу Вертолётника:

— Привет, дружище!

— А-а! — обрадовался Вертолётник. — Это ты, Ромка! Да тут и Артос, и Фомка! Что-нибудь случилось? Может быть, беда?

— Да...

И Ромка рассказал Вертолётнику обо всём, что с ними произошло.

— Рад бы вам помочь. Да только невмочь. В Африке я не бываю. В Африку я не летаю. Вон к тому самолёту бегите! Может, он выручит!

Прощались они с Вертолётником и побежали к небольшому зелёному Самолётнику, очень похожему на кузнечика. Постучал Ромка по зелёной обшивке Самолётника, а тот ни гугу.

Тогда Ромка торопливо зашептал:

— Властелин любой дороги, ты один пройдёшь везде. Я — твой друг четвероногий. Не покинь меня в беде.

Самолётик шевельнулся и тихо спросил:

— Зачем ты разбудил меня? Ночь я летел, не прося передышки. Вёз я врача к больному мальчишке.

— Прости. Не знали мы об этом. Но помоги нам хоть советом.

И, перебивая друг друга, Ромка, Фомка и Артос поведали о своих приключениях.

— Молодцы! — похвалил Самолётик. — Я бы с радостью помог вам, но с моим двигателем до Африки не дотянуть. Вон стоит белый, красивый самолёт Ту-134. Бегите к нему.

Но и Ту-134 не согласился лететь в Африку. Слишком далеко. Не хватит горючего. И послал он Ромку к своему старшему брату Ту-154.

Тревога

В цирке от воя сирены вот-вот развалятся стены.

Мечется стража в тревоге.

Мчатся гонцы по дороге.

Радио будит людей:

— Эй! Просыпайтесь скорей! Надо ловить зверей!

Директор ходит как побитый.

— Пришлите, — просит, — следопыта! Чтоб след звериный отыскать. И беглецов скорей поймать.

Разве трудно увидеть следы Слона?

И увидели...

На шоссе клубится пыль. Над шоссе грохочет гром. Это мчит автомобиль. Прямо на аэродром.

В том автомобиле — сторожа.

А Ромка с Фомкой и Артосом в это самое время подбежали к Ту-154.

И тут же взвыли сирены. Заметались по лётному полю люди и автомашины: пожарные, санитарные, аварийные.

— Тревога! — донёлся голос Каррыкарра. — Нас ищут. Горрод в панике. Ещё три-четыре минуты промедления, и мы погибли. Карр!

Услыхав тревожные клики Каррыкарра, Ту-154 сразу всё понял и, не дожидаясь пояснений, торопливо выговорил Ромке:

— Вон стоит могучий «Антей». Бегите к нему скорей. Он один может вам помочь. Только он!

Выслушал «Антей» Ромкину просьбу и говорит:

— Храбрых. Добрых. И весёлых. Я люблю. И друзьям твоим охотно — пособлю! Только поскорей! Сажай своих зверей.

Фомка тут же вздёрнул хвост восклицательным знаком. Увидел это Каррыкарр и подал сигнал Красному Лису. И звериная ватага ворвалась на лётное поле.

Впереди мчит Красный Лис, будто красная торпеда.

За ним — кувырк и вприпрыжку — мчатся мартышки.

Следом Слон семенит. Попугай на нём сидит. И в огромном чане — Крокодил, как в бане. Плещется, купается, чему-то улыбается.

Позади... Шеренгой в ряд... Пять могучих львов спешат.

Последним с медовой румяною пышкой шагает довольный и радостный Мишка.

Неспешно и важно идёт.

Медовую пышку жуёт.

А где он эту пышку раздобыл?

Тайна.

Распахнул свои двери «Антей»:

— Побыстрее, друзья! Побыстрее!

Только вошли в него звери. Сразу захлопулись двери.

А к самолёту слева и справа. Мчится охрана. Несётся облава.

Только «Антею» они не помеха. Рыкнул моторами он и поехал.

Взлётной дорожкой чуть-чуть пробежался.

И...

В небо бездонное круто взлетел.

В Африку славную.

В Африку дальнюю.

В Африку дивную...

Он полетел...

Африка

Выше чёрной грозной тучи. Выше облаков летучих. Ветра вольного быстрее. Мчится по небу «Антей».

Сперва плыла под ним густая, дикая, дремучая, непроходимая тайга.

Потом под ним поплыли горы. Озёра. Это был седой Урал.

Уральские крутые горы сменили степи, сады.

Солнце стало садиться за горизонт, когда Зелёный Крокодил вдруг закувыркался, заплескался в своём железном озере.

— Я чувствую. Я слышу, как плещется Нил, — тихо Зелёный сказал Крокодил.

Все к оконцам носами прильнули. Все на Африку сверху взглянули.

Стал тихонько снижаться «Антей». Стала Африка ближе, видней.

— Не могу я ждать. Не буду! Бросьте в Нил меня отсюда! — закричал Зелёный Крокодил.

«Антей» ещё чуть-чуть снизился, приоткрыл дверь, и Слон выбросил в Нил железный чан вместе с Зелёным Крокодилом.

Чан в глубокий Нил упал и пропал.

— Утонул, — ахнул Фомка.

— Погиб, — скорбно выговорил Мишка.

Но тут над голубою нильскою волною показался вдруг Зелёный Крокодил.

Крикнул он, выплюнув воду:

— Спасибо, друзья, за свободу! Спасибо за Нил голубой! Счастливо вернуться домой!

А когда над джунглями пролетали, все мартишки хором вдруг закричали:

— Не хотим терять ни минуты!

— Выдайте нам парашюты!

— Выдайте!

- Выдайте!
- Выдайте!
- Выдайте нам парашюты!

Пришлось выдать им парашюты. Нацепили их мартышки и выпрыгнули из «Антея». Выпрыгнули и затерялись в зелени джунглей.

За джунглями началась саванна — бескрайняя степь, поросшая цветами и травами.

На неё и приземлился «Антей». Чтобы посадить Синего Попугая, Слона и львов. А потом — обратно, домой!

Вышли звери и собаки на лужок. Собрались они в один большой кружок.

Долго так они молчали и сидели. Расставаться и прощаться не хотели.

Тут поднялся Ромка Ромазан. Очень весело и громко он сказал:

— Я — не знатный. Не богатый. Вон на шубе — три заплаты. Не могучий. Не спесивый. Почему же я счастливый? Потому, что у меня есть отличные друзья.

И встал Артос.

И Фомка встал.

Положили они лапы на плечи друг другу и запели:

Нужна еда нам. И вода.
И чистый небосвод.
Но если вдруг придёт беда...
Но если вдруг придёт беда...
Кто от беды спасёт?

Лишь верный друг.
Надёжный друг,
Который сам придёт...

Тут за спиной Ромки, Фомки и Артоса встали полукругом Красный Лис, Мишка и Каррыкарр.

А за ними — пять львов во главе с самым старшим и самым сильным львом по имени Эд.

А за ними Слон, на поднятом хоботе которого сидел Синий Попугай.

И теперь уже все вместе, задорным дружным хором, запели они:

Что на свете всех нужнее?
Дружба! Дружба!
Что на свете всех вернее?
Дружба! Дружба!
Что на свете всех милее?
Дружба! Дружба!

Тут их песню подхватила вся Африка.

Пел непокорный, полноводный и могучий Нил.

Пели непроходимые густые зелёные джунгли.

Пели жёлтые сыпучие пески.

Все звери.

Все птицы.

Все.

Все пели:

Кто верит в дружбу — становись
В наш неразрывный круг.
За лапу верную держись.
Держись крепче, друг!..

МИШЕЛЪ

Присказка

Эй, мальчишки!

Эй, девчушки!

Ну-ка, наострите ушки. Открывайте шире глазки. Приготовьтесь слушать сказку...

Эта сказка не старинная. И не очень длинная.

Не про Бабу-Ягу — костяную ногу, не про страшного злодея — Бессмертного Кашея.

Не про Ивана-царевича.

Не про Бову-королевича.

Не про мышку-норушку.

Не про Царевну-лягушку.

Не про чёрта с хвостом.

Совсем не о том.

А о ком?..

Узнаете, когда прочитаете...

Вот и присказке конец. Нам её напел Скворец. Нашептал Ветерок. Нажурчал Ручеек. Накуковала Кукушка прямо в твоё ушко...

Завязка

Без придумки, без завязки — никакой не выйдет сказки. Всю Тюмень я обошёл, а придумки не нашёл.

Я к соседу, мне сосед говорит:

— Придумки нет!

Я к товарищу, но тот ту же песенку поёт.

Я на улице к прохожим пристаю:

— Поддай совет.

Но в ответ одно и то же:

— Нет придумки!

— Нет!

— Нет!

— Нет!..

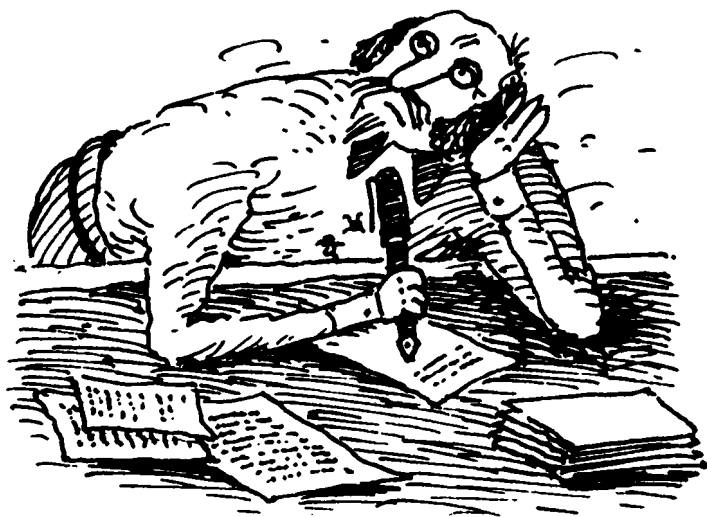
Тут ко мне приходит вдруг старый друг, весёлый друг. Он принёс мне в сумке тридцать три придумки. Все их выложил на стол. Поклонился и ушёл.

День сижу. Сижу другой. Горблюсь над столом дугой. Морщу лоб. Кусаю губы: все придумки мне не любы.

Верещит звонок дверной. Входит мальчик. Снял берет. И вручил мне голубой, маленький конверт. В нём записка: «Сказка близко!»

Я распахиваю дверь, окна отворяю. Ну, придумку-то теперь я уже поймаю.

Кто-то чёрный и лохматый пролезает в дверь. Я кричу:

— Постой! Куда ты? Что за странный зверь! С неба, что ли, ты свалился? Для чего? Какая цель?..

Он ко мне повернулся и ответил:

— Я — Мишель.

Ни угрозой мне, ни лаской с ним не совладать.

— Да откуда ты?

— Из сказки. Время начинать...

Вот так пришёл ко мне Мишель и принёс эту сказку про себя, про Мишеля, значит.

Постой-постой, ты ведь ещё не знаешь, кто такой Мишель. Поди-ко, думаешь, это какое-нибудь страшное-престрашное чудище-чудови-

ще. Нет-нет. Сейчас я тебя познакомлю с Мишелем.

Уверен, ты полюбишь Мишеля.

Как я.

Как все девочки и мальчики моего дома.
Нашего двора.

Всей Тюмени...

Мишель

Живёт в Тюмени чёрный пёс.

И чёрный хвост.

И чёрный нос.

От пяток до макушки черней любой чернушки.

С какой ни глянешь стороны, пёс чёрен и красив.

Глаза и те черным-черны.

Чернее чернослива.

Трепещут чёрные усы, как чёрные иголки.

С Мишелем дружат кошки.

Псы.

Лисицы.

Зайцы.

Волки.

Он храбр...

Как лев.

Могуч...

Как слон.

Когда беда случится, покличь его:

— Мишель!

И он

На выручку примчится.

Теперь ты знаешь, кто такой Мишель. Запомнил, что он...

Могучий. Высокий. Чёрный.

Для красы — у него усы чёрные, длиннющие, как иглы колючие.

Ну, и конечно, хвост. Да какой!

Большущий.

Лохматущий.

Не хвост — хвостище.

Когда Мишель задирается, хвост торчком поднимается.

Дунет ветер, хвост трепещет, чернотой на солнце блещет.

На него садятся птицы: воробьи, скворцы, синицы. На него садятся пчёлы, осы, бабочки, шмели. Ну, а коль Мишель весёлый — хвост касается земли.

Не спеша Мишель идёт, тротуар хвостом метёт...

Тюмень стоит на реке Туре. Река широкая. Быстрая. Днём и ночью плывут по Туре теплоходы, баржи, катера, лодки, плоты.

На крутом берегу Туры — просторный дом. Мишель живёт с друзьями в нём.

Кто его друзья? Сейчас отвечу я. Это...

Красноносый. Непромокаемый Чапа Лапа
Га-Га-Га — со своим семейством.

Крикун и задира Кука Река Ку-Ку-Ку с женой и малышами.

Всегда голодный, вечно сонный Рух Ух Тух
с семью рюхухтютятками и их мамой.

И рогатый бородатый проказник Бемекл с
Бемеклихой и бемеклятами.

Кто они?

Сейчас узнаешь, коли дальше прочитаешь.

Чапа Лапа Га-Га-Га

Сперва давай послушаем его песенку. Песенку о себе...

Я стою на берегу,
Я стою и ни гугу.
Я стою и жду, когда
Подойдёт ко мне вода...
Вот тогда поплаваю.

Я стою на бережке,
На зелёном лужке.
Я стою, не шевелюсь,
Речку жду и не дождусь...
А купаться хочется.

Я в Тюмени первый Гусь,
Потому не шевелюсь.

Хоть и недалеко
Бьёт волною речка.
Но ко мне не движется.

Греет солнышко. Жара.
Мне нырнуть давно пора.
Чтобы охладиться.
Да ещё напиться.
Но река ни с места.

Я застыл на берегу.
Сделать шаг бы. Не могу.
Всё равно реку дождусь.
Я ведь знаменитый Гусь —
Чапа Лапа Га-Га-Га...

Видишь, каков гордец! Какой упрямец! Этот самый Чапа Лапа Га-Га-га.

Его спина, шея, грудь, живот — всё белое-пребелое. А уж крылья — из белых белые. Сверкают на солнце, как молодой снег.

Правда, однажды Чапа Лапа Га-Га-Га был чёрным, как грач или ворона. Но это было лишь однажды.

И вот почему...

За горошницей

Как-то Чапа Лапа Га-Га-Га с речки домой чапал. Шагал неспешно. Вразвалочку. Шёл, под-

ставив солнышку белую спину,- белейший бок и белоснежную грудь.

Шёл да думал: «Вот приду сейчас домой, а там ждёт меня вкусный обед...»

Вдруг остановился.

Принюхался.

Блаженно зажмурился.

Причмокнул.

Откуда-то тянуло ароматом разваренного гороха. Чапа Лапа Га-Га-Га страсть как любил горошницу. Мог в один присест слопать полную тарелку. А если с подсолнечным либо с конопляным маслом, то и две тарелки съедал за обед.

— Фу-ты! Ну-ты! Лапти гнуты. Нет покою ни минуты! — Чапа Лапа произнёс, повернув на запах нос.

Нос у Чапы Лапы Га-Га-Га длинный. Широкий. Приплюснутый. И красный.

Поводил он носом по сторонам. Принюхался. Вобрал в себя гороховый дух, длинно выдохнул:

— У-ух-х! Давно пора бы пообедать. Хочу горошницы отведать.

А он упрямец. Он — гордец. Коли решил, тогда конец. Хоть разобьётся, но добьётся.

Поглубже снова втянул аппетитный пряный дух свежей горошницы да и пошёл по запаху, как собака по следу.

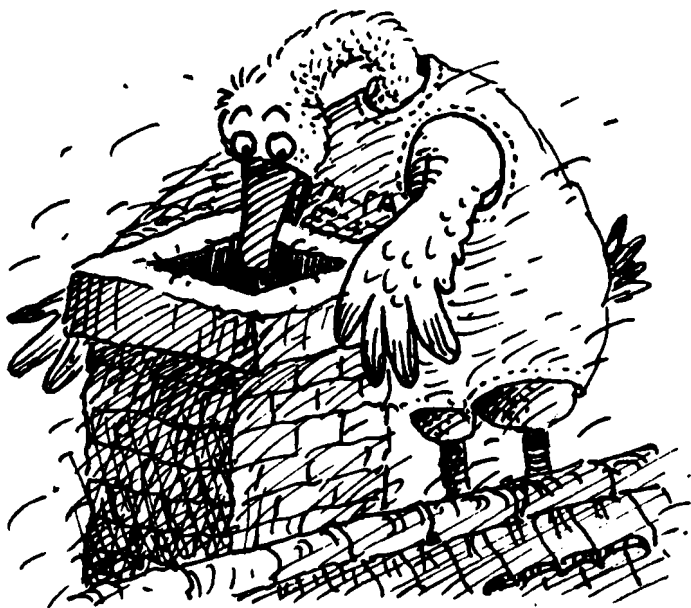
Шёл-шёл, к дому подошёл.

Обошёл дом кругом — окна все закрыты в нём.

В подворотню сунул нос — на него залаял пёс.

Как же в этот дом залезть, чтоб горошницы поест?

Чапа Лапа Га-Га-Га отступил чуток от дома. Разбежался и... взлетел.

Он ведь Гусь. А гуси летают. Ещё как!... Крылья широкие. Взмах могуч. Он бы легко долетел и до туч. Но на туче не ждёт обед. Ведь

на туче горошницы нет. Потому-что, поднявшись до крыши, он и не полетел выше.

Лапы у него — широкие, перепончатые, ну прямо лапти. По железной крыше он не шёл, а чапал.

Чап...

Чап...

Чап...

Чап...

Дочапал до печной трубы. Сунул нос в трубу и... обмер. Даже голова закружилась, так сладко пахло разваренным, маслом политым горохом.

«Значит, горошница стоит на шестке», — решил Чапа Лапа Га-Га-Га.

Подпрыгнул и... нырнул в трубу.

А труба-то узкая. Сажу на стенкахросло... жуть! Будто чёрные водоросли оплели кирпичи. И, продираясь сквозь эту черноту, Чапа Лапа Га-Га-Га мигом перекрасился, став из белого чёрным.

Но главная неприятность — он застрял в трубе, заткнув её, как пробка затыкает бутылочное горлышко. Заткнул — и ни с места.

Чихал.

Кашлял.

Сопел и кряхтел.

Но ни с места.

Испугался и ну головой вертеть. Лапами бить. Крыльями шевелить. А потом — крутнулся волчком. Сделал рывок и пал на шесток.

Прыгнул он в трубу белым Гусем, а выпал чёрной Вороной. Черней большущего чугуна, в котором и благоухала тёплая, сочная, разваристая горошница.

Чапа Лапа Га-Га-Га подскочил к чугуну и давай горошницу уплетать. Ест да похваливает:

— Ой, вкусна!.. Ах, сытна!.. Скоро съем чугуна до дна...

Расплата

Чапа Лапа Га-Га-Га насытился. Теперь он выбирал только самые крупные горошины. Неспешно подхватывал их клювом. Неторопливо глотал. Подумывая, где бы прилечь да соснуть часок-другой.

А в это время... Рыжий Котище... Зубастый ротище... Во-от такой хвостище... Длиннющие когтищи... Неслышно и неприметно подкрадывался к шестку, на котором пировал Чапа Лапа Га-Га-Га.

Подкрался Рыжий Котище. Выгнул спину. Подобрал лапы. Да ка-а-ак прыгнет на шесток.

— Держи вора!.. Лови вора! — завопил Рыжий Котище.

Еле успел Чапа Лапа Га-Га-Га выскользнуть из кошачьих когтей, увернуться от кошачьих зубов.

Скакнул он с шестка на стол. Тут его и увидела сердитая хозяйка. Схватила она скалку и прихлопнула бы Чапу Лапу Га-Га-Га, если б тот не перелетел в горенку.

Началась погоня-свалка. В воздухе мелькает скалка. Скачет Кот, разиня рот. Не мяукает — орёт:

— Держи вора!.. Лови вора!..

Два горшка упали с полки. Разлетелись на осколки. Рухнул фикус с табуретки. Вылетел скворец из клетки. Из распоротой перины белый пух летит на пол. Перевернута корзина. Опрокинут круглый стол. От удара балалайка разлетелась на куски.

— Ах! — воскликнула хозяйка. И схватилась за виски. Со стены ружьё сняла. Быстренько курок взвела.

Чапа Лапа крикнул «мама!». Чапа Лапа грудью в раму. Вышиб стёкла. Пал в кустах. А ему вослед б-б-ба-бах!!

Хромая да охая, приседая да кашляя, Чапа Лапа Га-Га-Га еле доковылял до родного дома.

Был он грязный и лохматый. Весь оципанный, помятый. Нос расквашен. Глаз подбит. Лапа правая болит. Под крылом торчат занозы. На глазах блистают слёзы.

Встал, качаясь, у дверей:

— Отворите же скорей. Ради бога отворите. В дом несчастного впустите. А не то вот тут свалюсь. И уже не подымусь.

Подбежали к нему друзья. Подхватили его друзья. Потасили скорей на Туру.

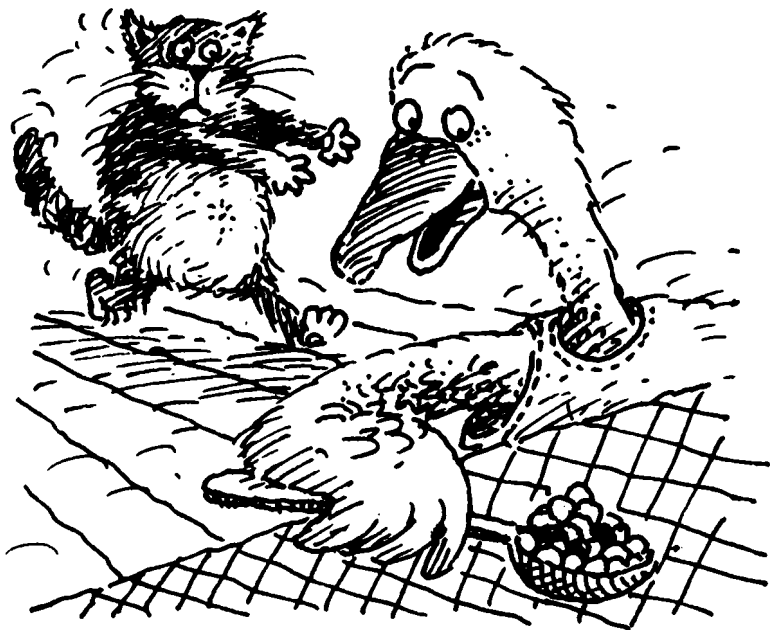
И взялись все за дело, чтобы друг опять стал белым...

Оттирали сажу щёткой. Отмывали чернь вехоткой. И шампунем поливали. Натирали мылом. Чтобы снова.

Снова.

Снова.

Снова белым был он...

Кука Река Ку-Ку-Ку

Теперь настал черёд познакомить тебя с Кука Рекой Ку-Ку-Ку.

У него тоже имелась своя песенка. Вот какая...

Кука Река Ку-Ку-Ку —
Это я.
Сабля в ножнах на боку —
У меня.
Красный гребень как костёр —
На ветру.
Будит голос мой весь двор —
Поутру.
Днём и ночью стерегу
Отчий кров.
Никогда не побегу
От врагов.
Пусть-ка сунется злодей,
В миг любой
Подниму своих друзей —
И на бой!
Саблю выну на скаку
Кук-ку-ку!
Ку-
ка-
ре-ку!..

Вот он каков Кука Река Ку-Ку-Ку. У него и вправду большой огненно-красный гребень на голове. Не гребень, прямо царская корона.

А как изукрашен, как изузорен его наряд!
Блестящая, искрящая зелёная крылатка.

Парчовые. Новые. Синие штанишки.

Белая манишка. С чёрной бабочкой вместо галстука.

На шее золотая цепочка с брелком. В ухе сверкает серёжка. Сафьяновые сапожки.

И какой хвост!.. Загляденье!

Роскошный. Прямо как павлиний. Сверху — красный. Снизу — синий. Сбоку оранжевый, как апельсин. Хвост такой в городе только один. Нету другого хвоста такого.

Рюх Ух Тюх

Когда он сыт, то крепко спит на свеженькой соломе. А если спит, то так храпит, что слышно во всём доме.

Он не задира. Хочет мира. Жуёт, когда не спит. Но если вдруг обижен друг, он друга защищает.

Он длинноносый. Хвост крючком. Коротенькие ножки. Щетина жёсткая на нём. Копыта — не сапожки. Он очень мало говорит. Бывает

иногда сердит. Тогда надуется, сопит. И только слышно «хрю-хрю-хрю!».

У него тоже есть любимая, своя песенка. Песенка про лесенку:

Где сыскать мне лесенку,
Лесенку-чудесенку?
Выше леса,
Выше тучи,
Выше молнии блескучей.
Я бы влез по ней на небо.
Я ещё на небе не был.
Я б на солнышко прилѐг.
Отогрел озябший бок.
И живот,
И грудь,
И спинку,
Подрумянил бы щетинку.
Вот здорово!..
Где найти мне лесенку,
Лесенку-чудесенку?
Чтоб она от бережка,
От зелёного лужка
К речке быстрой уводила,
В глубь студѐную манила.
Я на дно спустился б сразу,
Не был я на дне ни разу.
С головою в ил зарылся,
Сладким, крепким сном забылся.
Вдоволь выспался. Потом
Стал бы щук ловить хвостом.
Щуку — мне,
Щуку — жене.
Рюхухтютѣнкам — по шурѣнку.
Вот здорово!..

Бемекл

Он — рогат. Бородат. У него пять бемеклят. И конечно, Бемеклиха. Он с врагом дерётся лихо.

Ловок он и очень прыток. Он не признаёт калиток. В огород, в сад и во двор — прыгает через забор.

Другого такого Бемекла не только в Тюмени, но и во всей Сибири не сыскать.

Бемекл одевался нарядно и модно. Голубой мундир с двенадцатью золотыми пуговицами. Синяя фуражка с лаковым козырьком и кокардой.

А ещё у него была борода. Не длинная, но и не короткая. Не редкая, но и не густая. Ни туда и ни сюда. Вот такая борода. И конечно же, у Бемекла имелась любимая песенка.

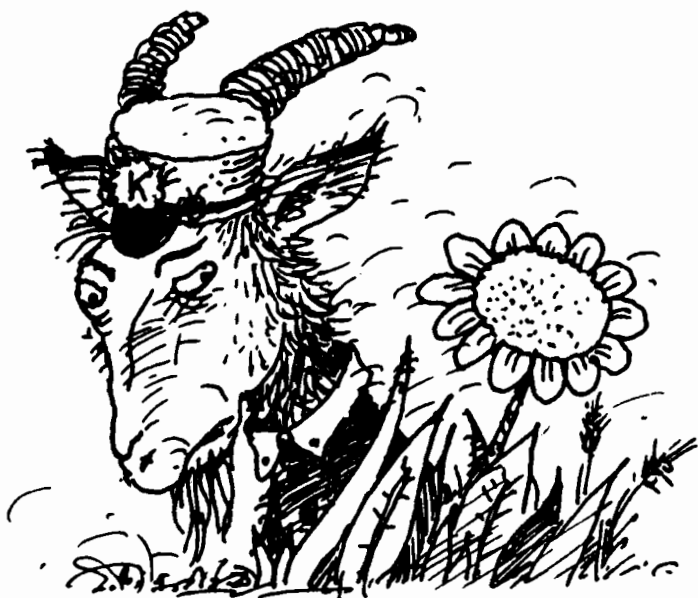
Не такая, как у Чапы Лапы Га-Га-Га.

И на песенку Кука Реки Ку-Ку-Ку не похожа.

И с песней Рух Ух Тюха её не спутаешь.

У Бемекла песня как боевой марш. Едва он запоёт, так тут же начинает маршировать.

Левой!.. Правой!..
Ать!.. Два!..
Правой!.. Левой!..
Три!.. Четыре!..

Под фуражкой голова,
Плечи в голубом мундире...
Ать!.. Два!..
Шире шаг!
Левой!.. Правой!..
Не сгибаться.
Если нас зацепит враг,
Значит, будем драться!..
Ать!.. Два!..
Не робей!
Левой!.. Правой!..
Сможем.
Если нужно — за друзей
Голову положим...

Левой!.. Правой!..
Веселей!
Ать!.. Два!..
В ногу!
Не осилить без друзей
Трудную дорогу...
Ать!.. Два!..
Запевай.
Левой!.. Правой!..
Дружно.
Никогда не унывай.
И грустить не нужно...

Ох, как кипятился, как хорохорился Бемекл, маршируя под свою песню. Иногда, разгораясь, он скидывал с головы фуражку с лаковым козырьком и кокардой.

И, будто увидав врага, он выставлял вперёд рога. Серdito бороною тряс. Свирепо щурил правый глаз. Копытом острым землю рыл. И что есть мочи голосил:

— Б-бе-е-е!.. Мм-ме-е-е!

Дюзик

Видишь, какие друзья у Мишеля. И все они жили в одном дворе.

Но самым верным, самым близким, самым неразлучным другом Мишеля был Дюзик.

Кто такой Дюзик?

Ты вправду не знаешь?

И честно-пречестно, никогда о нём не слышал?

Ай-ай-ай! Какая жалость. Потерпи-ка, друг мой, малость. Слышишь, тихий перезвон. Это к нам шагает он...

А пока он шагает, я расскажу тебе о нём, что знаю...

У дома, где живёт Мишель, давно растёт большая ель.

На ёлке — иголки. Зелены и колки.

На ёлке есть дупло, а в нём живёт весёлый, хитрый Гном. Гномик-карапузик по имени Дюзик.

Вот это и есть наипервейший друг Мишеля. Ну, самый-пресамый верный и надёжный друг.

Маленький-удаленький. И очень-очень, прямо-таки через очень-очень фасонистый гномик.

На нём — рубаха красная. Синий поясок. Сапожки атласные — загнутый носок.

Сапожки сшиты ловко. Сапожник молодец!.. Из серебра подковки. Шпоры — бубенец. Стоит Дюзик шагнуть, двинуть сапожком чуть-чуть, сразу будет слышен звон:

Динь-дон!...

Динь-дон!..

Динь-дон!..

Если Дюзик свистнет раз, прилетят к нему тотчас. С четырёх со всех сторон — стаи галок и ворон.

И сорок.

И стрижей.

И синичек.

И чижей.

Потому, что Дюзик Гном со всеми птицами знаком. И с крохой птахой. И с Орлом.

Он всем пичугам брат и друг. По-птичьи может говорить. И коль беда нагрянет вдруг, готов помочь и услужить.

Тревога

Ночь тепла, но не темна. В небе плавает луна. Звёзды яркие горят. Взрослые и дети спят.

Спят девчонки.
Спят мальчишки.
Дремлют куклы,
Птички, мышки.
Сон баюкает котят.
И Мишель, и Дюзик — спят.

Спит Мишель и в ус не дуёт. Не пошевелит хвостом. Крепко вроде спит, но чувствует, что творится за окном...

Вот прошествовал куда-то забияка Кот. Вот в скворечнике скворчата завопили. Вот...

Длинноногий Комарище ноет за окном. Комарище щёлку ищет, чтоб пробраться в дом...

Спит Мишель и всё-всё слышит... Вот с ольхи слетел листок; ветерок траву колышет; тепловоз даёт гудок... Самолёт рокошет где-то в недоступной высоте. В небе лопнула ракета. Флаг трепещет на шесте...

Замерла ночь, затаилась.

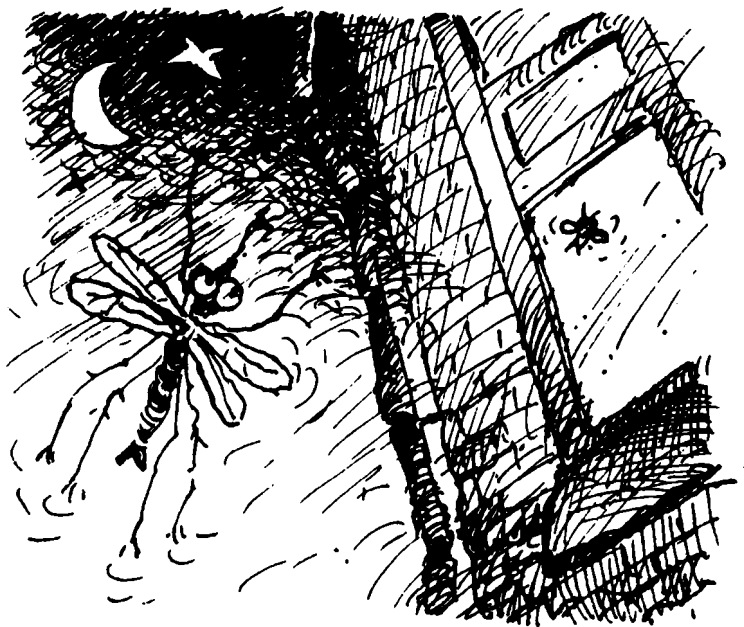
Ты думаешь, все ночи одинаковы? Нет!.. Ночи бывают разные.

Синие.

Белые.

Серые.

Чёрные...

А весенняя ночь — сиреневая. Она пахнет молодой травой, цветущей черёмухой да сиренью.

Ещё она пахнет костровым дымом, рекой да смолой.

В сиреновом небе купаются весёлые звёзды. Ныряют в облаках, кувyrкаются. Подмигивают нам. Улыбаются.

Глянь-ка на весеннее небо. Сколько там звёзд! И каждая подмигнёт тебе и обязательно улыбнётся...

В городских улицах застыла сиреневая тиши-

на. Не грохочут автомобили. Не кричат дети.
Не щебечут птицы.

Зато слышен ручей.

Чей?

Да ничей.

Слышно, как на ёлке шебуршат иголки.

Слышно, как поёт сверчок.

Как кору грызёт жучок.

Как мышка-норушка серая побирушка коготками по полу цок да цок, будто на ней туфельки — тонкий каблучок.

Вдруг... Тук!

Что за стук?

И опять:

Тук... Тук... Тук!..

И бубенцовый перезвон:

Динь-дон!..

Динь-дон!..

Динь-дон!..

И шепчет Дюзик от порога:

— Мишель... Вставай скорей... Тревога...

Беда

На дворе переполох.

О-о-о-ох!

Чапа Лапа Га-Га-Гагиня вся в слезах.

А-а-а-ах!

Кука Река Ку-Ку-Ку испускает дух.

У-у-у-ух!

Рюх Ух Тюх с женой в обнимку плачут громче всех.

Э-э-э-эх!

Даже рогатый, бородатый проказник Бемекл затих.

И-и-и-их!

Только Мишель ступил на крыльцо, его окружили плотным кольцом. Тесным кольцом обступили. Запричитали. Заныли:

— Ой, беда, Мишель!..

— К нам сюда, Мишель!..

— Поскорей, Мишель!..

— Помоги, Мишель!..

— Откуда и когда нагрянула беда? — недовольно проворчал Мишель.

При этом он сердито распустил чёрные усы. Прищурил чёрные глаза. Вздрыбил чёрный хвостик.

Тут все хором закричали. Кто что кричал — не разобрать.

Крыльями машут.

Ногами топают.

Когда немного подуспокоились, приутихли, выступила вперёд дородная Гусыня Чапа Лапа Га-Га-Гагиня. Всхлипнула, стала рассказывать:

— Га-га-га!.. Я проснулась на рассвете. Посмотрела, спят ли дети. Глянула в окно, а там... Не поверила глазам...

Голос у неё задрожал и оборвался. Раскрыла она клюв, из него вместо слов — шипенье. Чапа Лапа Га-Га-Гагиня крутит шеей, вертит головой, хлопает глазами и шипит:

— Ши-ши-ши... Ш-ш-ш-ш-ш...

Подбежал к Гусыне Дюзик. С головы сорвал картузик. По спине Гусыню хлопнул. Сапожком сердито топнул. Снова хлопнул что есть силы. И она заговорила:

— Га-га-га... Там... За окном... На траве какой-то ком... То ли шерсти... То ли ваты... Чёр-

ный. Страшный. И лохматый... Очень жуткий. И живой... Ой!.. Ой!.. Ой!..

Снова голос у неё задрожал и оборвался. И опять Дюзик топнул сапожком. Замахнулся картузиком. Чапа Лапа Га-Га-Гагиня чихнула. Вздохнула. И договорила:

— Га-га-га!.. Крунулся ком, стал огромным... вот как дом. А потом вдруг распустился. Тучей чёрной обратился... И в один короткий миг. Он в сарай и в дом проник...

Оказывается, это было неведомое, страшное чудовище. Оно оплело, окутало всех бемеклят, рюхухтютят, кукарекакукукят. И конечно же, пятерых чапалапагагагагеньчиков.

Сграбастало малышей.

Обернулось шаром.

Подпрыгнуло и улетело невесть куда.

— Вместе с бедными, несчастными чапалапагагагагеньчиками... — рыдая, договорила Чапа Лапа Га-Га-Гагиня, ну, а попросту — Гусыня.

— Вместе с моими кукарекакукукукятками, — проквохтала слезливо Курица.

— И с моими рюхухтютятками, — прохрюкала жалобно Свинка.

— И с ненаглядными бемеклятками, — горестно проблеяла Коза.

Мамы похищенных малышей зарыдали, папы носовыми платками стали промокать глаза и дружно всхлипывать.

Мишель усы встопорщил. Свой чёрный нос

наморщил. Слегка пошевелил хвостом. И медленно сказал потом:

— Эт-то что за чудо-юдо? К нам пришло оно откуда?.. Малышей зачем забрало? И куда их подевало?.. Кто расскажет нам про это? У кого искать ответа?

Мамы зарыдали громче и горше прежнего. Папы ещё ниже опустили головы. Только Дюзик, кажется, не унывал. Он думал.

И Мишель думал.

Думали они, думали.

Очень долго думали.

И придумали...

— Послушай, Дюзик, кто всех раньше просыпается? — спросил Мишель.

— Птицы.

— А кто и ночью не спит?

— Караульная Сорока.

— Вот к ней и поспешим!

Караульная Сорока

На самом крутом, самом возвышенном месте берега Туры росла Сосна.

Сосна не простая — Сторожевая.

То ли правда, то ли нет, но говорят, уж триста лет стоит Сосна Сторожевая, как будто вышка смотровая.

Стоит и видит всё вокруг. Всё знает. Но молчит. Если же и говорит иногда, то на непонятном, лесном языке.

На самой верхушке Сторожевой Сосны и пристроилась Караульная Сорока. Была она белохвоста. Белобока. Грудаста да глазаста. Во все стороны глядит. Всё примечает. И не молчит.

Любит Караульная Сорока поговорить-поболтать. Со своими подружками — разными пичужками. Вот к ней и прискакал Мишель с Дюзиком на спине.

Мишель легонько постучал хвостом по стволу Сторожевой Сосны. Та мигом ветви распушила, иглы встопорщила и замерла, словно бы окаменела. Тут же послышался её еле внятный шёпот:

— Шш-шу-шу-шу... шш-ши-ши-ши... Потерялись малыш-ш-ши...

— Они не потерялись, — сказал Мишель. — Их похитили! Кто?!

— Гром-шш-ше... Громш-ш-шш-ше пошшу-мите. Бело-боку раш-ш-шбу-дите. У неё шко-рей шшпро-ш-ши-те...

Здрав голову, Мишель закричал:

— Эй!.. Караульная Сорока. Где ты? Слышишь? Белобока! На минутку покажись! Что молчишь ты? Отзовись!..

Пулемётной очередью застрекотала сверху Караульная Сорока:

— Кто?.. Что?.. Где?.. Когда?.. Как?.. Откуда?.. Ну?.. Куда?..

— Остановись, Белобока! — прервал сорочью стрекотню Мишель. — Дай слово молвить...

Караульная Сорока на миг притихла, и Мишель успел выговорить:

— Ты гнезда не покидаешь. Всё-то видишь, всё-то знаешь. Нам поведдай поскорей, кто похитил малышей?

И опять затараторила Караульная Сорока:

— Видела. Слышала. Запомнила. Знаю. Расскажу и покажу. Раз! Два! Три!.. Лови!

И с верхушки, как из пушки — бах! И Мишель по макушке — трах!

Позабыл Мишель, что рядом обрыв. Прянул в сторону и сорвался с высоченной кручи.

Чудо-юдо

— **О**й! Ловите! — крикнула Караульная Сорока и кинулась с кручи догонять Мишеля.

Догнала. Вцепилась Мишелю в хвост. Забила крыльями. Да разве по силам ей удержатъ огромного пса?

Тут Дюзик сложил ладошки рупором, закричал по-птичьи:

— Беда!.. Беда!.. Скорей сюда!.. Спешите!.. Помогите!..

В тот же миг из норок в стене обрыва серыми крылатыми пулями выпорхнула стая стрижей. Облепили падающего Мишеля. Вцепились в него. Изо всех сил замахали крылышками. Засвиристели. Но удержать Мишеля не смогли. И тот, хоть чуть медленнее, всё-таки продолжал падать на бетонные плиты набережной. Вот-вот грохнется и разобьётся.

Тут снялась с воды огромная утиная стая. Крылья уток широки, могучи. Подхватили утки Мишеля под бока. Распластали крылья, и перестал Мишель падать.

А Дюзик всё трубил тревогу. Стрижам и уткам на подмогу. Летят, спешат за стаей стая, Мишеля на лету хватая.

Мелькают крылья разных птиц:

Стрижей.

Чижей.

Скворцов.

Синиц.

Кукушек.

Чаяк.

Голубей.

Мелькают всё быстрее, быстрее.

А какой трезвон-перезвон поднялся в небе!
Так раскричались пернатые спасатели, что заглушили гул городской улицы. Не слышно стало

даже басовитого, могучего гудка проплывающего парохода.

Толпятся на палубе люди. Дивятся: «Ой! Что ж это будет? Куда?.. На расправу?.. На суд?.. Пичуги собаку несут?.. А может быть, это — не пёс? Какой-то неведомый зверь?.. Ответь-ка на этот вопрос. Взлети-ка попробуй, проверь...»

Не на шутку Тюмень взволновалась. Век такого ещё не случалось. Никогда отродясь не бывало, чтоб собака по небу летала.

Собралась толпа — не счесть. Дедушки и папы здесь. Мама с бабушками тоже. Так кричат — мороз по коже:

- Это инопланетянин!..
- Гуманоид!..
- Марсиянин!..
- Клок, оторванный от тучи!..
- Чёрный пёс, упавший с кручи!..
- Почему летит?.. Узнать!..
- Изловить немедленно!..
- Взять!..

Вертолётчики полезли в вертолёты.

Лётчики уселись в самолёты.

Мчат по улицам, сигналиая, водомёты.

Крики над толпой сильнее:

- Улетит!..
- Сбежит!..
- Лови... Живей!..

А Мишель раскинул лапы. Вытянул длинный хвост. Летит и ворчит:

— Ну, Караульная Сорока!.. Ну, погоди!.. Я ж тебе...

Караульная Сорока услышала. Подлетела к самому носу Мишеля. Застрекотала:

— Не думала. Не гадала. Сам не устоял. Сам свалился.

Пока они так-то препирались, птицы подняли Мишеля на крутоярье, опустили подле Сторожевой Сосны...

На хвосте Мишеля

Караульная Сорока уселась на спине Мишеля. Крылья распустила. Хвост распушила. И застрекотала:

— Только вам. Больше никому. Слушайте. Запоминайте. Малышей украл Туч Липуч Каракруч. Из царства Ледомора... Всё!.. Недосуг!.. Лечу!..

— Повремени, Караульная Сорока, — просительно выговорил Мишель. — Кто таков Туч Липуч Каракруч?

— Что за царство Ледомора? — подал голос и Дюзик.

— Слушайте. Запоминайте. Я не повторяюсь. Знайте... — громче прежнего заверещала Караульная Сорока, прыгая по спине Мишеля.

Сперва подпрыгнула чуть-чуть. Потом — по-

выше. После — ещё выше. Тараторит и прыгает. Тараторит и скачет. Прыгала, прыгала, до Мишелиного хвоста доскакала. Уселась на конце длинного, лохматого, чёрного хвоста и успокоилась.

Мишель шевелит потихоньку хвостом, Сорока сидит недвижимо на нём. Сидит и стрекочет:

— Красотища!.. Красота!.. Я на кончике хвоста! Что за чудо-карусель!.. Покатай меня, Мишель!..

Мишель описал хвостом круг. Другой. Третий. Всё быстрее. Быстрее. Ещё быстрее. Караульная Сорока от восторга крыльями захлопала.

Наконец она закричала:

— Ой!.. Стой!.. Голова закружилась. Как бы чего не случилось!..

Отдышалась. Потом скороговоркой выпалила:

— Ледомор — владыка Полярного царства. Он...

— Что за царство?.. Где оно?.. — нетерпеливо перебил Дюзик.

— Ах, какой ты торопыга! — укорила его Караульная Сорока и застрекотала ещё быстрее:

— Тура в Иртыш втекает. Иртыш впадает в Обь. А та прямо в Ледовитый океан. Там Полярное царство. Там владения Ледомора.

— Что же это за царство? — снова спросил Дюзик.

Караульная Сорока вдруг погрустнела. По-

молчала. Повздыхала. Заговорила неожиданно тихо и медленно:

— Там — вечный снег. Там — вечный лёд. Мороз лютует круглый год. Ничто в том царстве не растёт. Нет ни цветочка. Нет травы. Туда не доберётесь вы.

Помолчала Караульная Сорока и вновь застрекотала:

— Ледомор — кровожаден. Свиреп. Очень жаден. Поедает зверят. Всех подряд...

— И для этого негодяя Туч Липуч Каракруч похитил наших малышей?! — воскликнул Дюзик.

Опять приуныла Караульная Сорока. И тише прежнего. И горше прежнего. И вовсе медленно произнесла:

— Туч Липуч Каракруч зол, коварен и могуч. Ледомора злей стократ, хоть ему и младший брат.

— Погибли наши малыши, — скорбно вымолвил Мишель.

— Вряд ли... Вряд ли... — застрекотала Караульная Сорока. — Ледомор всё лето спит. Малыши в пещере ждут, когда полярный владыка проснётся и...

— А когда проснётся он? — насторожился Дюзик.

— Когда прозрачный крепкий лёд Туру, Иртыш и Обь скуёт. Накроют белые перины леса, и горы, и равнины...

— Понятно, — перебил её Мишель. — Спасибо, Караульная Сорока. Если надо тебе шерсти или пуху для гнезда...

— Ой! Надо!.. Надо!.. Надо!.. — обрадованно застрекотала Караульная Сорока. — Ещё как надо. Скоро у меня появятся сорочата. Совью им гнёздышко из шерсти. Застелю его пухом...

— Полезай ко мне на спину. На подушку и перину можешь пуху нащипать...

— Ах, какая благодать! — Вскочила Кара-

ульная Сорока на Мишеля и давай когтями из него пух вычёсывать, клювом шерсть выщипывать. Минуты не прошло — готова охапка. Подхватив добычу, взлетела Сорока на макушку Сторожевой Сосны. Прокричала оттуда:

— Спасибо, Мишель, за мягкую постель! За тёплые стены, надёжную крышу. Приходи — расскажу, что увижу, услышу...

Утро в лесу -

Летом Солнышко ра-а-ано просыпается. Рано просыпается — в небо поднимается.

Как только Солнышко показало из-за горизонта сверкающую макушку, так и начался этот день.

В лес примчался Ветерок. Стал толкать деревья в бок. Сразу пихты, кедры, ёлки ошетишили иголки. А берёзы да осины тотчас распрямили спины. И листвою зашелестели. На деревья птицы сели. И запели...

Дрозд — по-дроздиному.

Клёст — по-клёстиному.

Ну, а Дятел тук да тук! Долбит Дятел толстый сук. Ищет Дятел короедов, чтоб детишкам пообедать.

И Кедровка-плутовка молчит. Кедровые шишки лущит.

Деревья, травы и цветы. Звери, птицы и лягушки. Букашки. Бабочки. Стрекозы. Пчёлы, осы, шмели... Все... Все обитатели леса очень радовались Солнышку. Оно принесло в густой, хмурый Лес свет и тепло и веселье.

Зубастые серые волки принялись будить волчат:

— Эй! Лентяи-лежебоки! Поднимайтесь! Пора на охоту!

Хитрющая пройдоха — Лисица-огнёвка уже накормила своих лисят и повела их на прогулку.

Лосиха втолковывала Лосёнку, как по запаху отличить траву вкусную и полезную от травы горькой и вредной.

На Солнышко. На травку. На зарядку-разминку.

Белка вывела бельчат.

Медведица — медвежат.

Бурундуки — бурундучат.

Олениха — оленят.

Бобреха — бобрят.

Все звери.

Все птицы.

Все жучки, паучки, бабочки, стрекозки...

Все лесные жители в это солнечное, нарядное, весёлое утро с детишками гуляли. С мамами играли. Лесным законам их обучали.

Вдруг...

Туч Липуч Каракруч

Лес качнулся. Содрогнулся. Лес испуганно пригнулся. Понеслись со всех сторон крики, вопли, плач да стон...

— Ой! Спасите!

— Защитите!

— Детёнышей уводите!

— Эй, скорей... Скорей... Скорей! Прячьте ваших малышей!..

Косматая чёрная туча проворно накрыла Солнышко. Стало в Лесу по-ночному темно. Сделалось зябко и сыро.

Подхватив малышей, звери и птицы разбежались, разлетались к гнёздам, дуплам, норам.

А Туча уже над Лесом зависла. Сгустилась. Клубком свернулась. Пала на лесную поляну.

Чёрный. Страшный. Непонятный. Шерстяной, а может, ватный. Преогромнейший клубище. Колыхается и свищет.

— Фьють-фьють-фьють!.. Фух-ух-пух!..

Посвистел. Попыхтел. Да и начал подпрыгивать.

Сперва чуть-чуть.

Потом повыше.

Ещё выше...

Подпрыгивая, он вытягивался. И скоро сверху большущего клубка показался маленький клубочек. На нём неожиданно прорезались...

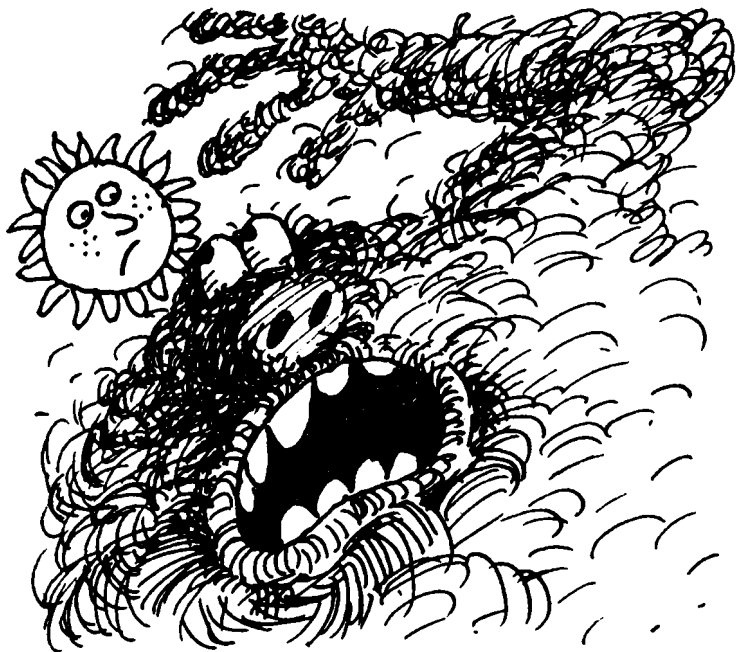
Да-да, глаза. Не глаза — глазищи! Ворочаются они. По сторонам шарят. И горят зловеще...

Потом обнаружился рот. Не рот — препротивнейшая чёрная, широкая, зубастая пасть. А над ней две ноздри проклюнулись.

Широкие.

Шевелящиеся.

Волосами поросшие.

Вот чёрная пасть раскрылась, и покатилося
над стихшим Лесом:

Я — брат владыки Ледомора.
Его надежда и опора!
Я всё могу, что захочу.
Кто против пикнет — проглочу!..

Страшный. Зубастый. Глазастый. Носатый
клубок начал вытягиваться. Сперва он походил
на цистерну. Потом на башню.

А на чёрной круглой голове выросли уши. Большие, как лопухи. Только не зелёные, а тоже чернушие.

Чёрные лопухи зашевелились, задвигались. Из чёрной пасти повалил дым. Сперва он заполнил поляну. Потом потёк по Лесу. И над припавшей травой. Над согнутыми деревьями. Над дрожащими зверями и птицами загрохотало:

— Эгей-гей! Э-эй! Э-эй!.. Слушайте меня скорей... Птицы слушайте и звери. Вы — трусливые тетери!.. Ну-ка! Отпирайте двери! Покидайте дупла, норы — дань тащите Ледомору! Я пока добром прошу: с каждого — по малышу!..

Замер Лес. Затаились, прижались друг к другу звери и птицы. Каждый год прилетал к ним летом Туч Липуч Каракруч и отнимал...

У Бельчихи — Бельчонка.

У Зайчихи — Зайчонка.

У Лосихи — Лосёнка.

У Волчицы — Волчонка.

У Лисицы — Лисёнка.

А какая же мама беспрекословно отдаст маленького сына или дочку на съедение популярному владыке, страшили Ледомору?

И поплыл по Лесу стон. Покатился плач. Закричали звери:

— Вон!

— Вор!

— Бандит!..

— Палач!..

Озлился Туч Липуч Каракруч. Рывкнул так, что листья с берёз посыпались; иглы с елей послетали; трава к земле пригнулась.

— Замри!.. Ни звука!.. Ни гугу!.. Не вздумайте дать дёру. Любого вмиг настичь смогу. И в лапы Ледомору!..

И звери, и птицы понесли своих птенцов и зверят к Туч Липучу Каракручу.

Рыдают мамы.

Ну, а папы кусают от досады лапы.

Малыши дрожат, упираются, с папой, мамой навеки прощаются.

— Всех привели? — прорычал Туч Липуч Каракруч, озирая дрожащих, плачущих, перепуганных малышей.

Вновь обернулся он лохматой, чёрной, непроницаемой тучей. Та будто мохнатым покрывалом вмиг накрыла лесную поляну. И малышей уже не видно и не слышно: свернулась туча клубком, все зверята и птенцы очутились внутри него.

Клубок на месте закачался. Подпрыгнул и закувыркался. До белых облаков поднялся. И полетел прямо на Север. В царство полярного владыки — кровожадного, хищного Ледомора.

А с земли, вослед Туч Липучу Каракручу, неслись плач и угрозы вдруг осиротевшего Леса...

А в это время

А в это время Мишель и Дюзик вернулись от Караульной Сороки. Их тут же обступили обитатели двора: Кука Река Ку-Ку-Ку, Рюх Ух Тюх, Чапа Лапа Га-Га-Га и, конечно же, Бемекл.

Обступили.

Окружили.

В ожидании застыли.

Оглядел Мишель их хмуро. Опустил свой хвост понуро. И промолвил тихо:

— К нам подкралось Лихо.

Рассказал всё, что услышал от Караульной Сороки.

— Погибли наши малыши,— скорбно молвил Чапа Лапа Га-Га-Га.

— Пропали наши детки,— подхватил Рюх Ух Тюх.

— Бедный мой ребёнок. Прощай Бемеклёнок,— со слезами в голосе еле выговорил Бемекл.

И только Кука Река Ку-Ку-Ку, воинственно выпятив широкую зелёно-красно-сине-жёлтую грудь, прокричал:

— Я Кука Река Ку-Ку-Ку. С каких, не помню, пор. Стою всё время начеку. Свой охраняю двор.

— Охраняю... Охраняю...— передразнил его

Чапа Лапа Га-Га-Га,— вот и доохранялся...

Обиженный Кука Река Ку-Ку-Ку сердито глянул на друга и отчеканил:

— Брат злого Ледомора. Меня околдовал. Я проворонил вора. Я недруга проспал. Готов вину я искупить: погибнуть иль врага разбить!

— И я повинен в том, что вор прокрался в дом. Ведь я ж волшебник Гном,— покаянно пробормотал Дюзик.

— И я, конечно, виноват. Ведь я могуч и я рогат. И мог бы на рога легко поднять врага,— смущённо проблеял Бемекл, опустив глаза.

— И я в ответе за беду,— промолвил Рюх

Ух Тюх.— Но я на край Земли пойду. Злодея логово найду. И... в прах его, и... в пух!..

— И я на что-нибудь гожусь, хоть с виду я — обычный гусь! Я — Чапа Лапа Га-Га-Га! И я умею бить врага...

— Прекрасно! — хвост поднял Мишель.— У всех у нас одна лишь цель. Не мешкая в поход пойти. Злодея логово найти. Схватиться с ним и победить. Чтоб малышей освободить!..

Перебивая друг друга, все закричали:

— Скорее!

— В путь!..

— Веди, Мишель!

— Спасём несчастных малышей!..

Строим плот

Дружно. Весело. И смело. Принялись друзья за дело. Поискав, нашли на свалке — доски, брёвна, жерди, палки. Гвозди, проволока, жель — это всё на свалке есть.

Натаскали к реке что нужно и взялись строить плот.

Звенят, сверкают топоры.

Тоненько взвизгивают пилы.

Шуршат рубанки и фуганки.

Стучат, как дятлы, молотки.

Не знает устали Мишель. То он тешет то-

пором. То пилит пилой. То строгает рубанком. То молотком сколачивает. То проволокой связывает.

Скинул Бемекл голубой мундир с двенадцатью золотыми пуговицами. Снял фуражку с лаковым козырьком и кокардой. Помогает Мишелю пилить да строгать. Сплачивать брёвна и крепко вязать.

Рюх Ух Тюх подкатывает брёвна. Подаёт
доски. Помогает пилить.

Чапа Лапа Га-Га-Га и Кука Река Ку-Ку-Ку
мастерят каюту. С тремя оконцами. И дверкой.
На крыше каюты — площадка для наблюдателя.

А где же Дюзик?

Парус шьёт.

Да не белый — голубой.

Прямо синий.

Синий-пресиний, совсем зелёный.

Все строители в запарке. От работы ох как
жарко.

А когда все утомятся. В ряд на брёвнышко
сядутся. И кто-нибудь запекает любимую песню:

А ну!.. Собиёмся в стаю —

К плечу плечо.

Тогда беда любая

Нам ни-по-чём...

Тогда любое горе

Нас не возьмёт.

Хоть океан. Хоть море

Оси-лим вброд.

Жара нас не пугает.

Как и мо-роз.

Не хнычет. Не вздыхает

Во-жак наш — пёс.

И мы с Мишелем рядом

Хоть в путь. Хоть в бой.

За друга, коли надо,

Рис-кнём со-бой!

А ну! Дружнее, братцы,

Нас долг зо-вёт,

Не привыкать сбираться
В лю-бой по-ход.
Погромче, запевала!
По-ши-ре шаг.
Нас ждёт ещё не мало
Ли-хих а-так!..

После песни друзья работали ещё азартней,
ещё веселей.

Громче тюкали топоры.
Звонче звенели пилы.
Чаще стучали молотки.
Протяжней шуршали рубанки.
И вот плот готов...

На плоту

Ах, какое Солнышко полыхало с утра в голубом небе. Яркое да жаркое. Ласковое да весёлое.

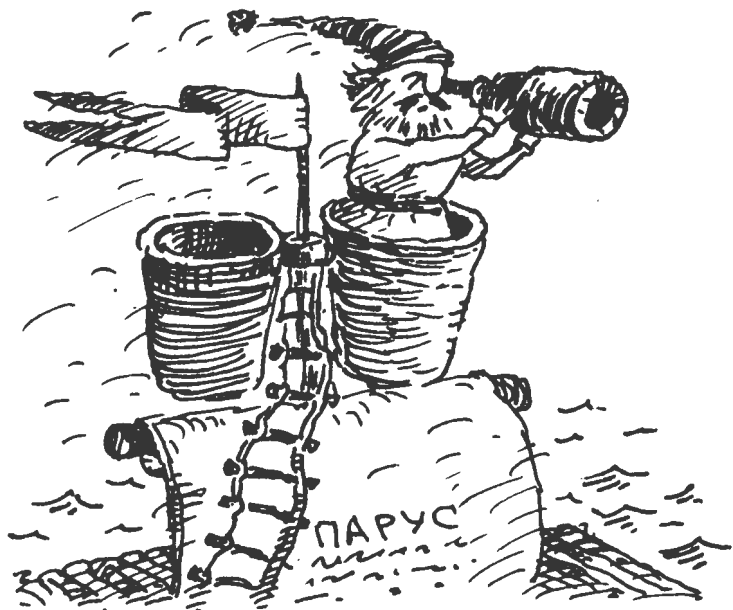
Иногда Солнышко подмигивало Мишелю: не робей!..

Прозрачное небо тоже приободряло собравшихся в поход друзей.

И Ветерок. Несильный. Тёплый Ветерок легонько подталкивал их: скорей!.. скорей!..

Вода в Туре сверкала. Плескалась и журчала, покачивая готовый к отплытию плот.

Плот получился надёжным, просторным и

крепким. Спереди заострён. Сзади закруглён. Посредине плота высится мачта с парусом. Ближе к корме каюта для отдыха. А на корме — кормило: длиннущее весло, опущенное лопаточкой в воду.

На мачте, на самой верхушке, на небольшой неприметной зарубке примостился Дюзик. Мишель встал у кормила. На крыше каюты важно расселись Чапа Лапа Га-Га-Га и Кука Река Ку-Ку-Ку. Рюх Ух Тюх и Бемекл гордо стояли на носу плота.

С раннего утра над плотом кружили и кружили птицы. Они прощально махали крыльями, протяжно кричали на разные голоса:

— Счастливого пути, Мишель!

— Возвращайтесь поскорей, Мишель!

— Туч Липуча Каракруча победите, малышей несчастных мамам воротите!..

А Чапа Лапа Га-Га-Гагиня, Кука Река Ку-Ку-Кукиня, Бекмеклиха и Рюх Ух Тюхиня суетились на берегу, вопрошая собравшихся в поход, не забыли ли они чего-нибудь.

Вздыбив распушённый огромный хвостище, Мишель скомандовал:

— Отчалить!

— Есть отчалить! — браво откликнулся Бекмекл, отвязывая плот от берега.

Освобождённый от привязи плот качнулся, развернулся и, подхваченный течением, поплыл. Вниз по реке Туре. Туда, где Тура вливается в Иртыш.

Налёт Мишель на кормило, вывел плот на стремнину. Там течение быстрее. Там течение сильнее. Подхватило оно бревенчатый плот и погнало его на Север — в царство страшного Ледомора, на выручку похищенных малышей.

Налетел нешибкий, несердитый тёплый Ветерок. Шепнул Мишелю:

— Разворачивай парус. Я подмогну...

— Поднять парус! — скомандовал обрадованный Мишель.

— Есть поднять парус! — браво откликнулся Бемекл.

Вместе с Рюх Ух Тюхом ухватился Бемекл за верёвку и ну тянуть её, распрямляя и поднимая полотнище паруса.

На подмогу им кинулись Чапа Лапа Га-Га-Га и Кука Река Ку-Ку-Ку. Они вцепились в верхнюю планку паруса и, размахивая крыльями, подтянули полотнище вверх.

Минуты не прошло, над плотом поднялся парус. Синий-пресиний, совсем зелёный парус.

Ветерок разогнался, с разбегу ткнулся в парус. Так его надул, что плот помчался, будто на крыльях.

Синий Бор

Осталась позади Тюмень. Дома прибрежных деревень. Посёлки дачные. Сады. Поля пшеничные. Пруды. Луга, где по колено травы. Под солнцем сникшие дубравы. И берегов отвесных кручи. И вот он — Синий Бор дремучий.

Бор — это древний мудрый Лес. Там много сказок и чудес.

Мишель сразу приметил: Бор угрюм и не светел.

Стоят кедры понуро. Березы смотрят хмуро. А голубые ели — дышат еле-еле.

Причалил к Бору плот Мишель, причалил. Закричал:

— Э-э-эй!.. Лес могучий... Бор дремучий!.. Что стоишь мрачнее тучи? Отчего, скажи, не весел? Что не слышно птичьих песен? Не видать твоих зверей?.. Отвечай же поскорей!..

Покачулся Бор дремучий. Прокатился тяжкий вздох:

— О-о-оо-оо-оxxx!!!

И тут же к берегу. К плоту. Побежали отовсюду звери.

Колобком катился Мишка. Следом — Зайка-хвастунишка.

Мчался Лось широким махом. Вслед за Лосем — Росомаха.

Белка по верхушкам скок. Прыг за ней Бурдучок.

По ручью плыла Бобриха. Шла сквозь чащу Кабаниха.

Лезла сквозь кусты Лисица. Пулею неслась Куница.

Волк стремился без дорожек. А на Волке замер Ёжик. Быстро бегать Ёж не мог: у него нет длинных ног.

Сбежались к плоту.

Друг друга теснят.

Но не ругаются.

Не рычат.

Подступил к Мишелю могучий Лось. Склонил голову с огромными, тяжёлыми, будто из камня вытесанными, рогами.

Стихли звери. Заговорил Лось:

— Караульная Сорока и Вещая Сова поведали нам о вашем великом горе. Туч Липуч Каракруч в тот же день был у нас в Бору. Он отнял наших малышей и, унёс прожорливому чудовищу Ледомору.

Тут звери все разом закричали, запричитали, зарыдали.

Помахал Мишель хвостом. Звери смолкли. Он потом:

— В лес врага зачем пустили и не выгнали взащей? Почему не защитили милых, славных малышей?

В землю Лось вогнал копыта. И ответил Лось сердито:

— Туч Липуч Каракруч и свиреп, и могуч. Злой колдун к тому же он. Оттого-то так силен. Кто ему не подчинится — в гриб поганку превратится. Погляди-ка, на полянах сколько здесь грибов поганных. Все они зверями были. Колдуну не угодили. Не послушались приказа. И поганкой стали сразу...

— Как же их расколдовать, оживить? Снова в волка да лису превратить? — спросил Дюзик.

— Чтобы их воскресить, оживить, Туч Липуча Каракруча надобно сгубить... — ответил Лось.

— Но где его упрятан дом? И как нам сладить с колдуном? — подступил Мишель к Лосю.

Задумался Лось. Замолчал. Рогами слегка покачал. И стал от плота отступать. Промолвив:

— Откуда мне знать? Вещунью Сову позовите. Об этом её и спросите...

На плот прыгнул Волк. Задрал голову. Завыл:

— У-у-у!.. У-у-у! Кличу Вещую Сову-у!..

Маленький конфуз

Из глубины Бора. Из тёмной, мрачной, неведомой дали донёсся непонятный звук. Не то ветка обломилась. Не то кедровая шишка свалилась.

Насторожились звери. Повернулись к Бору. Замерли, выжидая. Звук повторился. Ещё. Ещё раз. Вот он ближе. Ближе и громче.

По-над Бором, едва не цепляясь крыльями за макушки кедров и елей, показалась парящая Вещая Сова.

Тёмная тень от неё скользнула по белому песку, замерла над плотом.

Вещая Сова подобрала крылья. Вытянула вперёд лапы с растопыренными когтями. Пала камнем на крышу каюты, где спокойно посиживали Чапа Лапа Га-Га-Га и Кука Река Ку-Ку-Ку.

С неба павшая Сова переполошила друзей. Чапа Лапа Га-Га-Га сиганул с крыши прямо в речку.

Прокричав «кукареку!», Кука Река Ку-Ку-Ку бухнулся туда же. Окунулся с головой. Завопил:

— Тону!.. Ой!.. Ой!..

Петухи-то ведь плавать не умеют.

Чапа Лапа Га-Га-Га едва успел сцапать тонущего друга за красный гребень. Выдернул

из воды. А попробуй-ка уплыви с такой ношей в клюве.

Попробовал Чапа Лапа Га-Га-Га взлететь. Чуть крылья не поломал, но от воды не оторвался.

Попытался он к плоту подилыть. Едва лапы не вывихнул, но с течением сладить не мог.

А Кука Река Ку-Ку-Ку нет бы помогать другу, ну, хотя бы не мешать. Куда там! Брыкается. Гневается. Кричит:

— За гребешок меня не трожь!.. Пусти сейчас же. Оторвёшь!

Рассердился Чапа Лапа Га-Га-Га и отпустил. Кука Река Ку-Ку-Ку тут же захлебнулся, камнем пошёл на дно.

Пришлось Мишелю нырять с плота. Настиг утопающего под водой. Сцапал за хвост. Вытащил на плот.

Вскочил рассерженный Кука Река Ку-Ку-Ку. Весь встопорщенный, промокший. Вода с него ручьями стекает. А он выхватил саблю. Закричал Вещей Сове.

— Попадись-ка мне в бою... Кукареку!.. Сразу голову тебе отсеку!..

Ему Сова в ответ:

— Уймись! На солнце ляг да обсушись...

— Я сейчас к тебе подпрыгну-подлечу... Кукареку!.. Саблей голову мгновенно отхвачу... Кукареку!..

Разбежался. Подпрыгнул. А взлететь-то не смог. Намокшие крылья одрябли — обвисли. Мокрый хвост к земле тянет.

Не смог он взлететь. Зато, когда подпрыгивал, потерял штанишки. Намокли те и соскользнули.

Сконфуженный. Бесштаный. Кука Река Ку-Ку-Ку кинулся в каюту. Да, на беду, за канат запнулся. Кувыркнулся. Растянулся.

Сапоги слетели с ног. Оторвался галстук сразу. У крылатки вырван клоч. Вспух большой синяк под глазом.

— Фу ты! Ну ты! Лапти гнуты. Нет покою ни минуты,— пробормотал недовольный Чапа Лапа Га-Га-Га, подбирая вещи сконфуженного друга.

Звери вдоволь насмеялись.

Только Вещая Сова даже не улыбнулась...

Вещая Сова

Обиженный, пристыженный Кука Река Ку-Ку-Ку скрылся в каюте. Шмыгнул туда и Чапа Лапа Га-Га-Га.

Погасло веселье на берегу.

Вещая Сова протяжно вздохнула:

— Ффух-фу-фу!.. Уухх-хху-ху!.. Кто звал меня сюда?

Мишель, склонив почтительно голову, проговорил:

— Мы осмелились потревожить тебя. Знаешь зачем?

— Я-то знаю, куда, зачем летаю, а вы — нет! — с укором заговорила Вещая Сова. — Все страшатся Ледомора. Все бегут от Туч Липуча Каракруча. А вы им в когти лезете... Знаете, что вас ждёт впереди?

— Нет, — признался Мишель.

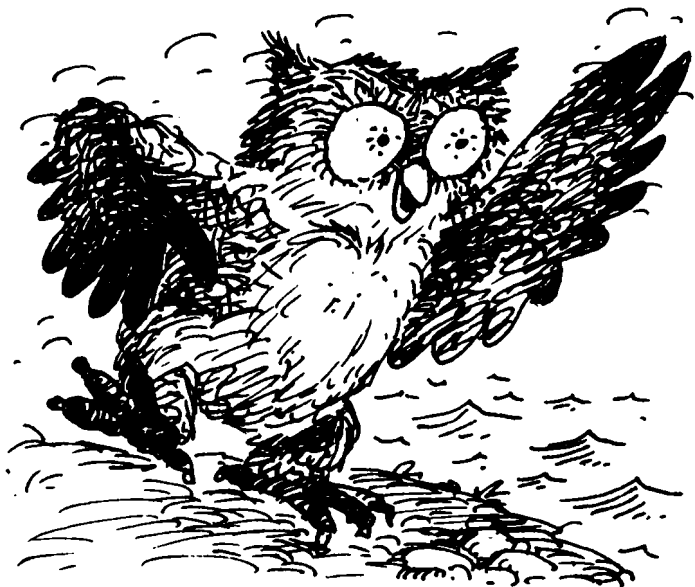
— Не знаем, — поддакнул Бемекл.

— Не ведаем, — подтвердил Рух Ух Тях.

— Не представляем, — прокричал Чапа Лапа Га-Га-Га, выбегая из каюты.

— А и узнаем — не забоимся! — гордо и громко крикнул Дюзик, сидя на мачте.

Бемекл заломил на макушку фуражку с ко-

кардой. Застегнул голубой мундир на все двенадцать золотых пуговиц.

Чапа Лапа Га-Га-Га грудь выпятил, крылья разбросил, словно изготовился кинуться на неприятеля.

Рух Ух Тух сердито пристукнул копытом.

Даже Кука Река Ку-Ку-Ку высунулся из каюты и задорно прокукарекал.

— Молодцы! — похвалила друзей Вещая Сова. — Эти звери рады бы пойти с вами, но им не выбраться из Бора. Туч Липуч Каракруч очертил Бор колдовской линией. Кто её перешагнёт, перелетит, тут же и погибнет...

— Мы — не жители Бора. Мы дойдём до Ледомора. Обязательно дойдём. Малышей домой вернём! — выпалил Мишель.

— Жаль мне вас, — Сова сказала. — Смельчаков таких немало на веку я повидала. Шли они на Ледомора, как и вы — готовы в бой. Только очень-очень скоро распростились с головой.

Умолкла Вещая Сова.

Затихли несчастные звери.

Приуныл Мишель с друзьями. Приуныл. Чёрну голову он низко опустил.

Чёрный хвост верёвкой старою повис. Чёрный глаз сердито, мрачно смотрит вниз.

Стало тихо. Грустно сделалось вокруг.

Встрепенулся вдруг Мишель.

Очнулся вдруг.

Чёрну голову мгновенно вскинул вверх. Чёрным глазом оглядел задорно всех.

Чёрный хвост стремительно взметнул. Ноздри чёрные воинственно раздул.

А потом Вещунье поглядел в глаза. И просительно, но тихо ей сказал:

— Ты добрей всех добряков. Ты мудрей всех мудрецов. Загляни-ка ты, Вещунья, наперёд. Погадай, чего и где в пути нас ждёт...

Слушайте — запоминайте

Огромные. Круглые. Выпученные глаза Вещей Совы закрылись. Перья на голове взъерошились.

Заговорила Вещая Сова медленно, трудно. Будто каждое слово из неё, как занозу, вытаскивали.

— Захотели знать?.. Так знайте... Слушайте... Запоминайте... Никогда вам не удастся незамеченным прокрасться. Стережёт вас враг везде: на земле и на воде... Может, лучше покориться и в Тюмень вам воротиться?..

Ей Мишель сказал в ответ:

— Нам назад дороги нет. Никого мы не страшимся. Никому не покоримся. Не отступимся от цели...

Дюзик поддержал Мишеля:

— Мы врагам в плен не сдаёмся. Мы с врагами насмерть бьёмся. Лучше все в бою загинем — малышей в беде не кинем...

Опустил Бемекл рога, будто целясь во врага. И проговорил сердито:

— Поглядим, кто будет битый...

И промолвил Чапа Лапа Га-Га-Га:

— От врагов не станем драпать никогда.

Подал голос Рюх Ух Тюх:

— Мы идём не ради службы. Ради дружбы!..

— Ради дружбы! — высунувшись из каюты, повторил Кука Река Ку-Ку-Ку.

Обрадовались звери. Закричали:

— Мы от вас другого и не ждали!

— Браво! Браво! Храбрецы!

— Слава! Слава! Молодцы!

И снова Вещая Сова роняет редкие слова:

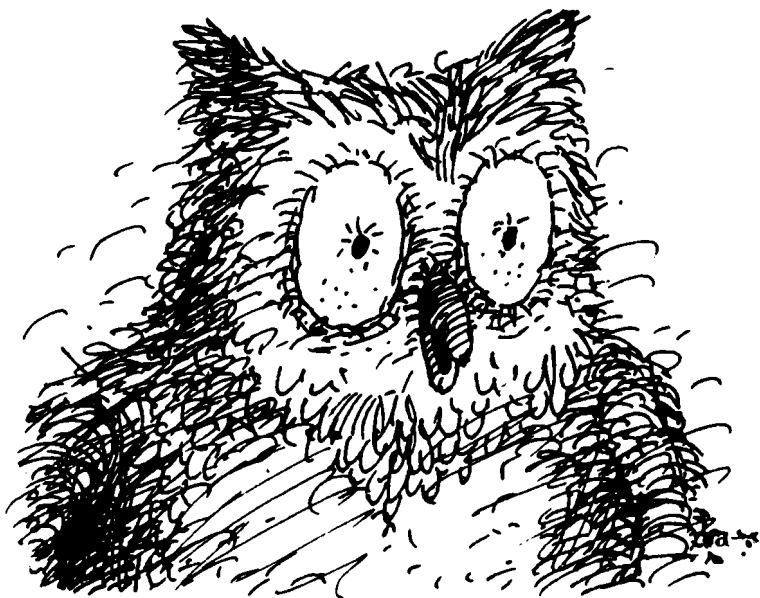
— Я... помогу вам... чем смогу. Я вас... хоть чуть... остерегу. Где Тура в Иртыш впадает... вас давненько поджидает... Застава Комариная... где Иртыш с Обью сольётся... ждёт... и скоро вас дождётся... Застава Змеиная... Исхитриться коль сумеете... Две заставы одолеете... Берегитесь!.. Из-за круч... Сразу выйдет Туч Липуч...

— Ка-ра-круч!!! — гроыхнули столпившиеся у воды звери.

— Ну, а как нам исхитриться? Сквозь заставы чтоб пробиться? Где достать на это сил? — вновь Мишель Сову спросил.

— Комариную Заставу... под водою прошмыгните... А Змеиную Заставу... над водою пролетите... Ну, а в царстве Туч Липуча лиходея Каракруча... Вам гибель неминуча...

Тут Дюзик по мачте скатился. Пред Вещей

Совой очутился. Пошмыгал он пуговкой-носом. И тоже полез к ней с вопросом:

— Неужели... Неужели... Нету сил, чтоб одолели Туч Липуча Каракруча? Долго ль всех он будет мучить?

Тут все звери загалдели:

— Неужели...

— Неужели...

— Он бессмертен в самом деле?!

Помолчала Вещая Сова. Покачала головой. Потом заговорила:

— Как перелетите Змеиную Заставу, увидите посреди Оби малюсенький островок. Весь он густо-прегусто черёмухой зарос...

— И что? — нетерпеливо перебил Дюзик.

На него зашикали со всех сторон. А Вещая Сова продолжала:

— Под тем Черёмуховым Островом покоит водяного Царя — Осетра-батюшки. Он один... Только он знает тайну бессмертия Туч Липуча Каракруча.

— А как у него эту тайну вызнать? — опять влез Дюзик.

Ещё громче и сердитей зашикали на него.

Но Вещая Сова не осердилась. Всё так же медленно она договорила:

— Коль услужите Осетру-батюшке, угодите Царю водяному, может, и выдаст вам тайну. И узнаете, где хоронится погибель Туч Липуча Каракруча...

— Спасибо, Вещая Сова. Запомним мы твои слова, — сказал Мишель и поклонился.

А Вещая Сова раскинула огромные крылья, взмахнула ими и улетела.

— Прощайте, друзья! — прокричал Мишель обитателям Синего Бора.

— Счастливо, — прооручал Медведь.

— Желаю-у-у! Победу-у-у! — протрубил Волк.

— Только удачи! Никак иначе! — помахала огненным хвостом Лиса.

— До встречи!.. До скорой!.. — прокричали звери хором.

Друзья оттолкнули от берега плот.

Течение его подхватило и понесло...

Не суй хвост в воду

По волнам несётся плот. Тащит его быстрое течение. Подгоняет-подталкивает Ветерок.

В небе ласково щурится Солнышко. От его лучей по воде скачут солнечные блики. Река в них как в серебряной чешуе. Сверкает. Искрится.

Чем дальше на Север убегает река, тем глубже и шире становится.

На её крутом правом берегу — Тайга.

Дремучая.

Колючая.

Полная птиц и зверей. Легко заплутаться в ней. По левому берегу — заливные зелёные луга. Трава на лугах высоченная. В ней цветы разные — белые, жёлтые, синие, красные. Сверху глянешь на луг — сказочный ковёр.

Река о плот волною бьёт. Несёт, качая, лёгкий плот. И тот торопится вперёд.

А впереди — тяжёлый путь.

Друзья решили отдохнуть.

Бемекл улёгся на носу плота. Смотрит на проплывающие берега. Смотрит и думает:

«Эх, пристать бы нам к тому вон бережку. Погулять бы мне немножко по лужку. Пощипать бы всласть зелёной муравы. Накосить да наносить на плот травы. Завалиться на неё да и поспать. Можно час. А можно два. Но лучше пять...»

Рюх Ух Тюху жарко на Солнышке. Потееет он. Пыхтит. Хрюкает. Перейти бы в тень, да шевелиться лень. Зажмурился он и мечтает:

«Хорошо б в один момент натянуть от солнца тент. Иль широкий зонт раскрыть, чтобы голову прикрыть...»

Но ни тента, ни зонта не было. А Солнце грело всё сильнее. Пришлось Рюх Ух Тюх перебираться в тень от каюты. Но и там скоро стало очень жарко.

А вокруг плота прохладная вода. Весело журчит. Звонко плещется. Поплавать бы в ней. Охладиться.

Сунул Рюх Ух Тюх хвост в реку. Ах, хорошо!.. От хвоста холодок по всему телу растекается. Дышится легко. Хорошо мечтается:

«Вот бы плот остановился, я бы в речку повалился...»

И только так подумал, кто-то дёрг его за хвост. Он и хрюкнуть не успел, в речку кубарем слетел. С головою окунулся и едва не захлебнулся. Вынырнул, опять ныряет. Плюётся. Кашляет. Чихает.

А плот всё дальше уплывает. Надо догонять!

Рюх Ух Тюх рванулся было, но неведомая сила удержала, не пустила. Плыть бедняге не даёт ни назад и ни вперёд.

Кука Река Ку-Ку-Ку оказался начеку.

— Кукареку!.. Кукареку!.. Рюх Ух Тюх упал в реку!..

Прыгнул Мишель в воду. Подплыл к барахтающемуся Рюх Ух Тюху. Тот бьёт ногами по воде, а ни с места.

— Ты что, разучился плавать? — сердито спросил Мишель. — Надо плот догонять.

— Я бы плот нагнал давно... Волокут меня на дно... Кто-то в хвост вцепился мой. Ой!.. Тону!.. Спаси!.. Ой-ой!..

И Рюх Ух Тюх скрылся под водой. На том месте, где он только что барахтался, одни пузыри остались.

Мишель из рода водолазов. Не мешкая, нырнул он сразу.

Рванул вглубь, и через миг он друга своего настиг.

Настиг и остолбенел от изумления. У Рюх Ух Тюха на хвосте висело что-то. Не то чурбак. Не то полено. Да не простое. Живое. С выпученными глазищами. С длинными шевелящимися усами. С губастым огромным ртом.

Это был Налим. Не простой какой-нибудь Налим, прямо Налимище. Метра полтора длины. В два обхвата толщины. Сцапал он за хвост беднягу. Тянет под свою корягу. Налимьятам на обед...

«Ну,— Мишель подумал,— нет! Рюх Ух Тюха не отдам. Трепака тебе задам!..»

Разогнался Мишель. Налима в бок бац!

— Ой! — вскричал Налимище, выпустив хвост Рюх Ух Тюха.

Всплыл, как пробка, Рюх Ух Тюх. Перевёл бедняга дух. Отдышался. Огляделся. Где Мишель? Куда он делся?..

Тут вынырнул Мишель.

— Видишь, брат, какая штука? Будет

впредь тебе наука. Ни в жару и ни в прохладу в воду хвост совать не надо!..

И они поплыли догонять плот.

В логове злодея

Туч Липуч Каракруч жил в пещере. Стены, пол и потолок пещеры покрыты шкурами погубленных им зверей... Лис да волков. Белок да бурундуков. Росомах да соболей. Медведей да лосей.

Два Страшилы Изувера охраняли вход в пещеру.

Страшила Изувер — такое чудище, приснится, сразу от страха проснёшься.

На кого он похож? Пожалуй, на Осьминога. Только лап у Страшилы Изувера не восемь, а шестнадцать. И все они — могучие и очень прилипучие. К чему лапа прикоснётся, к тому и приклеится. Прямо прирастёт. Никто не оторвёт.

Кто подойдёт к ним — цап-царап. И не уйти из этих лап. Коль в них попал — конец. Пропал.

На шестнадцати лапах-липучках качается туловище. Круглое, как огромная тыква. Бурое. Густо поросшее острыми, длинными шипами. Над бурым, круглым, шипастым телом — драконья голова.

Сверкают клыки, как клинки. И глаза сверкают, манят и притягивают всё живое: птицу и зверя, бабочку и стрекозу.

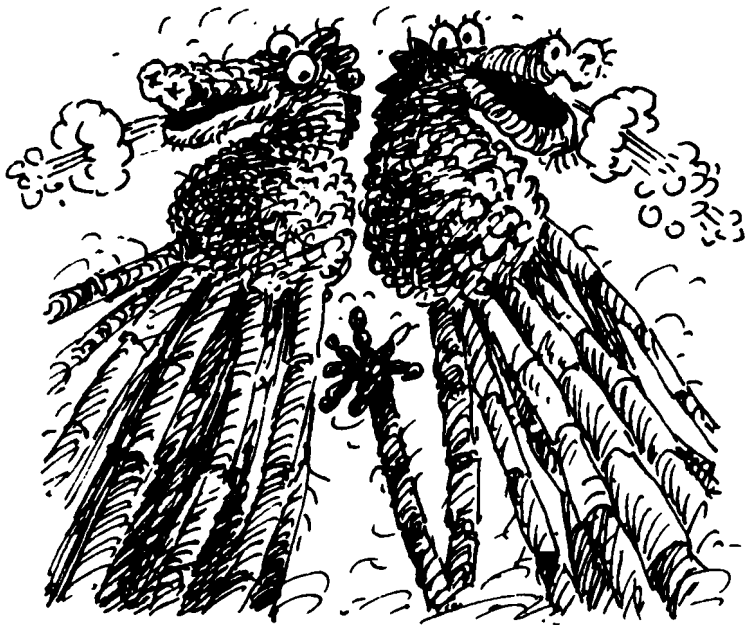
Вот каков Страшила Изувер.

А Туч Липуч Каракруч...

Стоп-стоп!..

Ты ведь ещё не знаешь, как выглядит Туч Липуч Каракруч?

По правде сказать, этого никто точно не знает. Потому, что Туч Липуч Каракруч постоянно свой облик меняет.

То он станет чёрной тучей, то большим клубком колючим. Он такой... такой могучий — ни сказать, ни описать.

Если тучей обернётся — в небо синее взовьётся. И летит, куда желает. Хочет, Солнце застигает. Закрывает небосклон. Иль Луну накроет он.

Или — часто так бывает — он звериный облик принимает.

Правда, зверь тот не похож ни на какого зверя. Ни на Тигра. Ни на Льва. Ни на Волка. Какое-то неопишуемое Чудовище.

Он горбат. И рогат. В пасти шесть клыков торчат. Всё, что в пасть ни попадёт, перекусит, разжует.

Да к тому ж он шестиглаз. Зорче нас во много раз. Видит, что вокруг творится. От него нельзя укрыться. И ещё он лопаух. У него отменный слух. Слышит он, как мышь бежит. Слышит, как пчела летит.

Вот каким зверем может обернуться Туч Липуч Каракруч.

Берегись, Мишель!

По-над тундрой. Над горами. Над бескрайними лесами. Над великою рекой. Вдруг пронёсся жуткий вой.

— У-у-у-у-ах!.. Рых-рых-ых!.. Рух-фух-ухх!...
Хак-рак-ак!..

Дрогнули травы и полегли. Деревья склонились до самой земли. Птицы умолкли. Затихла река. Не плещет. Не бьётся она в берега.

Вот как все перепугались, заслыша хриплый голос только что проснувшегося Туч Липуча Каракуча.

Едва он пробудился, как в пещеру прокрался Гад Гадович — первый слуга и первый помощник Туч Липуча Каракруча.

Гад Гадович — начальник Змеиной Заставы. Гад Гадович — невиданный змей шестиглавый.

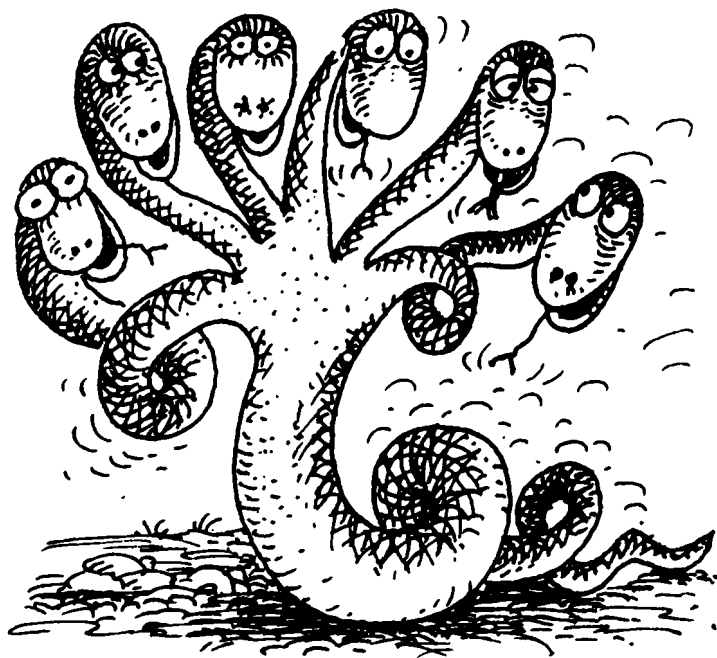
Он вполз поспешно, неприметно. Остановился у ложа повелителя, прошипел:

— Ш-ш-шшшто беш-ш-шпокоит ваш-ш-ше
выш-ш-шошештво?

Не успел Туч Липуч Каракруч ответить, как в пещеру влетел Гнусный Гнус — второй слуга и второй помощник Туч Липуча Каракруча. Гнусный Гнус к тому же являлся начальником Комариной Заставы.

То был небывало большой Комарище. Такого и в сказке едва ли сыщешь. Нет на свете другого Комарища такого. Если встанет во весь рост, то достанет и до звёзд. А его ноги! И крылья! И длиннющий, кусучий хобот будто из железа откованы! Едва влетев в пещеру, Гнусный Гнус заскрежетал:

— З-з-з-здроз-з-те... З-з-зду приказ-з-з-за...

Туч Липуч Каракруч в клубок скрутился.
С постели скатился. Волчком покрутился.

— Аль не чуете вражий дух?.. Аль не знаете,
кто сюда пробирается?

Гнусный Гнус дугой согнулся. Чуть приметно ухмыльнулся. И ответно проскрипел:

— Вз-з-зе уз-з-ззнал. Вз-зе раз-з-ззглядел.

Все шесть голов Гад Гадовича зашевелились.
Все шесть ртов раскрылись. И зашипели:

— Наш-ш-ш-шша раш-ш-ш-шшведка ш-ш-шш-шнает тош-ш-ше...

Не желая уступать друг другу. Перебивая один другого. Гад Гадович зашипел, Гнусный Гнус заскрипел:

— Ишш Тюмени ш-ш-шпеш-шш-шит... — начал Гад Гадович.

— З зрузузуза-зьями, — подхватил Гнусный Гнус.

— Миш-ш-шш-шель, штобы... — продолжил Гад Гадович.

— Выз-з-з-зволить вз-з-зех изззз беды... — перебил Гнусный Гнус.

— Малыш-ш-ш-шш-шей... — закончил Гад Гадович.

— Изловить!.. Связать!.. Доставить!.. К стенке всех рядком поставить. Всех под пыткой допросить. Шкуру с них потом спустить. И в котёл — мне на обед... Ясно это или нет?..

— Яш-ш-ш-шно... Иш-ш-ш-шшполним, — прошипел Гад Гадович.

— З-з-з-ззделаем, — проскрипел Гнусный Гнус.

— Берегись, Мишель, — заволновались, еле внятно зашелестели травы.

— Крепись, Мишель, — прошумела глухо Тайга.

— Не отступай, Мишель! — прозвенела волной могучая Обь.

Комариная Застава

По волнам несётся плот.

Всё быстрее.

И всё вперед.

Плот Мишель ведёт умело.

Каждый занят своим делом...

Дюзик парус наблюдает. Сколько вёрст прошло, считает. Подсчитает, а потом поболтает с Ветерком.

Чапа Лапа Га-Га-Га вдаль глядит на берега. Зорко смотрит. Не зевает. Смотрит с самого утра. Ищет, где в Иртыш впадает быстроходная Тура.

Кука Река Ку-Ку-Ку рядом с ним. И начеку. Стережёт покой друзей. Часового нет верней. Он один за всех в ответе. Блещет сабля на боку. Что неладное приметит. Вмиг трубит «кукареку!».

Рух Ух Тух в халате белом. На уши колпак надет. Занят очень важным делом. Варит он для всех обед.

И Бемекл с утра при деле. Мокрой шваброй драит плот. Вы бы только поглядели, как с Бемека льётся пот.

Вдруг Чапа Лапа Га-Га-Га закричал:

— Иртыш! Вижу Иртыш!.. Смотрите скорей! Вон он — Иртыш!..

— Ура! — крикнул Дюзик. — Приплыли...

Бемекл кинул швабру. Рюх Ух Тюх отложил поварёшку. Мишель вынул из воды кормовое весло. Все уставились туда, куда указывал Чапа Лапа Га-Га-Га. Туда, где под Солнцем сверкал величавый Иртыш.

— Кукареку-у-у! — пронзительно прозвенел тревожный клич. — Кукареку-у-у!.. Тревога!..

Впереди вдруг показалась высокая, непроницаемая коричневая завеса. Она колыхалась. Сжималась и растягивалась. И всё быстрее надвигалась на плот.

— В каюту! Живо в каюту! — вскричал Мишель, стараясь развернуть плот.

Но было уже поздно.

Живая коричневая завеса подступила к плоту и пала на него. Эта огромная — во всю реку шириной, под небо высотой — завеса состояла из многого множества злых, кусучих комаров.

Миг, и Бемекла они облепили. Навзничь Бемекла они повалили. Жалили бедного. Злобно кусали. И наконец его в речку загнали.

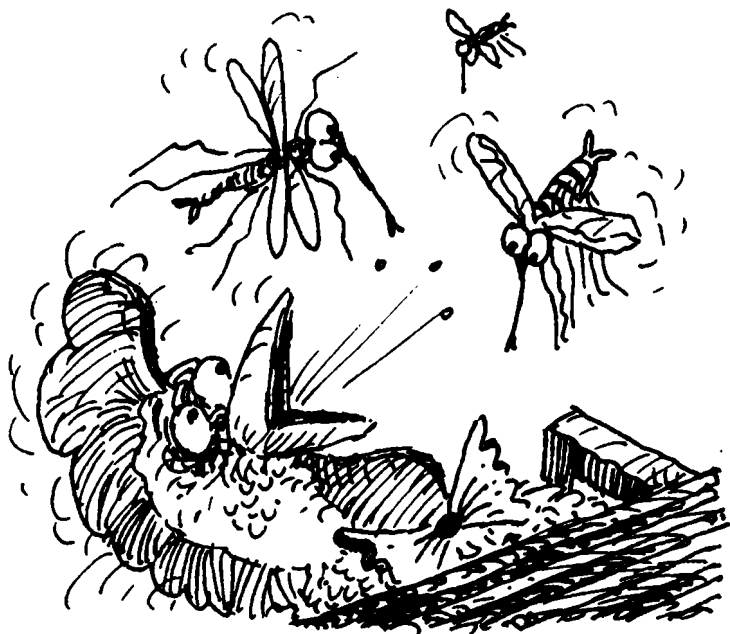
Следом туда Рюх Ух Тюх повалился.

Потом скинули в реку Чапу Лапу Га-Га-Га.

Кука Река Ку-Ку-Ку долго не сдавался. Рубил комарьё саблей. Бил клювом. Топтал ногами. Наконец и его одолели.

Только Мишель кормовым веслом отбивался от комариных полчищ.

А те всё прибывали, прибывали. И столько налетело их — плота не видно. Вместо плота —

жужжащая, музжащая, крутящаяся пирамида.

Подхватили комары плот.

Раскрутили они плот.

Мачту отломали.

Руль оторвали.

Каюту скинули.

И с размаху. С высоты. Плот о берег — шмяк!

Раскатился. Рассыпался плот по брёвнышку.

И нет больше плота...

Вот так их встретила Комариная Застава.

После крушения

Кряхтя и причитая, Мишель еле выкарабкался из-под груды брёвен и досок.

Отряхнулся.

Огляделся.

Пробормотал в усы:

— Вот так фокус. Вот так штука. Будет нам вперёд наука. Стану впредь умнее я... Где ж теперь мои друзья?

— Я тут,— слышался тихий голос Дюзика.

— Кукареку!.. Кукареку!.. И я живой. На берегу...

Обрадовался Мишель. Обнял Дюзика. Обнял Кука Реку Ку-Ку-Ку. Ткнулся в них влажным холодным носом. Пощекотал их чёрными усами.

— Как же рад я вам, друзья! Даже высказать нельзя! Обсыхайте. Отдыхайте. Разведите костерок, чтобы друг увидеть смог.

— А ты куда? — спросил Дюзик.

— Поплыву искать Бемекла и Рюх Ух Тюха. Чапа Лапа Га-Га-Га воды не боится. Не доплывёт, так долетит.

Прыгнул Мишель в реку и пропал.

Едва Дюзик и Кука Река Ку-Ку-Ку разожгли костёр, как тут же донеслось с реки:

— Га-га-га!.. Га-га-га!..

Чапа Лапа Га-Га-Га, Дюзик и Кука Река

Ку-Ку-Ку кружком подсели к огоньку. Обсохли. Согрелись. И стали рассказывать, как уцелели.

Первым Дюзик поведал о том, как спасся:

— Я Мишелю в хвост вцепился. С головой в шерсть зарылся. А потом такое было! И мотало.

И кружило. Вверх и вниз меня швыряло. С головой окунало. Дивно мне, что цел остался, от хвоста не оторвался...

Поахали друзья. Подивились. Потом заговорил Чапа Лапа Га-Га-Га:

— Фу ты! Ну ты! Лапти гнуты. Нет покоя ни минуты... Га-га-га! Га-га-га!.. Не бежал я от врага. Бился с ним что было сил. Враг меня перехитрил. В нос ко мне комар забрался. Я, конечно, расчихался. Тут меня они скрутили и едва не утопили... Я нырнул. На глубине Щокур вдруг пристал ко мне. Так в моё крыло вцепился, еле от него отбился...

Опять друзья поахали и стали слушать Кука Реку Ку-Ку-Ку:

— Ах, как бился я с врагами. Бил их клювом и когтями. Саблей наотмашь рубил. Без пощады бил и бил...

Тут послышалось бульканье, пыхтение. Ближе. Ближе. Кука Река Ку-Ку-Ку и Чапа Лапа Га-Га-Га подбежали к воде.

Впереди плыл Мишель, таща за уши Рюх Ух Тюха. Сзади его подталкивал Бемекл.

Когда все трое выбрались на берег, Рюх Ух Тюх еле выговорил:

— Спасибо, Мишель. Если б ты не помог, я бы выбраться не смог.

Оглядев усталых, унылых друзей, Мишель весело и громко сказал:

— Что приуныли вы, друзья? Хандрить и хныкать нам нельзя! Сейчас починим живо плот и снова двинемся вперёд!

— Куда вперёд? — недовольно спросил Бемекл. — Там же Комариная Застава!

— Сперва надо залатать дыры на наших камзолах и сюртуках. А уж потом,— сердито проворчал Кука Река Ку-Ку-Ку.

Вместо зелёной парчовой крылатки, синих штанишек и белой манишки на нём болтались грязные лохмотья. Пропала цепочка с брелоком. И серёжка исчезла. А от прекрасного, яркого пышного хвоста осталось лишь пять жалких, мокрых пёрышек.

И Бемеклов голубой мундир стал тёмно-серым, в грязных подтёках, с расползшимися швами и дырками. Из двенадцати ярко блестящих золотых пуговиц осталось только три.

Оглядел Мишель друзей и говорит:

— Ты прав, Кука Река Ку-Ку-Ку. Приводи в порядок свой наряд и костюм Бемекла. Дюзик пусть займётся парусом. Залатает его, заштопает. А мы примемся чинить плот.

И работа закипела. Каждый принялся за дело. Кто-то порет. Кто-то шьёт. Кто-то вяжет новый плот.

Ночь спустилась на реку. Кука Река Ку-Ку-Ку проворчал:

— Ах, какая же досада. Нам бросать работу надо...

— Да,— сказал Бемекл,— обидно. Ничего вокруг не видно.

Дюзик Гном в ладошки хлоп. Сапожком о землю топ. Закричал:

— Где ты, Луна? Приходи! Ты нам нужна!..

Посвети-ка нам чуть-чуть. Помоги собраться в путь!

И тотчас на тёмном ночном небе появилась круглая Луна. Осветила берег, где работали друзья.

Вот и плот готов. И мачта с парусом стоит на прежнем месте. И каюта встала, где прежде стояла. И кормило там, где было...

— Можно в путь, — сказал Мишель.

— Кукареку-у-у! — разнеслось над сонной рекой.

Поднырнули

Помнишь, что Мишелю советовала Вещая Сова?.. Забыл?.. Она сказала: «Комариную Заставу под водой проплывите».

Вспомнил?..

И Мишель вспомнил. Вспомнил и задумался, как исполнить совет Вещей Совы. Долго думал. И вот что надумал...

Когда плот починили. На воду спустили. Поставили каюту. Мачту водрузили. И собрались плыть дальше.

Вот тогда-то Мишель и сказал Дюзику:

— Слушай, Дюзик. Слушай, Гном. Перемолвись с Ветерком. Он проворный и летучий. Пусть сюда пригонит тучу. В тучу спрячется Луна. Станет ночь темным-темна. А как двинемся

мы в путь, пусть начнёт так в парус дуть, чтоб летел стрелою плот. По стремнине и вперёд...

Проворно вскарабкался Дюзик на мачту. На самую-самую макушку. Стянул с головы картузик. Помахал им, помахал. И по-птичьи прокричал:

— Сокол!.. Ворон!.. Ястребок!.. К Ветерку скорей летите. Ветерок сюда зовите!..

Тут же сверху донеслось:

— Мчу!..

— Лечу!..

— Несусь!..

Минул чуть приметный срок, появился Ветерок. Разузнав, что сделать нужно, сразу прогудел натужно:

— Сде-е-ела-а-аю-ю-ю-ю-у-у!

И улетел искать Тучу.

А Мишель сказал друзьям:

— Как Туча скроет Луну, мы — в путь. Опять поплывём к Комариной Заставе. Завидим Заставу — сразу все в воду. Под плот. Только носы наружу. Течение и Ветерок погонят плот. Пока Комариную Заставу не переплывём, из воды не вылезать...

— Вот это мудро! — воскликнул Дюзик. — Налетят комары на плот, а тот пустой...

— Хитро придумано, — подхватил Чапа Лапа Га-Га-Га.

— Ну, а я?.. Кукареку!.. Я ведь плавать не могу. Если я нырну под плот, вряд ли кто меня спасёт!..

В самом деле, Кука Река Ку-Ку-Ку не любил воду. Боялся воды. Не умел ни плавать, ни нырять...

Что тут делать? Как тут быть? Принялись судить-рядить. Стали думать да гадать.

— Давайте-ка сделаем так... — предложил Мишель. — Посадим Кука Реку Ку-Ку-Ку в сундук. Посадим и закрём. В крышке сундука есть большая щель. Значит, он не задохнётся.

Всё будет слышать. А кинут сундук в реку, он не потонет...

Придумка Мишеля всем поглянулась.

Так и сделали.

Посадили Кука Реку Ку-Ку-Ку в сундук. Заперли его на замок. Поставили в уголок каюты. Сами расселись на плоту, как прежде.

Чапа Лапа Га-Га-Га на крыше каюты.

Бемекл на носу плота.

Дюзик вскарабкался на мачту.

Рух Ух Тух улёгся посреди плота.

А Мишель, конечно, встал к кормилу.

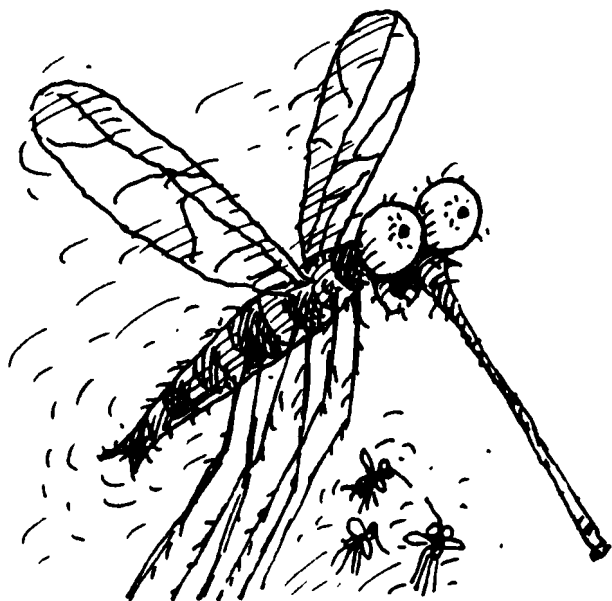
Прилетел Ветерок. Притащил Тучу. Накрыла Туча Луну. Стало темным-темно.

Разогнался Ветерок. Упёрся в парус. Оттолкнул плот от берега. Течение подхватило плот и вместе с Ветерком погнало его к Комариной Заставе.

Поединок

На Заставе Комариной тишина. Не горят над ней ни звёзды, ни Луна. Гнусный Гнус спокойно дрыхнет. Он решил, что Мишеля разгромил и победил.

Ах, какая сонная на Заставе тишь. Не дрожит осока. Не шуршит камыш. Не звенит волною батюшка Иртыш.

Вдруг Сторожевой Комар мчит, как будто на пожар. Не жалея крыльев, мчит. Что есть мощеньки трубит:

— Тревога!.. Беда!.. Снова сюда!.. Плот... Плывёт!..

Ох, как разгневался Гнусный Гнус.

— Поднять комариную рать!.. Срочно разведку послать!..

Комары, словно буря, на плот налетели.

Облепили.

Ощупали.

Оглядели.

Но никого на плоту не нашли.
С тем воротились. И доложили:
— Плот плывёт пустой.

Гнусный Гнус был не дурак. Рассудил он дело так:

— Кто-то плот починил? Починил... Кто-то на воду спустил? Да, спустил... Кто-то хочет нас перехитрить. Комариную Заставу переплыть. Кто?!

И Гнусный Гнус с полком личной охраны сам прилетел на плот.

Обошёл он плот пустой. Покачал он головой. И в каюте вдруг увидел сундук.

Комары слетелись к сундуку. Кто да что там? — начали гадать. Замер Кука Река Ку-Ку-Ку. Даже перестал совсем дышать.

— Проверьте, что в сундуке! — скомандовал Гнусный Гнус и вышел из каюты.

Облепили комары сундук. А что в нём? Подика угадай: сундук-то на замке.

В щель один Комар залез...

И исчез.

Вслед за ним другой попал...

И пропал.

Третий влез...

Опять исчез.

А куда они исчезают? Только Кука Река Ку-Ку-Ку знает. Потому что это он их глотает.

Двести пять комаров проглотил. Больше нет ни желанья. Ни сил.

Тут заглянул в каюту Гнусный Гнус, разгневался. Притопнул. Спросил грозно:

— Что здесь происходит?

— Не извольте беспокоиться, ваше Гнусное Гнусячество! Загадочный сундук. Кто в него пролезет, назад не возвращается.

— Открыть немедленно! — скомандовал Гнусный Гнус.

— Не открывается, ваше Гнусное Гнусячество!

— Расступитесь! — приказал Гнусный Гнус. — Я сам...

И сунул в щель свой нос — очень длинный, очень острый. И крепкий, как стальная спица.

Едва Гнусный Гнус сунул свой нос. Кука Река Ку-Ку-Ку в него вцепился. И клювом. И когтями. Да так крепко! Сколько ни тужился. Как ни вырывался Гнусный Гнус — вырваться не смог.

Ох, тогда он разозлился. Ах, тогда он кверху взвился. Вместе взвился с сундуком. Ну, и Кука Река в нём.

По каюте Гнусный Гнус метался. А сундук-то на носу болтался. Болтался... Болтался...

Да и оторвался. Вместе с носом Гнусного Гнуса.

Упал сундук. Развалился. Кука Река Ку-Ку-Ку появился. Ногами затопал. Крыльями захлопал. Саблей зазвенел. На Гнусного Гнуса налетел.

А у того носа-то нет! Ни кольнуть... Ни куснуть... Нечем!

И взмолился Гнусный Гнус:

— Пощади!..

И захныкал Гнусный Гнус:

— Не губи!..

Кука Река Ку-Ку-Ку добряк. Гнусу Гнусному ответил так:

— Я не стану твою голову рубить. Не хочу тебя увечно губить. На Заставу своё войско вороти. Комарам на плот являться запрети!

Скомандовал Гнусный Гнус. Улетело комариное войско на свою Заставу. Остались на плоту Кука Река да несчастный безносый Гнусный Гнус.

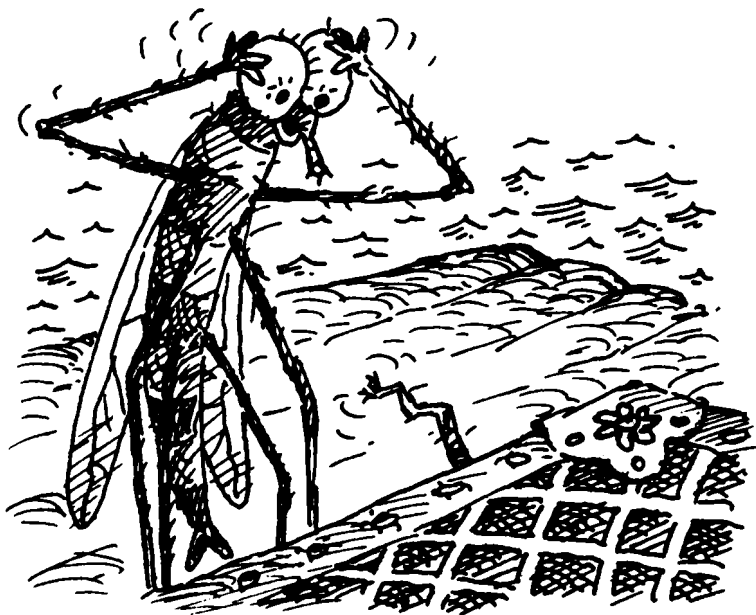
Помоги врагу в беде

Повалился Гнусный Гнус на обломки сундука, горько заплакал. Плакал да причитал:

— И зачем я сунул нос в сундук?.. Почему мой нос сломался вдруг?.. Как же я теперь без носа стану жить?.. Как начальником Заставы мне служить?.. Кто меня такого заботится? Кто безносому начальству подчинится?

Так безнадежно, так горестно причитал, что Кука Река Ку-Ку-Ку стал утешать Гнусного Гнуса:

— Погоди-ка. Не грусти-ка. И не плачь. Есть у нас волшебник Гном — отменный врач. Он тебе твой нос длинющий прирастит. Он тебе покой и силу возвратит...

Гнусный Гнус немного успокоился. Перестал плакать да причитать. А Кука Река Ку-Ку-Ку взлетел на крышу каюты. Крылья раскинул. Хвост распустил. И что есть моченьки заголосил:

— Эй! Скорей!.. Сюда, друзья! Одержал победу я!.. Комариная Застава нам уж больше не страшна!..

Забурлила вода вокруг плота. И вот уже Дюзик вскочил на плот.

Следом вспрыгнул Чапа Лапа бормоча:

— Фу-ты! Ну-ты! Лапти гнуты! Нет покою ни минуты... То ныряй. То вылезай. То беги. То догоняй! Не налево, так направо. А впереди ещё Застава.

На плот вскарабкался Бемекл. Помог забраться Рюх Ух Тюху. Последним вскочил Мишель.

Увидели друзья Гнусного Гнуса, сидящего на обломках сундука, и...

Пониже опустив рога, Бемекл рванулся на врага.

— Постой! — встал на его пути Кука Река Ку-Ку-Ку. — Видишь, он в беде. Я обещал ему помочь.

— Но он — наш враг! — гневно вскричал Бемекл.

— Кука Река Ку-Ку-Ку прав, — спокойно молвил Мишель. — Если враг угодил в беду, помоги ему. И он станет твоим другом... Ну-ка, Дюзик, покажи, что ты за лекарь.

Дюзик взял обломок комариного носа. Подышал на него. Подул. Что-то невнятно прошептал. Приставил обломок на место, и стал у Гнусного Гнуса прежний нос: длинный, крепкий, острый.

От восторга Гнусный Гнус прослезился. Низко-низко он друзьям поклонился.

— Как мне вас благодарить? Чем могу вам услужить?

— Пока мы до Оби не доплывём, не говори Туч Липучу Каракручу, что мы миновали Комариную Заставу, — попросил Мишель.

— Сделаю, — согласился Гнусный Гнус. — Я больным сейчас же притворюсь. Завалюсь в постель и буду лежать, пока вы до Оби не доплывёте.

— Укажи нам, где хоронится Змеиная Застава! Где нам плот остановить?

Гнусный Гнус поёжился. Гнусный Гнус поморщился. Не хотелось ему тайну выдавать. Но за добро платят добром, и он сказал:

— Три кедра над обрывом — конец пути. Дальше вам не проплыть. Дальше вам не пройти. Там Змеиная Застава. Приближаться к ней не надо...

Гнусный Гнус ещё раз поклонился. Ещё раз сказал «спасибо» и улетел на Комариную Заставу...

На плоту начался праздник.

Дюзик — маленький проказник — разыгрался, расшалился, с мачты в реку повалился и едва не потонул.

Кука Река Ку-Ку-Ку на мачту взлетел. На макушке сел. И закукарекал.

Чапа Лапа Га-Га-Га влез Бемеклу на рога. Машет белыми крылами:

— Га-га-га!..

А Бемекл трясёт рогами:

— Бе-е!.. Бе-е!.. Бе-е!

Рюх Ух Тюх крутился. То он бегал. То
ложился. А потом под мачтой сел. И запел:

А ну!.. Собиёмся в стаю —
К плечу плечо.
Тогда беда любая
Нам ни-по-чём...

Дюзик и Кука Река Ку-Ку-Ку подхватили
песню:

Тогда любое горе
Нас не возьмёт.
Хоть океан. Хоть море
Осилим вброд.

Тут и Бемекл с Чапой Лапой Га-Га-Га
присоединились. Запел и Мишель. И загремела
над рекой весёлая песня друзей.

Осетрята в беде

Иртыш — великая сибирская река.

Широка она. Ох, широка!

Глубока она. Ой, глубока!

Быстротечна она. Ах, быстра!..

Быстрее прежнего плывёт по Иртышу знако-
мый плот. Упругий Ветер в парус бьёт. Наду-
тый парус мачту гнёт. И гонит плот вперёд,
вперёд.

Чапа Лапа Га-Га-Га и Кука Река Ку-Ку-Ку

восседают на крыше каюты. Ветер им в спину дует. Топорщит, треплет перья. Издали кажется, на каюте два костра горят. Один белым пламенем. Другой — красным.

Бемекл стоит на носу плота. Стоит и думает. О чём? О бемеклятах. Как они там, в царстве Ледомора? Живы ли? Плачут, наверное. Холодно им. Голодно. Страшно. Постучав копытом по плоту, Бемекл бормочет:

— Плыви-ка побыстрее, плот. Нас малышня зовёт и ждёт. Мои там плачут бемеклята. О, Туч Липуч, злодей проклятый! Остры, крепки мои рога. Не пощажу в бою врага...

Рюх Ух Тюх, упав на спину, чешет щёточкой щетину. Гладит каждый волосок. Чистит круглый пятачок. Очищает грязь с копыт. И тихонечко сопит...

Дюзик на мачте. На самой макушке. Всё наострил он. И глазки. И ушки. Видит и слышит он далеко. Перехитрить его не легко.

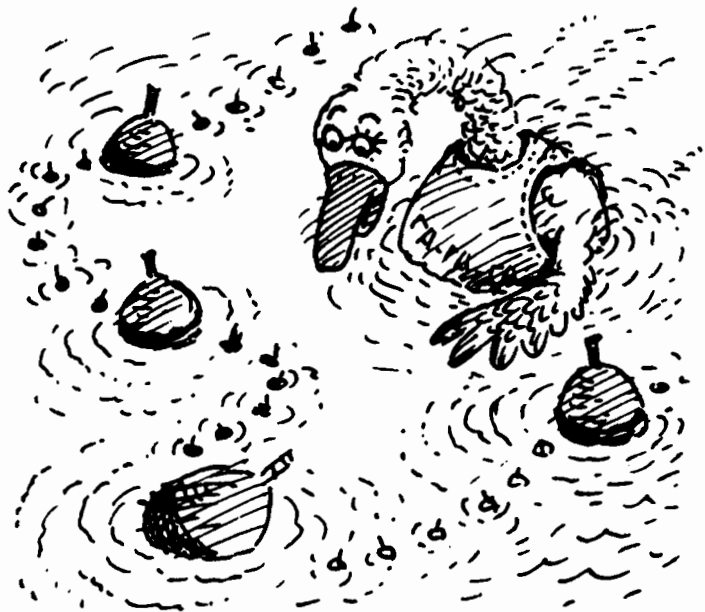
Высматривает он те три кедра над обрывом, за которыми схоронилась Змеиная Застава.

Ну, а Мишель, как всегда, у штурвала. Смотрит на бакены. На маяки. Руль чуть-чуть влево. Руль чуть-чуть вправо. Двигается плот серединой реки.

Волны качают стремительный плот. Тихо Мишель свою песню поёт:

Обходи беду. Но если
Грянет вдруг она,

Коли ты с друзьями вместе,
Бедя — не страшна...
Не ищи врага. Но если
Враг вдруг нападёт,
Коли ты с друзьями вместе,
Вас победа ждёт.
Падают дурные вести,
Ждёшь или не ждёшь.
Коли ты с друзьями вместе —
Всё перешагнёшь.
Пусть судьба грозитя взглядом
Из-под лохм бровей.
Коль друзья с тобою рядом,
Ты судьбы сильней...

— Ой! Что это? — закричал Дюзик. — Смотрите! Смотрите! Какие-то шары по воде скачут!

В самом деле, в небольшом заливе, недалеко от берега, прыгали по воде деревянные шары.

— Это полавки сети. Кто-то попал в них и не может вырваться, — раздумчиво проговорил Мишель. — Чапа Лапа, глянь, что под водой делается...

Чапа Лапа Га-Га-Га взмахнул крыльями. Сорвался с каюты. Бултых в реку. Подобрался к полавкам, вдохнул поглубже. И нырнул.

Нырнул и с глаз пропал. И нет его. Минуту нет. Другую нет. Друзья заволновались: не случилось ли чего. Мишель собрался было в воду прыгать. Но тут наконец вынырнул Чапа Лапа Га-Га-Га.

— Там беда! — прокричал он, выплюнув воду. — Три Осетрёнка — два брата с сестрёнкой — запутались в сети. Никак не вырвутся. Я хотел им помочь — не сумел...

— А вон рыбак плывёт. Сети вынимать! — крикнул Дюзик.

Вдали показалась рыбацья лодка. Сейчас она подплывёт. Рыбак вытащит сеть, и Осетрята погибли.

— Я к Осетрятам! — вскричал Мишель и прыгнул в воду.

Водолаз

Мишель из породы ньюфаундлендов — водолазов. Лапы у него широкие, сильные. Меж пальцев перепонки. Взмахнёт ими раз и несётся под водой, как торпеда.

Только дважды ударил он лапами по воде и уже оказался подле сети. Запутавшись в крепких, капроновых нитях, горько плакали три лобастых, глазастых Осетрёнка — два братца и одна сестрёнка. Они уже выбились из сил. Поцарапались, поранились о сеть.

— Спокойно, малыши, — утешил их Мишель. — Сейчас я разорву сеть, выпущу вас на волю.

Вцепился он когтями в сеть и давай её рвать. Но сеть не поддаётся. Трещит, а не рвётся.

Пустил Мишель в ход зубы. А зубы у него ого-го! Любую кость разгрызают. Но тонкие капроновые нитки скользили и никак не попадали на зуб.

Пока одну ячею перегрыз, дышать стало нечем. Он хоть и водолаз, но не рыба.

— Крепитесь, малыши, — сказал Осетрятам. — Сейчас всплыву. Вдохну поглубже. И опять сюда. К вам...

Ударил всеми четырьмя лапами сразу и пробкой вылетел из воды.

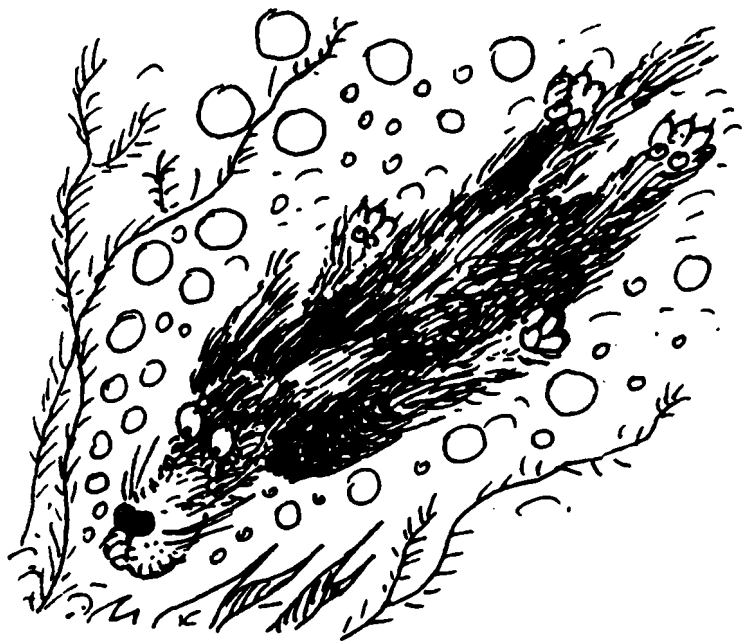
А на плоту паника.

На плоту тревога.

Рыбак совсем близко. Вот-вот подплывёт.

— Нет. Никак мне не успеть перегрызть тугую сеть,— сокрушённо вымолвил Мишель.—

Дюзик! Кликни Ветерок, чтобы нам удрать помог!

— Как же можно удирать? Надо Осетрят спасать!

— Ты же, Дюзик, вроде гном. А не ведаешь

о том: никогда... никак... нигде... Не покинем мы в беде беззащитных малышей — в сеть попавших Осетрят...

Проговорив это, Мишель запрыгнул на крышу каюты. Пригляделся к подплывающему рыбаку. Пробормотал:

— Кажется, без ружья.

Дюзик тут же поддакнул:

— Отлично вижу я. Плывёт он без ружья.

Мишель сказал:

— Раз едет без ружья рыбак. Давайте-ка поступим так. Ты, Чапа Лапа Га-Га-Га, будешь возле рыбака. Отвлечёшь его от нас. Это раз... Отгрызу я грузила, чтобы сеть наверх всплыла. Это два... Сеть Бемекл на рог возьмёт, вытащит её на плот...

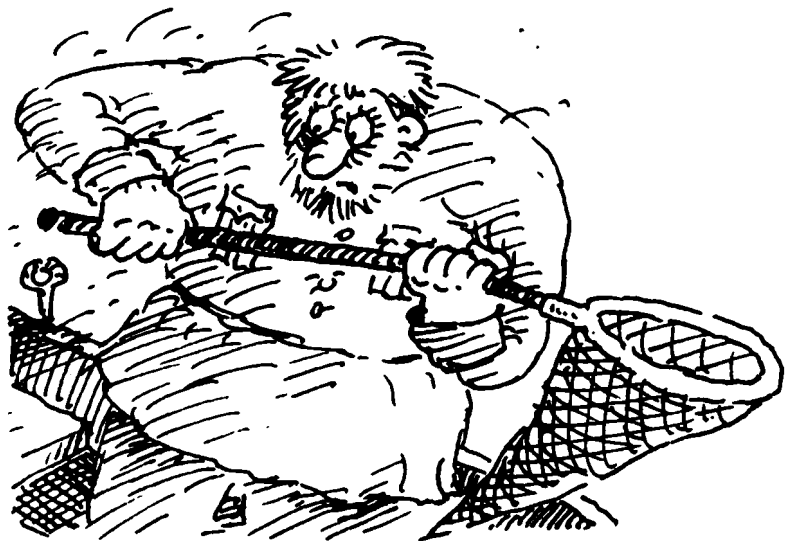
— Вместе с Осетрятами! — захлопал в ладоши Дюзик.

Спасли

В лодочке рыбак плывёт. Тихо песенку поёт. Вдруг огромный белый Гусь подлетел. На нос лодки преспокойненько сел. Он глядит на рыбака не мигая. Что за чудо? Что за невидаль такая?

Гадает рыбак: как же быть? Как же Гуся-то ему изловить.

Длинный сак берёт рыбак. Только Гусь-то

не дурак. С лодки — скок. Чуть отлетел. На воду тихонько сел.

Положил рыбак сачок. Гусь обратно в лодку — скок. Посидел рыбак, потом Гуся сбить решил шестом. Только он за шест схватился. Тут же с лодки Гусь скатился. Рядом на воде сидит и на рыбака глядит. Кинул шест рыбак, и вот Гусь опять к нему плывёт. В лодку прыгнул. Сел на нос.

— Чтобы чёрт тебя унёс! — сердится, ворчит рыбак.

И опять гадает: как? Как бы так бы исхитриться... Как бы эдак изловчиться... Чтоб прихлопнуть Гусака.

А пока...

Пока рыбак гонялся за Чапой Лапой Га-Га-Га, Мишель откусил все грузила — маленькие якоря, которые не давали сети уплыть по течению.

Без грузил сеть стала лёгкой. Бемекл подцепил её рогами. Рюх Ух Тюх поддел пятачком, вцепился зубами.

И Мишель, вскочив на плот, захватил верёвку в рот.

И давай все сеть тянуть из воды.

В хвост Мишеля вцепился Кука Река Ку-Ку-Ку. А того за хвост ухватил Дюзик. Прямо как в сказке про репку.

Тянули-тянули...

Тащили-тащили...

Вынимали-вынимали...

Выволокли на плот!

Вместе с Осетрятами в сети запуталось много разной рыбы.

Тут Иртышский князь — Краснопёрый Язь.

Самая модная, хитрая шельма — красавица Нельма.

Головастый, грудастый игрун — весёлый и вёрткий Муксун.

Вельможный, как пан, — осторожный Пыжьян.

Блюститель речного порядка — любимая всеми Стерлядка.

Ну и конечно, Зубастая Щука. Тронька её. Попробуй-ка! Ну-ка! Тот, кто в зубы Щуке попал, тот пропал.

Мишель — зубами. Бемекл — рогами. Рюх Ух Тюх — копытами. Кука Река Ку-Ку-Ку — саблей. Кто как и чем мог рубили, рвали, раздирали капроновые ячеи сети, освобождая застрявшую в них рыбу.

Первыми освободили Осетрят. Уложили малышей на брёвна в ряд. Дюзик залечил им ранки. Всем накапал валерьянки. И с Кука Рекой Ку-Ку-Ку Осетрят спустил в реку.

Когда вся рыба оказалась в воде, Кука Река Ку-Ку-Ку протрубил:

— Кукареку!..

— Фу-ты! Ну-ты! Лапти гнуты. Нет покою ни минуты, — пробормотал Чапа Лапа Га-Га-Га.

И спрыгнул с лодки рыбака.

Вот на плот он прилетел. С Кука Рекой рядом сел.

— Теперь все в сборе! — прокричал Дюзик. — Давай, Ветерок!

Разбежался. Разогнался. Разлетелся Ветерок. Ударил в парус так, что плот подпрыгнул. И полетел по волнам...

Змеинная Застава

Бежит волна. За ней другая. Бегут, друг друга подгоняя. Бегут, сшибаясь то и дело. Сверкая оторочкой белой. Бегут, качая лёгкий плот.

А тот плывёт...

Плывёт...

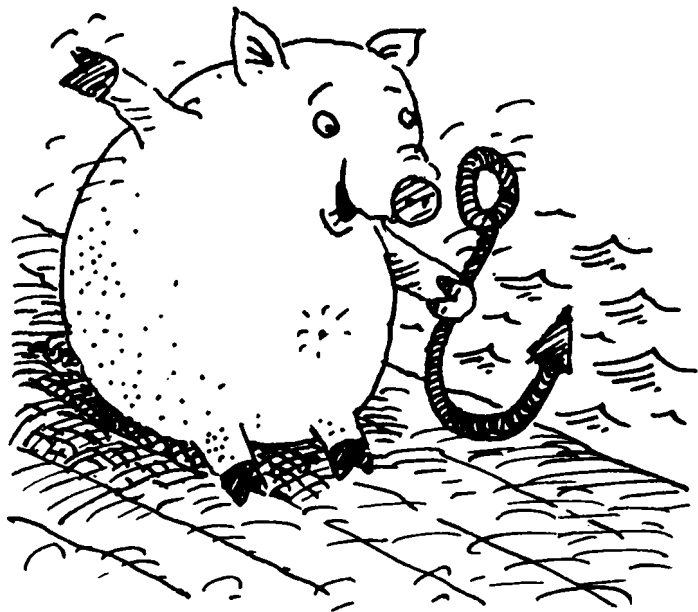
Плывёт.

И всё быстрее.

И всё вперёд...

А там, где в Обь Иртыш впадает, Змеиная Застава ждёт. И Гад Гадович не зевает. Подходы зорко стережёт.

На плоту не забыли о Змеиной Заставе. Помнят и совет Вещей Совы. Думают да гадают. Как исхитриться, чтоб со змеями не биться.

Но к бою всё же готовятся.

Бемекл острит свои рога, чтоб на рога поддеть врага.

Рюх Ух Тюх на пяточок прикрепил стальной крючок.

— Подцеплю Змею на крюк — ей какую!

Кука Река Ку-Ку-Ку саблю точит и ворчит:

— Я Змею любую сам разрублю напополам!

Чапа Лапа Га-Га-Га тоже бить готов врага. Но не знает, как змей бить. У кого про то спросить?

— Милый друг мой, Дюзик Гном. Что мне делать? Как мне быть? Чтоб Змеюку победить...

— Для чего нам с ними драться. Лучше в хитрости тягаться. Коли мы перехитрили, стало быть, мы победили.

— Фу-ты! Ну-ты! Лапти гнуты...

Начал было свою любимую приговорку Чапа Лапа Га-Га-Га. Начал, но не договорил: Дюзик закричал с мачты:

— Мишель! Вижу три кедра!

Да, это были те самые три кедра, подле которых, за поворотом, затаилась Змеиная Застава. Дальше плыть нельзя. И Мишель повернул плот к берегу.

На берегу он сказал друзьям:

— Змеиная Застава близко. Помните совет Вещей Совы: перелететь Заставу. Но как?

Наступило долгое молчание. Первым, глубоко вздохнув, проговорил Рюх Ух Тюх:

— Был бы шар у нас воздушный. Лёгкий. Звонкий. Да послушный.

А Бемекл ему в ответ:

— Хорошо, что шара нет. Что на шаре за полёт? Лучше был бы самолёт...

— Ну, хотя бы вертолёт! — Дюзик с мачты прокричал.

А Мишель... Мишель молчал.

Молчал и думал. Думал-думал-думал и вот что надумал:

— Ты, Дюзик, друг и брат всем птицам. Покличь орлов. Пусть перенесут нас через Змеиную Заставу.

Орлиная Стая

Дюзик встал на каблучок. Покрутился, как волчок. Бубенцами прозвенел. И по-птичьи просвистел:

— Эй! Крылатые друзья! Всех зову на помощь я... Прилетайте! Выручайте!

Тут же, камнем с неба, пал к его ногам проворный, стремительный Ястребок. Маленький Ястреб. Красивый. Гордый. Бесстрашный. Переступив с ноги на ногу, Ястребок негромко спросил:

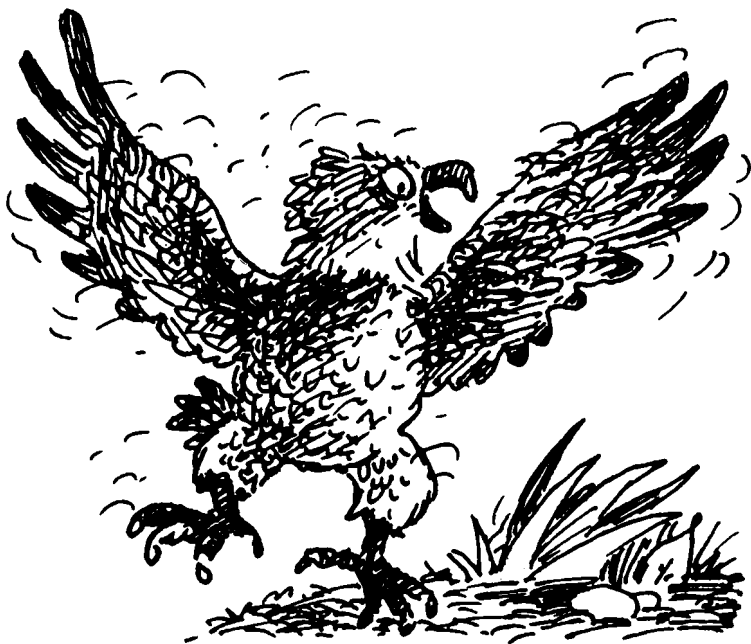
— Что случилось-приключилось? Может

быть, беда свалилась на тебя и на друзей? Отвечай, да поскорей!

Дюзик рассказал, куда и зачем они плывут. О Змеиной Заставе. О совете Вещей Совы. И так закончил свой рассказ:

— Змеиную Заставу нам не обойти. Ни слева, ни справа — нету пути. Слева — бурелом. Тряси-на — справа. Нам не обойти никак Заставу. Можно её перелететь. Но надо для этого крылья иметь. А крыльев у нас, как видишь, нет...

— Понял! — ему Ястребок в ответ.

Взлетел и сгинул с глаз.

— Подождём, — сказал Дюзик.

— Ждать — не догонять, — пробурчал Бемкл.

— Коли надо — подождём. Мы сидим не под дождём, — насмешливо промолвил Чапа Лапа Га-Га-Га.

— А пока кого-то ждём, может, песенку споём? — предложил Кука Река Ку-Ку-Ку.

И первым запел:

А ну!.. Собыёмся в стаю.

К плечу плечо.

Тогда беда любая

Нам ни-по-чём...

Друзья подхватили песню. Но не успели допеть, как в небе показался Орёл. Он был огромен. Величав. Могуч. И очень красив.

Распластав широченные крылья. Еле приметно шевеля ими, Орёл рассекал небесную синеву. Та покорно расступалась, распадалась на куски.

Ближе...

Ближе...

Ближе к друзьям красивая гордая птица.

Вот Орёл сделал широкий круг и плавно приземлился перед Мишелем.

Крылья мощные сложил. Голову слегка склонил. И негромко, но весомо он проговорил:

— Я — Вожак Орлиной Стаи. Выше, дальше всех летаю. Всё я вижу. Всё я знаю. Кто

в беде, тем помогаю. И тебе, без лишних слов, услужить сейчас готов.

Мишель Вожаку поклонился. Спасибо сказал. Извинился. За то, что нарушил орлиный покой.

Вожак перебил его:

— Ладно. Постой. Потом извиненья. «Спасибо» — потом. Пока Гад Гадович не знает о том, что вы над Заставой решили лететь. Нам надо успеть! Не то Туч Липуч поднимется ввысь, и нам никому от него не спастись!..

Расправил Вожак Орлиной Стаи широченные, могучие крылья. Чуть шевельнул ими и взлетел. Ещё раз взмахнул крылами, ещё и вот уже скрылся за подплывшим облачком.

А Мишель с друзьями оттолкнул пустой плот от берега. Течение подхватило плот. Ветерок подтолкнул его в парус. И плот поплыл вниз по Иртышу, к Змеиной Заставе, за которой Иртыш впадал в Обь. Когда плот пройдёт Змеиную Заставу, окажется в Оби, Ветерок прибьёт его к берегу. И будет там держать до тех пор, пока не явится Мишель с друзьями.

Чудо над тайгой

На речном берегу...

На таёжных прогалинах...

На верхушках пихт да кедров, елей да сосен,
берёз да осин...

Всюду маячат лесные обитатели.

Что их выманило из нор?

Что вытолкнуло из берлог?

Что подняло с лёжек?.. Выгнало из дупел?

Диво дивное. Небывалое.

Чудо чудное, расчудесное...

Вот Бурая Медведица держит Медвежонка.
Тот хохочет озорно, заливисто и звонко. Тянет
свою лапу к синим небесам:

— Посмотри-ка, папа, что за чудеса? Видишь,
вон летит медведь. Ну, а он не птица ведь!..

Бурый Мишка бурк в ответ:

— Не медведь он вовсе. Нет! Почему летит? Не знаю. Я ж на небе не бываю...

Вывела Серая Волчица волчат на прогулку. Глянула на небо. И обмерла. Что за невидаль такая? Разметав лапы, вытянув хвост, летит огромный чёрный пёс.

Озадачена Волчица: пёс ведь всё-таки, не птица...

Ещё присмотрелась. Пуще прежнего удивилась. Пёс-то не сам летит, его несут орлы. Дюжина могучих орлов вцепились в бока и спину пса и несут его куда-то.

Куда?..

Зачем?..

Следом по небу плыл Козёл.

За ним сдобная и румяная, как плюшка, белая раскормленная Хрюшка.

Дивится Волчица. Бормочет Волчица:

— Жаль у Волка крыльев нет. Был бы сытный, аппетитный, непрекраснейший обед...

— Диво дивное, — негромко молвил Лось. — Мне такого прежде видеть не пришлось. Даже наши деды не слыхали, чтоб козлы с собаками летали...

А малые зверята будто малые ребята. Смотрят. Забавляются. Зубоскалят.

От болотной кочки несутся хохоточки:

— Ква-ха-ха!.. Ква-ха-ха!..

И от берега реки долетают хохотки:

— Кря-ха-ха!.. Кря-ха-ха!..

Улюлюкают волчата.

Что есть сил визжат зайчата.

А от хохота лисята надорвали животы.

Полосатый Кабанёнок взял да вылез из пелёнок.

— Хрю-хи-хи!.. Хрю-хи-хи!..

Два весёлых оленёнка — Рыжик и его сестрёнка. Кверху мордочки задрали, что есть мочи закричали:

— Эй! Лохматый чёрный пёс! Кто, куда тебя понёс?.. Нас с собою прихвати, не соскучишься в пути!..

Озоруют бельчата. Скачут с ветки на ветку. С дерева на дерево. И тоже заливаются-хохочут. И тоже кричат.

Смех и гомон над тайгой. Только ой! да ой! да ой!..

Перелёт

Никогда прежде Мишель не летал.

Быстро бегал.

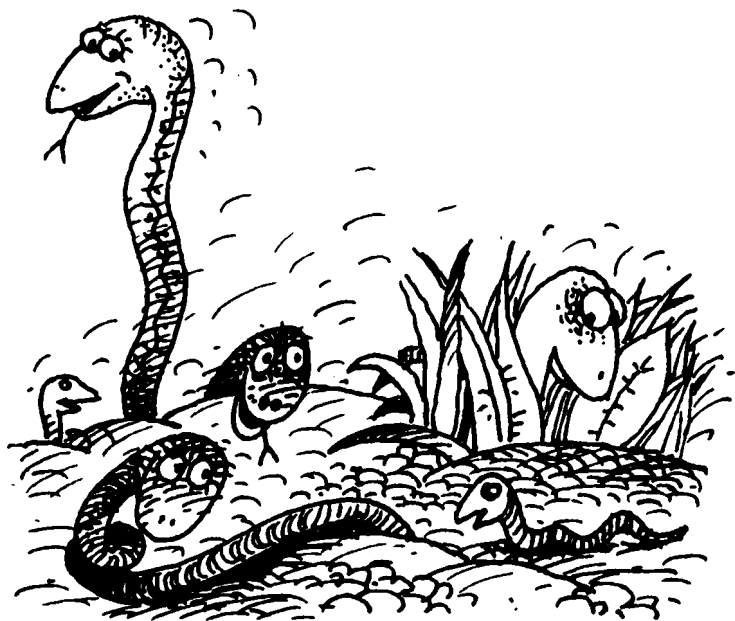
Высоко прыгал.

Глубоко нырял.

Легко плавал.

Но не летал...

По команде Вожака Орлиной Стаи дюжина орлов. Самых сильных. Самых смелых. Самых

выносливых. Подхватили Мишеля за бока. Взмахнули крыльями. И полетели вместе с ним.

Вот они поднялись выше трёх кедров, и Мишель разглядел Змеиную Заставу. Свирепые, беспощадные Гадюки затаились в прибрежных кустах. Из омута, как поплавки, торчали Гадючьи головы.

Ещё выше взмыли Орлы. Мишель увидел свой плот. Видно, Гадюки уже побывали на нём. Парус в клочья. Каюта порушена. Руль отломан.

Угадал Мишель. Угадал. Гадюки со Змеиной

Заставы побывали на плоту. Всё осмотрели. Всё перевернули и сломали. Потом доложили Гад Гадовичу:

— Чёрный пёс нас испугался. Бросил плот. Назад подался...

Распластался Мишель, растянулся. С земли глянешь на него — чёрная заплатка на синем небе. Ну, не заплатка, так чёрная тучка-летучка.

Высоко летит Мишель. Сверху ему всё-всё видно.

Вон река змеёю вьётся. Звонкою волною бьётся. В сумрачные берега. А на них — стеной Тайга.

Тайга — махина неоглядная. У берегов она нарядная. А вглуби черна, дремуча. Непроходима. Царапуча.

— Сейчас будет Змеиная Застава, — проклекотал Вожак Орлиной Стаи. — Мы над ней не полетим: увидит Гад Гадович. Полетим над Тайгой...

Ты думаешь, Тайга — это лес, лес и лес. И везде он одинаков? Нет!.. Тайга как лоскутное одеяло. Каких только «лоскутков» там нет!

Есть Кедровые Гривы. На взгорках, вольготно и величаво, как богатыри, стоят могучие кедры. Никакой мелкоты вокруг них не растёт. Просторно... Радостно... Светло...

Зато какой морок, какая сырь в пихтовых да еловых чащах! Тощие деревца стоят густо.

Ну, как щетина в щетке. Сквозь чашу эту даже вездеход не продерётся...

А таёжные урманы дремучие. Чёрные. Жуткие. Там можно и на Лешего наскочить. И со Стариком-Лесовиком столкнуться. И в когти зверя невиданного угодить...

Или буераки таёжные. Не знаешь, что это такое?.. Глубокие. Широкие овраги, доверху заросшие папоротником, боярышником, малинником, шиповником. Вся эта поросль цепляется, колется, царапается...

Но самое страшное в Тайге — болота. Высмотрел кочку, прыгнул на неё, а та ух! — и тонет в трясине. Ты перескочил на другую кочку — и та тонет. И ты тонешь вместе с ней. Кто в трясину угодил — зверь ли, человек ли, машина ли, — все погибнут!..

Зато как же красивы. Как солнечны и певучи Сосновые Боры! Сосны высоченные — макушками небо царапают. Прошитый солнцем, смолистый воздух вкусен, как майский мёд...

Потому и называют Тайгу дивом дивным, чудом чудным, живой сказкой...

Дурная весть

Так на Тайгу засмотрелся Мишель, не приметил спешащее навстречу Облачко.

Сразу видно было: Облачко спешило.

Так спешило. Так летело. Задохнулось и вспотело.

Пот с него дождём стекает. Облачко, как льдинка, тает.

Погибает.

— Ах! — вздохнуло Облачко. — Ой-ой-ой! Думала, не встречусь я уже с тобой.

— Что случилось, Облачко? — беспокоился Мишель.

— погоди... Не перебивай. Переведу дух, всё расскажу...

Прижались Облачко к чёрному боку Мишеля, передохнуло. И рассказало:

— Туч Липучу Каракручу донесли: вас орлы через заставу пронесли. Эх, озлился Туч Липуч. Разъярился Караркуч. Разъярился — в небо взвился. Вам навстречу устремился. Вот-вот явится сюда. И тогда грядёт бе-да...

Услыхал Вожак Орлиной Стаи. Крикнул своим орлам:

— Нам успеть бы только, братцы. Во-о-он до острова добраться. Доберёмся если, там Туч Липуч не страшен нам.

— Почему? — спросил Мишель.

— Это же Черёмуховый остров — владения Осетра-батюшки, речного Царя. Только Осётр и знает тайну, как одолеть Туч Липуча Каракруча. А вон и сам злодей... Спешит сюда. Скорей!..

Вдали на горизонте замаячила чёрная точка. Она стремительно приближалась, становясь все больше, больше.

Миг — и точка обернулась шариком. Шарик вырос в футбольный мяч. Мяч тут же стал похож на огромную летучую мышь.

— Шибче, братцы! — закричал Вожак Орлиной Стаи.

Из последних сил летят орлы. Что есть мочи машут могучими крыльями. Совсем близко Черёмуховый остров. Но и Туч Липуч Каракруч рядом.

Развернулся. Растянулся. Чёрной тучей обернулся. Разом всех решил накрыть. И в пещеру утащить.

Вот над орлами он навис.

Вот он рванулся резко вниз.

Сей миг сграбастает всех и...

Но Вожак Орлиной Стаи не зевал.

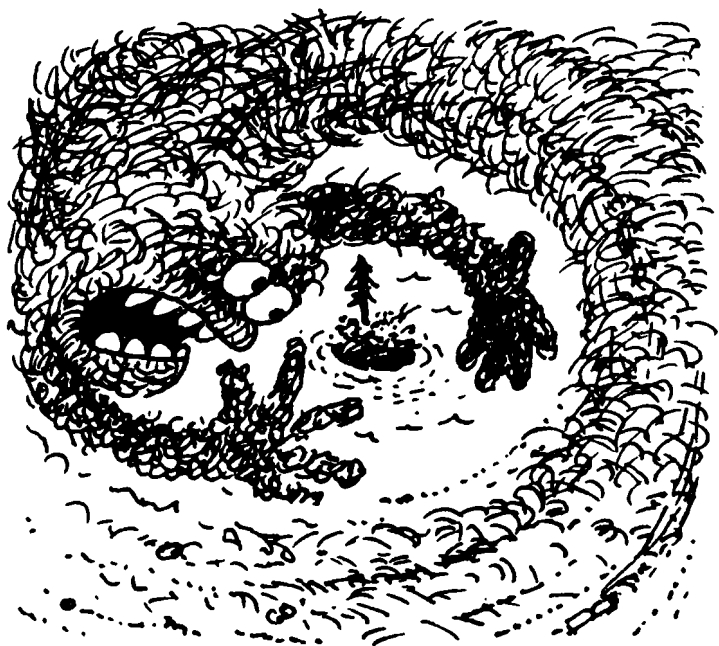
— Падаем! — скомандовал он.

Сложили орлы крылья и вместе с ношей, будто камни, повалились на остров. Туч Липуч Каракруч не погнался за ними. «Всё равно разобьются», — решил он.

Когда до острова осталось несколько метров, Вожак Орлиной Стаи крикнул:

— Крылья!

Разом раскинули крылья орлы. И повисли в воздухе. Потом медленно, плавно опустились на остров.

Понял Туч Липуч Каракруч, что его перехитрили. Задрожал от злобы. Закружил над островом.

Он над островом, как ворон, кружил. Чёрным мороком весь остров обложил. А на остров не посмел он. Не полез. Покружился. Покрутился. И исчез...

Черёмуховый остров

Ах, какой это был остров.

Расчудесный остров.

Сказочный...

Остров был маленький. И круглый. Совсем-совсем круглый. Ну, прямо наикруглейший. Как пятак. Как блюдечко.

И весь остров густо-густо зарос черёмухой. И та цвела. Да как цвела!

Гроздья крупные. Каждый цветочек как маленький колокольчик.

Прозрачный.

Яркий.

Звонкий...

А гроздья-то, гроздья... Всех цветов! Синие да белые... Чёрные да жёлтые... Оранжевые да фиолетовые... А ещё голубые, да бирюзовые, да гранатовые...

Представляешь, как необыкновенен, как наряден был остров? Куда ни глянь — всюду чуть приметно колышутся на ветру разноцветные гроздья.

И все они на солнышке блестят. И все струят волшебный аромат. И будто колокольчики звенят.

В зарослях черёмухи тропинки извиваются. Тропки извиваются — в узелок собираются. В очень крепкий узелок, чтоб никто понять не смог. Где конец? А где начало?..

В центре острова стояла. Преогромная Сосна. Как маяк была она.

На вершине. На макушке. Прилепилася избушка — берестяной теремок. В нём Дежурная Кукушка. Охраняет островок.

Кто б на остров ни ступил, Дежурная Кукушка его заметит. И тут же прозвенит над черёмуховыми зарослями:

— Ку-ку!.. Ку-ку!.. Ку-ку!..

И сразу остров оживает. Деревья клонит и качает. Звонят цветы-колокольцы. Несётся звон во все концы.

Тропинки тоже оживают. То явятся, то исчезают. Или свиваются в кольцо. И нет у них совсем концов.

И камни становятся живыми. Ворочаются. Перемещаются. Подкатываются под ноги. Вырываются из-под ног.

Даже трава становится колючей. Что ни травинка, то иголка. Не гнучая. Не ломучая. Колючая да царапучая.

Мишель с друзьями и оглядеться не успели, а Кукушка уже прокричала своё тревожное «ку-ку!». И тут же всё ожило. Задвигалось. Зашевелилось.

Ускользают из-под ног тропинки. Будто иглы, колются травинки. Камни ожили, ползут со всех сторон. Оглушил друзей цветов могучий звон. Ни вперёд шагать, ни сесть — нельзя.

Говорит Мишель:

— Постой, друзья! Мы, похоже, угодили в клетку. Подождите здесь меня. Я — в разведку.

Царь речной

С Мишелем в разведку отправился и Дюзик. Пошли сначала по тропке. Не заметили, как та свилась в кольцо. И они воротились туда, откуда пришли.

Пошли по другой тропе. И та в кольцо

свернулась. И опять они пришли, откуда ушли.

Тогда они вышли на узкую, неприметную просеку. И двинулись по ней.

То и дело Мишель останавливался. Дюзик вынимал у него из лап острые занозы. Из высокой травы выползали вдруг камни. Мишель запинаясь, ушибался.

Всё-таки они добрались до Сосны, что стояла в центре островка.

И сразу заметили под Сосной какой-то лаз. Нора не нора. Берлога не берлога.

Сунул Мишель голову в лаз, принюхался — рекой пахнет. Пригляделся — и верно вода. Колодец, что ли?

Воды он не боялся. Да и делать нечего: надо же как-то выбираться с острова.

Вдохнул Мишель поглубже и... прыгнул в воду. И вот диво. Падает он, падает. А до воды долететь никак не может.

Отступает вода и отступает. Уходит вглубь да вглубь.

Вот уже и дно колодца видно. А там, на дне, чернеют огромные острые камни.

«Сейчас грохнусь об эти камни и разобьюсь...» — подумал Мишель.

Только так подумал, падать перестал. Повис, как на парашюте.

Висит. Качается. По сторонам озирается.

Стенка колодца вдруг расступилась. Дверца широкая в ней появилась.

Вошел в неё Мишель и очутился в тоннеле.

Шагает неспешно, осторожно Мишель. Всё шире, светлее и выше тоннель.

И вот перед Мишелем зал. Таких Мишель век не видал.

Огромен зал.

Широк.

Высок.

Вверху хрустальный потолок.

Рубиновые стены.

Алмазный пол.

Как из застывшей пены, отлит широкий стол.

На мраморном помосте недвижимо стоит трон из слоновой кости — весь золотом увит.

На троне Царь речной сидит. Повелитель и владыка всех сибирских рек Осётр-батюшка.

Царю Осетру сто семьдесят лет. Он в панцирь закован. Он в латы одет.

Серебряны латы. А панцирь золотой. Корона

жемчужная над головой. Корона сверкает, словно горя. Сверкает и пояс из янтаря.

Царь держит трезубец. Сурово глядит. И грозно Мишелю Осётр говорит:

— Кто таков?.. Зачем?.. Откуда?.. Отвечай живей, покуда... Слушать я тебя желаю...

— Слушай, царь. Я отвечаю...

И Мишель рассказал, куда и зачем пробирается с друзьями. Осетру-батюшке рассказ Мишеля поглянулся. Царь речной довольно улыбнулся.

— Я добрых уважаю. Я храбрых почитаю. А смелым помогаю. Сейчас прикажу, чтоб ваш плот отыскали и к острову нашему тут же пригнали.

В зал влетели Осетрята — царя любимые внучата, те самые Осетрята, которых Мишель из сети вызволил.

Увидали они Мишеля. Кинулись к нему. И ну обнимать. Ну целовать. Приговаривать:

— Вот он — наш спаситель. Наш вернейший друг. Это он нас вырвал из рыбацких рук.

— Так это ты спас моих ненаглядных, любимых внучат? — воскликнул Осётр-батюшка. — Я тебя сейчас за это вот как награжу. Я к ногам твоим полцарства — хочешь? — положу...

Почтительно склонив голову, Мишель ответил:

— Мы спасли Осетрят не ради наград. Помогите нам Туч Липуча победить. Малышей невинных мамам воротить...

Задумался Царь речной Осётр-батюшка. А Осетрята его облепили. Ласкаются. Трутся. Просят.

— Помоги, дед...

— Пожалуйста, помоги...

— Сделай милость, помоги...

Уступил внучатам грозный Царь речной:

— Хорошо. Секрет Мишелю выдам свой. Никого на свете нет, кто бы знал про тот секрет...

Сказав это, Царь речной Осётр-батюшка повелел уйти и слугам, и охране, и Осетрятам. И Дюзика выпроводил из залы.

Остались они вдвоём: Осётр-батюшка да Мишель.

— Теперь слушай меня внимательно... — начал Осётр-батюшка.

Секрет

Поглядел Царь на Мишеля и продолжил еле-еле:

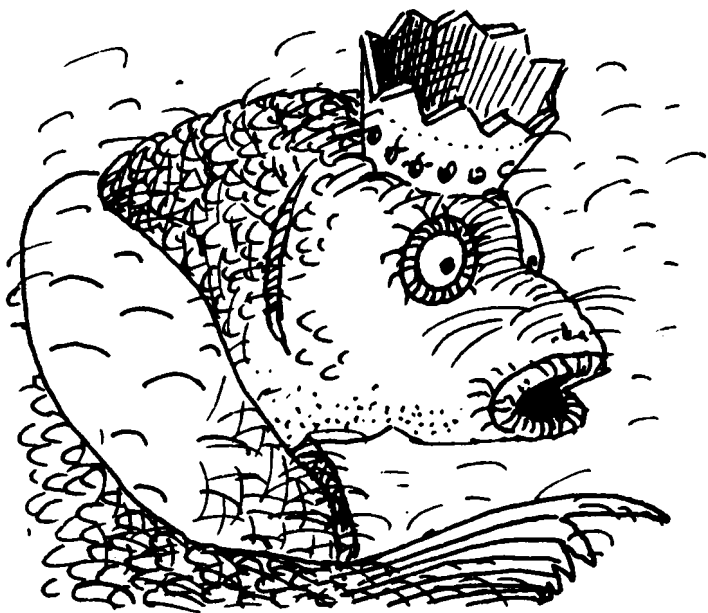
— Подойди ещё поближе. Голову склони пониже. Слушай и запоминай...

Мишель к Царю вплотную подступил. Мишель глаза и уши наострил. И Царь речной продолжил свой рассказ:

— Когда-то там, где правит Ледомор. Где

рядом Океан. В виду Уральских гор. Росли леса. Луга цвели. И краше не было земли.

В лесу зверей — не перечсть. Любая рыба в реках есть. А сколько самых разных птиц — от пеликанов до синиц...

Но вот из-за Уральских гор туда явился Ледомор. Обжора из всех обжор. И вор...

Ловил зверей он и зверят. Кто попадался, всех подряд хватал и сразу поедал.

Бежали звери кто куда. И птицы гнёзда

побросали. Леса совсем пустыми стали. Зачахли. Высохли. Пропали...

Вот тогда обжора, вор, ненасытный Ледомор. Вместе с братом Каракручем — злым, коварным и могучим.... Стали рыбу поедать.

Туч Липуч Каракруч в речку прыгал прямо с круч. Рыбу всю хватал подряд. Осетров и осетрят. Муксунов, и нельм, и щук... Враз съедал по сорок штук.

Минул год, и рыбы стало в наших реках очень мало. Да и та была пуглива. Да и та была труслива. Хоронилась там и сям по глубоким омутам...

Есть кудесник знаменитый Девясил. Вот к нему-то я собрался да поплыл. Ох и долгим... Ох! И трудным был мой путь. Расскажу тебе потом... Когда-нибудь...

Девясил мне дал Орешек не простой. Замечательный Орешек. Колдовской. И сказал:

«Кто раскусит волшебный орех. Сразу станет могучее всех. Одолеет легко он и скоро Каракруча и Ледомора...»

— Ой! — вскричал Мишель. — Дай скорее этот волшебный Орех...

Царь речной Осётр-батюшка вдруг насупился. Насупился — пригорюнился. Длинно, горестно вздохнул. И покаянно проговорил:

— Я Орешек-то волшебный обронил. Донный Родничок Орех схватил. В ил речной глубоко закопал. Вот и нет Орешка у меня. Пропал.

Я бы ил, конечно, раскопал. Да у меня ни лап, ни когтей...

— А где вы Орех обронили!... Неужто за-
были?

— Как же мог я позабыть? — обиделся
Царь речной Осётр-батюшка.

— Ну, так где же... Где Орешек? — нетерпе-
ливо допытывался Мишель.

— Обь-река — широка. Обь-река — глубока.
И извилиста. Поворот за поворотом. Самый кру-
той — поворот шестой. Там река воронку крутит.
На самом дне воронки и таится Донный Родни-
чок. В той расселинке, откуда он бежит, мой
Орешек спрятанный лежит...

— Спасибо, Царь речной Осётр-батюшка! —
Мишель низко-низко поклонился. — Мешкать
нам недосуг. Поспешим к шестому повороту.
К тому водовороту. Отыщем волшебный Оре-
шек и...

— Будьте очень осторожны, — предупредил
Царь речной Осётр-батюшка. — С тех пор как мне
кудесник дал колдовской Орешек, Туч Липуч
Каракруч и Ледомор не трогают обитателей
речных. Но ты и друзья твои — не рыбы. Не
угри. Не раки. Не жучки, не паучки водяные.
Понял?

— Понял, Царь речной, понял Осётр-ба-
тюшка. Прoberёмся...

Как же быть?

Воротились Мишель с Дюзиком к заждавшимся друзьям. Рассказал им Мишель всё, что узнал от Царя речного Осетра-батюшки. И отправились они к плоту.

Теперь от них тропинки не уползали, в узлы не свивались. Трава не царапалась. Не кололась. Камни не шевелились, под ноги не лезли. Только разноцветные гроздья черёмух, как и прежде, звенели всюду.

Плот стоял у берега, к плаванию готовый. Парус заштопан. Мачта укреплена. Руль на месте. Это слуги Царя речного постарались.

— Поплыли? — спросил Мишель друзей.
Бемекл откликнулся:

— Поплыли!

Рюх Ух Тюх сказал:

— Вперёд!

Чапа Лапа Га-Га-Га вымолвил:

— Давно пора...

А Кука Река Ку-Ку-Ку прокричал:

— Ку-ка-р-р-рреку!

Дюзик мигом влез на мачту.

Чапа Лапа Га-Га-Га и Кука Река Ку-Ку-Ку взлетели на крышу каюты.

Мишель встал к рулю.

Бемекл и Рюх Ух Тюх приготовились оттолкнуть плот от берега.

Ещё минута-другая — и плот отчалит. Его подхватит быстрое обское течение. В парус упрётся озорной весёлый Ветерок. И снова поплывут они на Север. К владениям Ледомора.

Но в тот самый миг, когда плот отошёл от острова, вдруг потемнело небо. Налетел с Севера злой Ветер.

Такой сильный.

Такой свирепый.

Такой чёрный.

Всем сделалось страшно.

Ударил чёрный Ветер в плот. Погнал его, но не вперёд. Назад, к Змеиной Заставе. И пригнал бы прямо в лапы Гад Гадовича. Да тут по зову Осетрят приплыла стая огромных осетров. Уперлись они в плот носами. Подтолкнули его к островку.

Как только плот привязали, сошли с него, чёрная буря стихла.

Волны улеглись.

Показалось Солнышко.

Заголубело небо.

Снова уселись друзья на плот. Оттолкнули от берега, и тут же вновь разыгралась буря.

Задул чёрный Ветрище с Севера. Рванул плот и поволок к Змеиной Заставе.

Снова кинулись на помощь осетры. Воротили плот на место.

Вышли друзья на островок. И буря тут же стихла.

Когда это повторилось в третий раз, Мишель понял: это проделки Туч Липуча Каракруча. Он натравил на них чёрный северный Ветрище. Он нагоняет Бурю. Не даёт отплыть от Черёмухового острова. Хочет загнать на Змеиную Заставу, в лапы Гад Гадовича.

Сошли друзья на лужок. Уселись в тесный кружок. Стали гадать да рядить: как же им дальше-то быть?

Посудили-порядили.
Погадали-поспорили.
Помечтали-пофантазировали.
И ничего не решили.
Тогда и сказал Мишель:

— Видимо, придётся нам вновь обратиться к орлам. Может, нас они спасут — куда надо донесут. Ну-ка, Дюзик, милый Гном, перемолвись с Вожаком.

Опять летим

Снова Дюзик по-птичьи позвал Ястребка. Тот вмиг появился — камнем с неба свалился. Узнал о новой беде и улетел за Вожаком Орлиной Стаи.

Выслушав Мишеля, Вожак Орлиной Стаи ахнул:

— Ах, какой далёкий путь. Нам туда недотянуть. Но покинуть вас нельзя. Мы же давние друзья.

Наутро, когда Солнце ещё макушку не высунуло из-за горизонта. Серый, редкий, студёный туман плескался по-над Обью. В небе еще не погасли остывшие звёзды...

В то самое время, когда Туч Липуч Каракруч непробудно спал... Орлиная Стая, подхватив Мишеля и его друзей, поднялась с Черёмухового острова.

Их провожал сам Царь речной Осётр-батьюшка. На расставанье он сказал:

— Запомните, любая рыбка обская — ваш верный и надёжный друг. Коли беда случится вдруг. Или нагрянет вдруг нужда. И помощь будет нужна. Спешите к реке. Скажите три слова: «Я от Царя речного». И кто услышит вас, тотчас на помощь приплывёт.

Бесшумно и проворно снялась Орлиная Стая, унося с собой Мишеля, Бемекла, Рух Ух Тюха, Чапу Лапу Га-Га-Га, Кука Реку Ку-Ку-Ку.

А Дюзик?

Дюзик уселся на нос Мишелю. Держится за Мишелевы усы. Ногами болтает. И распевает:

Снизу зелень.
Сверху синь.
Это я лечу.
Я — не птица.
Не стрела.
Всё равно лечу!..
Где ты, Солнце?
Вылезай!
Обогрей меня.
Я на солнце
Полежу,
Отдохну чуток.

Эту песенку Дюзик придумал только что. Прямо сейчас. Болтает ногами. Раскачивается из стороны в сторону. Придумывает и поёт.

И хоть песенка получается нескладная,

зато весёлая. Дюзик поёт и улыбается. И Мишель улыбается в усы. И орлы улыбаются.

Всем весело.

Вдруг...

Чёрные гремучие

На пути Орлиной Стаи грозовые тучи встали. Встали тучи на пути. Их никак не обойти. Встали чёрною стеной. Рокотнули грозно: — Стой!..

И настырные вопросы закружились, будто осы:

— Отвечайте, да скорей!

— Вы зачем?

— Куда?

— Откуда этих тащите зверей?

— Что молчите?

— Отвечайте! На себя не то пеняйте! Так тряхнём, что пух и перья с вашей стаи полетят!..

В тот же миг, как сто орудий. Громгромило громыхнул. Стрелы-молнии метнул.

Тут Вожак Орлиной Стаи ближе к тучам подлетает. Гордо выгнув грудь, Вожак отвечает тучам так:

— Мы — не галки. Не синицы. Не чижи. Не снегири... Мы — орлы — не просто птицы. Мы — над птицами цари... Мы — по крышам не пор-

скаем, как задира Воробей. Выше всех всегда летаем. Выше всех! И всех быстрее!.. Стоит нам сейчас сорваться, вам за нами не угнаться!

Осерчали тучи... Ой-ой-ой!.. Осерчали... За-ворчали... На орлов пошли стеной.

Тут Мишель приметно шевельнул хвостиком. Встопорщил уши домиком. Вскинул правую лапу.

Тучи перестали греметь да ворчать. Насторожились. Уставились на Мишеля. И тот заговорил:

— Вы — черны. И чёрен я. Значит, с вами мы — родня... Вы — могучи, но мудры. Вы — гремучи, но добры. Потому-то вы сейчас, верю я, поймёте нас...

Придвинулись тучи ближе к Мишелю. Стало совсем тихо.

Всё-всё рассказал Мишель грозovým тучам. Те слушали и дивились.

Слушали да ахали.

Ахали да охали...

Когда Мишель закончил рассказ, самая чёрная, самая грозная, самая большая Туча рокотнула:

— Ах, какие вы лихие!.. Ах, какие удалые!.. С вами мы дружить согласны...

Посветлели тучи от улыбок. Расступились. Путь орлам открыли.

Но опять заговорила самая чёрная, самая грозная, самая большая Туча:

— Мы желаем вам доброго пути. Только ведь орлам вас не донести.

Закричали тучи:

- Не донести!
- Не дотащить!
- Не дотянуть!

Самая чёрная. Самая грозная. Самая большая Туча продолжала:

— Обнаружит вас Каракруч в пути. Некому тогда будет вас спасти.

И закричали тучи опять:

- Не спасти!
- Не защитить!
- Не отстоять!

Тут Чапа Лапа Га-Га-Га к тучам подлетел. И на самую большую с краешку присел.

Ах, каким белым. Пребелым-белым. Наилейше-белым показался Чапа Лапа Га-Га-Га на чернуще чёрной Туче. Таким белым, что орлы и тучи от удивления разом ахнули.

Чапа Лапа Га-Га-Га покрасовался. Поважничал. Потом заговорил:

— Фу-ты!.. Ну-ты!.. Лапти гнуты!.. Нет покою ни минуты! Ну, чего мы тут застряли? Мало, что ль, у нас печали?.. Раз возможность есть. Всем сейчас же пересесть. Вот сюда. Ко мне. На Тучу!

Радостно закричали тучи:

- Вот те раз!..
- Вот так Гусь!..
- Хитрее нас!..

И орлы всю кричат:

- Ай да Гусь!..
- Каков мудрец!..
- Чапа Лапа молодец!..

Самая большая. Самая чёрная. Самая грозная Туча скомандовала:

- Скорей садитесь на меня!..

На Туче

Ох, черна...

Легка...

Летуча...

Грозовая эта Туча.

Ветерок подул слегка. Тронул Тучу под бока. Подтолкнул чуть, еле-еле. И друзья уж полетели. А друзья уж понеслись, подымаясь круто ввысь.

Туча — мягкая постель. Нежится на ней Мишель. Развалился. Растянулся. Свесил с Тучи лохматую голову. Смежив ресницы, смотрит вниз. На Обь. Смотрит да про себя считает речные повороты...

— Раз поворот...

— Два поворот...

— Три поворот...

Туча несётся вперёд и вперёд. Мчится, на-верное, Ветра скорей. Только Мишелю надо быстрее...

Рюх Ух Тюх зарылся в Тучу, как в соломенную кучу. Только виден пятачок. Да хвостика торчит крючок...

Чапа Лапа Га-Га-Га влез Бемеклу на рога. Крылья белые раскинул. Пёрышко-пушинку вынул. И Бемеклу сунул в нос. Тот:

— Апчххи!.. Пчхи!.. Хи!.. Хи!.. Хи!..

Так чихнул — Тучу качнуло, и друзей едва не сдуло. Кука Река Ку-Ку-Ку оказался на

боку. Дюзик тоже повалился. За Мишеля уцепился.

А Туча мчит. Летит вперёд. Вот и четвёртый поворот.

Всё быстрее летит. Быстрее. Река и лес плывут под ней.

Вдали показался пятый поворот.

Солнышко выкарабкалось из-за горизонта. Покатилось нешибко к зениту. Нагрело воздух. Серебряными блёстками осыпало Обь. Тонюсенькими золотыми нитями оплело тайгу.

Пятый поворот остался позади. Всё ближе цель. Вдруг тяжёлый вздох раздался.

— Что стряслось? — спросил Мишель.

— Ах, устала я. Устала... — Туча горько проворчала. — Дальше мне лететь невмочь. Не могли бы вы помочь? Подтолкнуть меня немного. Поддержать чуть навесу. Или до конца дороги я вас вряд ли донесу...

А как ей помочь, Туче?..

Шла б она по земле — подхватили б, покатили б... Плыла бы по воде — подтолкнули б, подмогнули б...

Но она летит.

А по-настоящему летать мог только Чапа Лапа Га-Га-Га. Но разве по силам ему утянуть либо удержать огромную — самую большую, самую чёрную, самую грозную Тучу Грозовую, на которой столько пассажиров?..

Бемекл на небо глянул хмуро. И сказал Бемекл понуро:

— Вот опять в капкан попали. Ну теперь-то мы пропали.

Чапа Лапа Га-Га-Га тряхнул Бемекла за рога.

— Ты рогат. Бородат. У тебя пять бемеклят. А пугаешься, как мышка. Ах, какой же ты трусишка! Надо думать, как нам быть. А не хныкать. Не хандрить!..

— Молодец, Чапа Лапа Га-Га-Га! — похвалил его Мишель. — Угодил в беду — не хнычь! Голову не вешай. Выбирайся из беды...

— Выбирайся... Выбирайся... — передразнил Бемекл. — А как?

Глянул Мишель на сердитого Бемекла. Улыбнулся. И говорит:

— Слушай, Дюзик, мил дружок. Кличь скорее Ветерок. Пусть с собой прихватит брата: одного-то маловато...

Прилетели Ветерок с братом Ветром. С разбегу упёрлись в усталую Тучу. И ну её толкать-разгонять.

Туча чёрная помчалась, набирая высоту. Разлетелась. Разогналась. Обошла и «Ан» и «Ту».

— Вижу!.. Вижу шестой поворот! — закричал Бемекл. — Вон и тот самый омут!

— Пожалуйста, снижайся, — попросил Мишель Грозую Тучу.

Беда

Совсем рядом долгожданный шестой поворот. Свесившись с Тучи, друзья разглядывают омут с воронкой. Гадают, где и как Туче сесть. Как потом им с Тучи слезть.

Так замечтались, загляделись, не заметили, как вырвался из-за леса чёрный шар и полетел им навстречу. Он летел, как пушечное ядро. Миг — и оказался рядом.

Навис шар над Тучей. Навис и тут же раз-

вернулся, растёкся, стал похож на преогромнейшее покрывало.

— Это ж Туч Липуч Каракруч! — крикнул Дюзик.

Но было уже поздно. Тут Липуч Каракруч пал на Тучу. Накрыл её. Сграбастал за края. Притиснул к себе и поволок.

Очутились друзья как в кротовой норе. Чернота. Духота. Даже друг друга не видно. И всё тесней становится. Всё жарче. Это Туч Липуч Каракруч поджигает, подтягивает к себе Тучу.

Сейчас он окутает всю Тучу своими чёрными крылами. Оплетёт её, как кокон. И всё! Тогда уж никто не спасёт друзей.

— Задыхаюсь! — крикнул Кука Река Ку-Ку-Ку.

— Мы пропали! — подхватил Чапа Лапа Га-Га-Га.

— Ну уж нет! — вскричал Бемекл. — Ни за что!..

И Бемекл что было сил в Тучу вдруг рога вонзил. Дырку малую пробил.

Рюх Ух Тюх сунул в дырку пяточок. Стала дырочка дырой. Прокричал Мишель:

— За мной!

И выпрыгнул в эту дыру...

Смотрят птицы. Видят звери. И глазам своим не верят. С неба сыплется не дождь. С неба падает не град. С неба звери непонятные летят.

Вот летит, как чёрный ком, пёс лохматый
кувырком. Не поймёшь, где хвост, где лапы, где
большая голова.

— Может, это Косолапый?..

— Нет. Скорей похож на Льва...

Так в тайге судачат звери. Птицы так в тай-
ге галдят. А за псом — глазам не верят: Хрюш-
ка да Козёл летят.

Кувыркался Мишель. Кувыркался. Долетел
до Оби... Бух-бул-тых в реку...

Тут же Бемекл врезался в воду... Бах-бабах!..
Рядом Рюх Ух Тюх... Бух!..

Неслышно и неприметно булькнул Дюзик.

Кука Река Ку-Ку-Ку в воду не упал. Чапа Лапа Га-Га-Га петуха поймал. Оказался Кука Река Ку-Ку-Ку на высоком . на крутом на берегу.

Туч Липуч Каракруч гневается

Что есть мочи летит Туч Липуч Каракруч. Торопится. Ой, как торопится поскорей долететь до своего логова. Там он наконец-то расправится с Мишелем и его друзьями.

Летит Туч Липуч Каракруч и придумывает казнь Мишелю. Уж больно хочется Туч Липучу Каракручу заставить Мишеля поклониться, повиниться, прощенья попросить. А вот как этого добиться?

Пока гадал — конец пути. Вот и логово родное.

Страшили Изуверы кинулись навстречу господину. Следом семенит Гад Гадович. Гнусный Гнус тут же скачет.

— Попались, голубчики! — возвестил Туч Липуч Каракруч, опускаясь перед входом в свою пещеру. — Всех повязать. Скрутить. Пытать, пока не поклонятся!.. Потом шкуру долой и в котёл!

— Будет исполнено,— кланяясь, прорычали Страшилы Изуверы.

— Не бешпокойтешь. Шшделаем,— прошипел Гад Гадович, свиваясь в кольцо.

— З-з-злуззаюзь! — промузжал Гнусный Гнус.

— Вот они. Ловите. Хватайте! — повелел Туч Липуч Каракруч, распахивая чёрные крылья и выпуская на волю Тучу.

Сплюснутая. Сморщенная. Сжатая в комок Туча упала на землю и какое-то время лежала недвижимо. Но вот она вздохнула. Шелохнулась. И медленно, очень медленно стала отрываться от земли, поднимаясь в небо.

— Стой! — завопил Туч Липуч Каракруч.—

Стой! А где эта банда? Где Мишель и его друзья?

Задрожала Туча. Ещё сильней съёжилась, сжалась в комок. Чуть слышно пролепетала:

— Н-нне знаю...

— Не знаешь? — рыкнул Туч Липуч Каракруч. — Сейчас узнаешь!

Сграбастал бедную Тучу и ну её рвать на клочки. В мелкие клочья изорвал. Чёрные клочки эти неприметно и бесшумно растаяли в воздухе. И нет Гремучей... Самой большой... Самой чёрной Тучи.

— Найти! — скомандовал Туч Липуч Каракруч.

— Ш-ш-шде-шшлаем! — прошипел, кланяясь, Гад Гадович.

И сгинул: умчался выполнять приказ.

— Из-зз-ззловим! — промузжал Гнусный Гнус.

И тоже сгинул. Вслед за Гад Гадовичем.

Где вы, там и я

Собрались друзья на берегу. Совет держат: как дальше быть.

— Сейчас Туч Липуч Каракруч кинется нас искать... — проговорил Дюзик.

— И обязательно найдёт,— уныло промолвил Рюх Ух Тюх.

— Тогда нам несдобровать! — закричал Бемекл.

— Фу-ты! Ну-ты! Лапти гнуты! Нет покою ни минуты! — закричал сердито Чапа Лапа Га-Га-Га.— Не узнаю я вас, друзья. Нам хныкать и хандрить нельзя!

— Спрячьтесь-ка в Тайге, чтоб вас не видно было,— сказал Мишель.— Посидите. Я понырю. Поищу Родничок.

— Я с тобой,— вскочил Бемекл.

— И я с вами,— поднялся Рюх Ух Тюх.

— Где вы, там и я! — Чапа Лапа Га-Га-Га взлетел. Сделал круг. Опустился рядом с Мишелем.

— Где Мишель, там и Дюзик! — воскликнул Гном, запрыгивая на Мишеля.

Кука Река Ку-Ку-Ку встал, приосанился. Негромко, с достоинством прокукарекал:

— Жаль, я плавать не могу. Но в кусты не побегу. Встану здесь на берегу. Охранять вас буду так, чтоб не смог подкрасться враг!..

Так и сделали.

Чапа Лапа Га-Га-Га взлетел, покружил чуток и скоро обнаружил омут, в котором крутилась воронка водоворота.

Первый к воронке-водовороту подплыл Бемекл. Стремительный могучий поток сразу подхватил, его завертел, закружил, затягивая вглубь.

Изо всех сил гребёт Бемекл. Хочет вырваться из водоворота. Но не может.

Пришлось Мишелю под воронку нырять. Хватать Бемекла за ноги и вытаскивать из водоворота.

— Плавайте вокруг воронки,— сказал Мишель друзьям.— А я нырну на глубину, поищу Донный Родничок.

И нырнул.

На дно опустился. А дно так затянато илом — ничего не видно. Туда-сюда, туда-сюда мечется Мишель, никакого Родничка не находит.

Вынырнул.

Снова нырнул.

Искал-искал. Опять не нашёл.

Третий раз нырнул и нос к носу столкнулся с Язём. Краснопёрый. Хитрый. Вёрткий. Язь отпрыгнул от Мишеля, но не уплыл. Полюбопытствовал издали:

- Чего ищешь?
- Донный Родничок ищу,— признался Мишель.
- А зачем? — не унимался Язь.
- Поговорить с ним хочу.
- О чём? — допрашивал Язь.
- Говорят, он много сказок знает. Хочу выпросить одну...
- Тогда плыви к тому бугорку. Под бугорком и хоронится Родничок,— сказал Язь.
- Вильнул могучим хвостом. И уплыл.
- Но у Мишеля уже воздуха в лёгких нет. Надо всплывать.
- Всплыл он. Вдохнул глубоко-глубоко. Хотел было снова нырнуть...
- Вдруг...

Схватка

Вдруг пронёсся над водой не то вздох, не то стон. Глянул Мишель на друзей: и тех встревожил этот неясный, непонятный, неприятный звук.

Тут прогремел над рекой взволнованный, громкий клич Кука Реки Ку-Ку-Ку:

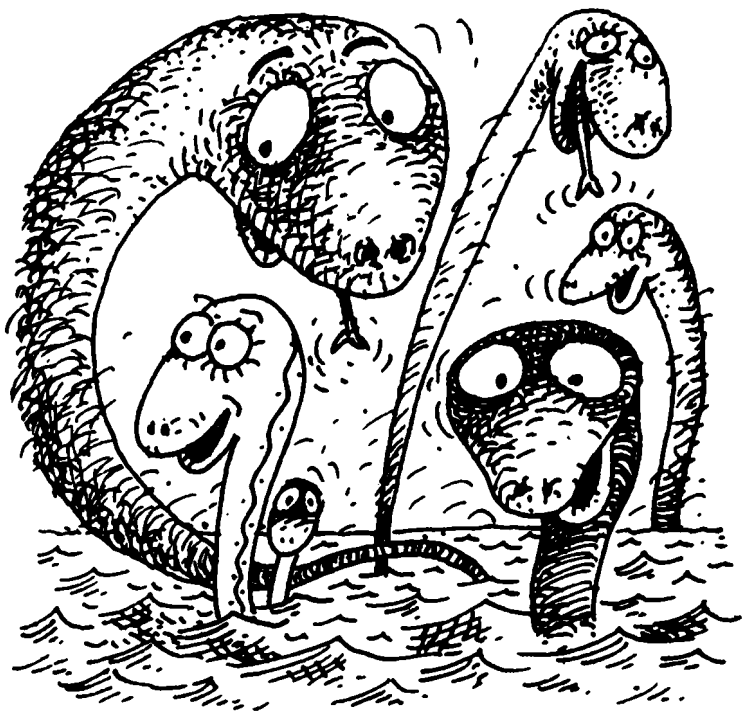
— Беда, Мишель! Беда!.. Скорее все сюда! Оглянись живей! Вокруг... девяносто пять Гадюк!..

Глянул Мишель вокруг. Всюду маячат над

водой Гадючьи головы. Горящие глаза. Разъяренные пасти. В них посверкивают смертельные жала.

Бемекл и Рюх Ух Тюх подплыли к Мишелю. Распластав крылья, завис над ними Чапа Лапа Га-Га-Га.

Окружили Гадюки друзей. Оцепили. Изготовились броситься и растерзать. Тут перед Мишелем всплыл шестиглавый Гад Гадович.

Шесть голов как шесть стволов. Метят в одну цель.

— Ну, попался наконец, чёрный пёс Мишель! Уплыви теперь попробуй. Убегии иль улети. Перекрыты все дороги. Все отрезаны пути. Вот теперь-то уж вам ноги не удастся унести... Ха-ха-ха!!!

Вслед за Гад Гадовичем расхохоталась вся змеиная орда. И загремело над Обью. Над близкой Тайгой. Взлетело до самого неба.

— Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!!!

А Мишель вдруг нырнул. Под водой Гад Гадовича за длинный, тонкий, скользкий хвостик цап зубами! И поволок Гад Гадовича на дно.

Вот так начался этот бой. Вряд ли был ещё такой.

Бьёт Бемекл Гадюк рогами. И рогами. И ногами. И тяжёлой головой.

Рюх Ух Тюх кусает. Пополам перегрызает. Топит их.

Чана Лана Га-Га-Га хватает Гадюк за шею. Выдёргивает из воды. Поднимает вверх. И швыряет на колючие, шипастые кусты боярышника.

И всё-таки Гадюки стали одолевать друзей. Они бросались на одного сразу целой стаей. Оплетали ноги. Обвивали шею. Начинали душить да топить.

В омуте вода клокочет. В омуте кипит вода.

Тут по-птичьи. Что есть мочи. Дюзик закричал:

— Беда!.. Эй, пернатые! Сюда!.. Погибаем!..
Бьём тревогу!.. Эй! Спешите на подмогу!..

Услыхали Дюзика малые птахи таёжные. Поднялись над тайгой. В синюю высь взлетели. Заверещали. Засвиристели:

— Бе-да!.. Сю-да!.. Бе-да!.. Сю-да!..

Подхватили их клич другие птицы. Подхватили и понесли дальше. Понесли выше. Докричались наконец до орлов.

Вожак Орлиной Стаи протрубил сбор.

И рванулась стая на выручку Мишелю.

Неуловимо-стремительно падали орлы на головы Гадюк. Подхватив гадюку, взмывали ввысь. Швырнув её оземь, снова кидались вниз...

В один момент расшвыряли, раскидали всех гадюк.

Донный Родничок

И опять Мишель на дне обском. Подплыл он к бугорку, на который указывал Язь. Подплыл, прислушался. В самом деле журчит Родничок.

Мишель тихонько лапой тронул бугорок. И тотчас же показался Донный Родничок. Показался-появился. Очень-очень удивился. И сердито прожурчал:

— Ты зачем меня позвал?

Мишель рассказал, зачем потревожил Дон-

ный Родничок, и попросил отдать тот Колдовской Орешек, который обронил здесь Царь речной Осётр-батюшка.

Заважничал Донный Родничок. Зажурчал, заурчал, ещё пуще заворчал:

— Вишь чего надумали... Не отдам Орешек вам...

— Ах, какой ты дурачок, хоть и Донный Родничок! — воскликнул Мишель. — На! Возьми-ка мою лапу. Подержи-ка на весу. Я тебя на этой лапе куда хочешь унесу.

Донный Родничок запрыгал. Капризней и громче прежнего проворчал:

— Ну и что? Большая лапа. Ты меня попробуй сцапай. Замахнись-ка! Я вильну. В норку вот, под ил, нырну. Схоронюсь надолго там... А Орешек не отдам!..

Засмеялся вдруг Мишель:

— Схоронись в любую щель, я тебя достану вмиг! Ох, и глупый ты, Родник.

Тут Мишель вонзил когти в мягкий, податливый ил. Как скребанул лапой. Вывернул столько илу, что вода вокруг замутилась.

Вот теперь Донный Родничок заволновался. Не на шутку перетрусил.

— Хорошо,— уступил Донный Родничок.— Сейчас принесу тебе Колдовской Орешек.

Нырнул в свою норку и пропал. А у Мишеля уже воздух кончился. Он хоть и ньюфаундленд, хоть и водолаз, все-таки не рыба. Не может бесконечно долго под водой находиться. Всплыл он. Набрал полную грудь воздуха и снова на дно.

А Донный Родничок уже ждёт его у своей норки. Колдовской Орешек ему подаёт.

— Я с тобою поиграл,— говорит.— Всё равно Орешек я б отдал,— говорит.

Волшебный Колдовской Орешек был круглым. Гладким. Блестящим. И твердым-претвёрдым, будто каменным.

Стал Мишель с Донным Родничком прощаться. Стал его благодарить.

Родничок ему в ответ:

— Не спеши со мной проститься. Дам тебе воды напиться. Моя донная водица тебе очень пригодится.

Напился Мишель родниковой воды, и тут же на нём заросли все царапины и раны.

Колдовской Орешек

Спрятав Орешек во рту, Мишель вынырнул, но друзей на берегу не увидел. «Куда они делись?» — подумал Мишель, вылезая на берег.

Тут на ближней Елке дрогнули иголки. Послышался еле внятный шёпот:

— Берегись, Мишель. Оглянись, Мишель. Вон на небе среди туч схоронился Каракруч. Он схватил твоих друзей. Берегись! Сейчас злодей...

Ель не договорила. Дрогнула и замерла от испуга. А Туч Липуч Каракруч в шар огромный превратился и к Мишелю устремился.

— Беги,— прошептала Ель.

— Беги-беги. Спасайся,— прошуршали прибрежные ивняки.

— Хоронись под меня,— посоветовал Папоротник.

— Скрывайся,— прозвенела волною Обь.— Прыгай в воду.

— Спасибо за советы! — громко сказал Мишель. — Но от этого злодея я бежать не стану.

И вышел Мишель на лесную поляну.

Вышел и гордо встал. Широко расставил могучие лапы. Вскинул большую лобастую голову. Поднял лохматый хвост.

Удивился Туч Липуч.

Насторожился Туч Липуч.

Пал на поляну. Раскололся. Тут же убежали из него Бемекл и Рюх Ух Тюх, Чапа

Лапа Га-Га-Га и Кука Река Ку-Ку-Ку с Дюзиком на спине.

Подбежали они к Мишелю. Обступили. Изготовились к бою со страшным чудищем.

Туч Липуч Каракруч очень разозлился. Зарычал он и тотчас в зверя превратился.

Мишель и во сне не видывал такого зверя. Тот чем-то напоминал огромную-преогромную гориллу. Но был горбат. И был рогат. В пасти шесть клыков блестят. Столько ж глаз во лбу горят. Туч Липуч Каракруч так рывкнул — иглы с елей полетели. Папоротник со страху пал на мох. Обь остановилась.

— А ну! — рычал он. — Иди сюда, чёрный пёс. Я сдеру с тебя шкуру...

Гордый Мишель шагнул навстречу Туч Липучу Каракручу.

Ещё шаг.

Ещё...

Липуч весь изогнулся. Правой лапой замахнулся. Лапу левую занёс.

— Ну, держись, паршивый пёс!..

А Мишель вдруг высунул язык. Туч Липуч Каракруч увидел на языке Колдовской Орешек.

Увидел и прыгнул на Мишеля.

Мишель в сторону отскочил. Колдовской Орешек раскусил.

Туч Липуч Каракруч повалился.

Закричал.

Завизжал.

Забился.

В паучка-крестовичка превратился.

Чапа Лапа Га-Га-Га паучка лапой при-
давил.

Кука Река Ку-Ку-Ку паучка саблей раз-
рубил.

Вот и сгинул Туч Липуч Каракруч.

Так же скоро одолели Ледомора.

А потом...

Домой

Ликует Тайга.

Поёт... Веселится...

Ликут все звери.

Ликут и птицы.

Несутся. Летят отовсюду, спеша. На берег
Оби иль Иртыша.

Вот махом несётся красавица Рысь. Огром-
ная. Серая. Гибкая кошка. В лесу ты её сто-
ронись. Берегись. Коварна она. И капризна
немножко. Любой обойдёт самый хитрый капкан.
Боятся её даже Лось-великан...

Сквозь чащи пихтовые. Сквозь бурелом.
Прёт напрямиком. Как танк, напролом. Хозяин
Тайги — Медведь Косолапый. Машет тяжёлой
когтистой лапой. Машет и громко, протяжно
ревёт:

— Наша победа!.. Наша берёт!..

С выводком малых проворных волчат Волк и Волчица к берегу мчат. Воют Волчица и Волк на бегу:

— Все собирайтесь на берегу-у-у-ууу!

Меж древних кедров, неприметно и ловко, юлит, пробегая, Лисица-огнёвка. Хвост у Лисицы огнём полыхает. Кажется, это костёр пробегает. Кличет Лисица родных и друзей:

— Э-э-э-эй!.. На берег скорей!..

Белка скачками. С ёлки на ёлку. К речке несётся. Кричит без умолку:

— Нету больше Туч Липуча! Победили Каракруча!.. Ледомора победили!.. Малышей освободили!..

Птичья рать валит валом. Небо ходит ходуном.

Кто только не явился, чтоб встретить Мишеля и спасённых малышей.

Вот показался наконец знакомый плот:

Да не один.

Следом за ним ещё...

Раз...

Два...

Три...

Четыре...

Пять...

Шесть...

Семь...

Восемь...

Девять...

Десять!..

Ещё десять таких же плотов. И на всех малые зверята, отнятые у таёжных жителей беспощадным Туч Липучем Каракручем.

Каждый плот тащит сорок осетров да сорок орлов. Да ещё Ветерок в спину толкает.

Там, где плоты плывут, течения нет. Река им уступает путь.

На первом плоту Мишель с друзьями —

Чапой Лапой Га-Га-Га, Кука Рекой Ку-Ку-Ку,
Рюх Ух Тюхом, Бемеклом, Дюзиком и, конечно
же, с похищенными кукарекакукукятками,
чапалапагагагагеньчиками, рюхухтютятками,
бемеклятками.

Причалили плоты к таёжному берегу. И по-
сыпались с них малые зверята:

Бельчата да бобрята.

Лисята да волчата.

Лосята да рысята.

И ещё... И ещё... И ещё... другие... разные...
зверята... Папы да мамы детёнышей обнимают.
Целуют. Ласкают.

Потом все, все, кто был на берегу. Встали
тесно — плечо к плечу.

Большие и малые.

Птицы и звери.

С ними Мишель, и Бемекл, и Чапа-Лапа-
Га-Га-Га, и Кука Река Ку-Ку-Ку, и Рюх Ух
Тюх, и конечно, Дюзик Гном.

Вещая Сова взлетела над Обью. Зависла,
выжидая, когда на берегу станет тихо.

Когда звери и птицы, сгрудясь, прижавшись
друг к другу, замерли, Вещая Сова взмахну-
ла крыльями. И берег запел:

Мы — разные птицы.

Мы — разные звери.

Но дом наш один — тайга.

И если в него вдруг закроются двери,

Погибнем мы все тогда...

Мы — разные звери,
Мы — разные птицы.
Но небо у нас — одно.
И если оно на куски разлетится,
Погибнуть нам всем суждено...
А потому...
Давайте мирно жить.
А потому...
Давайте все дружить.
Ведь только дружба...
Дружба...
Дружба...
Нас защитит.
И нас спасёт...

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОДОК НА БУГРЕ

5

РОМКА И ЕГО ДРУЗЬЯ

133

РОМКА И МЕДВЕДЬ

239

МИШЕЛЬ

357

Лагунов К.

Л 14   Сказки. — Екатеринбург.: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1994. — 528 с.: ил.

ISBN 5—7529—0626—1

В пер.: 50 000 экз.

Повести-сказки про отважных друзей Ромку, Фомку и Артоса, их злейшего врага, коварного властителя острова Спиешьпей Клык-Клыка Грумбумбеса, про веселую Кукурузинку и находчивого Пахтачка из Городка на бугре давно знакомы читателям. В книгу тюменского писателя вошла также новая сказка «Мишель» — о том, как звери спасали своих малышей из плена жестокого и кровожадного Туч Липуча Каракруча.

Рисунки С. Айнутдинова.

Для дошкольного и младшего школьного возраста.

Л 4803010201-018 5-94
М 158(03)-94

ББК 84Р7

Константин Яковлевич Лагунов

СКАЗКИ

Редактор Е. В. Черняк

Художник С. С. Айнутдинов

Художественный редактор В. С. Солдатов

Технический редактор Т. Н. Черепанова

Корректоры М. Ф. Худякова, Т. Г. Калугина, Т. В. Сергеевко

**Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010020,
выдана 17.09.91 г.**

ИБ № 57

Сдано в набор 19.11.93. Подписано в печать 31.03.94.

Формат 70×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура Обыкновенная новая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,1. Уч.-изд. л. 15,7.

Тираж 50 000. Заказ 377.

**Акционерное общество открытого типа «Средне-Уральское книжное
издательство», 620219, Екатеринбург, ГСП-351, ул. Малышева, 24.**

**Издательско-полиграфическое предприятие «Уральский рабочий»,
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.**

2700

ЕКАТЕРИНБУРГ
Средне-Уральское книжное издательство
1994